

ЭЭРО ЛООНЕ

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Э.Н.Лооне

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ
ИСТОРИИ

Таллин

Издательство „Ээсти раамат“ 1980

I ФБ

II 76

Оформление: С. Стери

О г л а в л е н и е

	стр.
В В Е Д Е Н И Е	5
Ч а с т ь I. Превращение философии истории в теорию исторического познания	10
Глава I. Введение	10
Глава II. Что такое "философия истории"?	11
Глава III. Этапы развития философии истории	20
Глава IV. Методологические проблемы в совре- менной немарксистской философии истории	32
Глава V. Задачи марксистской философии в разработке теории познания исто- рической науки	63
Ч а с т ь II. Развивавшееся строение историческо- го знания	75
Глава I. Введение	75
Глава II. Становление историографии	77
Глава III. Ступени исторического знания	86
Глава IV. Расширение поля исследований	109
Глава V. Развитие структуры картины истории ..	115
Глава VI. Социально-теоретические предпосыл- ки картины истории	123
Глава VII. Входят ли ценностные представления в историческое знание?	129
Ч а с т ь III. Процедуры установления историческо- го знания	136
Глава I. Введение	136
Глава II. Познавательная задача в историческом исследовании	139
Глава III. Историческое познание как резуль- тат обработки источников	148
Глава IV. Проблемы эмпирического историческо- го познания	159

Глава У.	Теории и квазитеории в историческом познании	168
Глава УІ.	Научное объяснение в историческом познании	182
Часть ІУ. Методология историографии и теория общественно-экономических формаций ..		
Глава І.	Введение	199
Глава ІІ.	Понятие общественно-экономической формации	201
Глава ІІІ.	Проблемы понятийного аппарата . теории формаций	211
Глава ІУ.	Последовательность формаций	225
Глава У.	Объяснение последовательности формаций	242
Глава УІ.	Проблемы номенклатуры формаций	253
Глава УІІ.	Проблемы о теории формаций (вместо заключения)	266
Summary		269
Библиография		279

ВВЕДЕНИЕ

Современная философия истории в этой книге представляется и утверждается как теория исторического познания и исторического знания. Автор не выдвигает собственную теорию истории, а изучает историографию — совокупность трудов об истории^I. В рамках представлений, господствовавших в философии в конце XVIII или в начале XIX века, такой подход может показаться необычным. Но теперь — конец XX века, и становится все меньше читателей, разделяющих представления почти двухвековой давности о предмете философии. Это не значит, что автор не имеет собственной теории истории. Наоборот, автор стоит на позициях марксистской теории истории. Но это значит, что в настоящей книге философия истории формулируется как теория познания, а не как онтология.

До сих пор почти все теоретико-познавательное рассмотрение исторических исследований занималось одной "большой проблемой", одной "надпроблемой": является ли историография наукой? Решить эту надпроблему можно двояко: либо показать, что в историографии применяются те же познавательные процедуры и те же формы знания, что и в "науках" (в первую очередь — в физике), либо показать, что для историографии характерны некоторые неприменимые в "науках" формы знания или познавательные процедуры. Скажем, в свое время спорили о том, изучают ли историки общее или индивидуальное. Затем спорили о том, пользуются ли

^I В течение всей книги я буду говорить об истории там, где имеются в виду события и явления в прошлом человечества, и об историографии там, где имеются в виду мысли людей о своем прошлом. В теоретико-познавательном исследовании полезно различать терминологически эти два понятия, которые в обычном обиходном словоупотреблении выражаются при помощи одного слова, так как значение данного слова часто понятно из контекста. Многозначность русского слова "история" отмечалась, напр., в А.В.Гулыга. История как наука. — Философские проблемы исторической науки. М., 1969, стр. 7-9.

историка научными объяснениями. Впоследствии появились философы, видевшие специфику исторического знания в том, что оно представлено в форме повествования, нарратива. Еще раньше возникло утверждение, что сущность исследования историка — воссоздание, как бы актерское исполнение того, что сперва было создано живыми участниками исторического процесса.

Мы видим, что к решению сформулированной выше надпроблемы можно подходить двояко. Можно отталкиваться от результатов, полученных в "философии науки" — спрашивать, имеются ли в историографии теории, объяснения, парадигмы². И можно "как бы" исходить из самих исторических исследований, т.е. попытаться проводить философский анализ трудов историков при помощи специально для этого созданных понятий — категорий, — а потом уже спрашивать, имеется ли нечто сходное в "науках". При этом возможны и необходимы оба подхода. И оба будут применяться в нашей книге.

Методами исторического познания интересуются не только философы³, но и историки. За последние десятилетия ис-

² То, что о научных объяснениях писали неопозитивисты, а о парадигме пишет широко известный немарксистский автор из США, не делает ни этих слов, ни соответствующих понятий запретными для марксистов. Весь вопрос в том, как такие слова и понятия употребляются, в какой связи применяются. Если некоторые немарксисты применяют определенное слово, то нет еще фатальной неизбежности, что оно соотвечствует пустому понятию либо выражает буржуазную ценность, хотя и многие их утверждения, использующие такое слово (и понятие) неприемлемы для марксистов, а часто я просто ложны. Мы не можем принять точку зрения некоторых структуралистов, согласно которой сами слова имеют классовый характер, а одно и то же явление пролетариат должен называть другим словом, чем буржуазия.

³ К сожалению, советские философы до сих пор этим занимались не очень усердно. Монографии по теории исторического познания редки. Кроме цитируемых в дальнейшем книг А.В.Гулиги, Г.М.Иванова, Д.В.Петрова, А.И.Уларова, стоит назвать еще: В.А.Грушин. Очерки логики исторического исследования. М., 1961.

терами написали ряд книг, посвященных процессу познания в формах знания их отрасли деятельности⁴. Никто не может заменить историков в выработке и применении методов познания и описания истории. Не изучение методов познания и форм сознания не может осуществляться только в пределах историографии — позже я покажу, почему в таком изучении возникает философская проблематика, требующая профессионального владения философией, а не только профессионального владения методами исторического исследования.

Для кого написана эта книга?

Для историков, потому что историкам иногда требуется знание о методах своей отрасли мышления. Для философов, потому что в ней рассматриваются философские проблемы.

Писать для представителей двух специальностей сложно, потому что в каждом существует свой фон знаний, свой фон привычных способов мышления и свои проблемы.

Прежде всего эта книга написана для философов, ибо в ней рождаются философские проблемы, даже более узкие — проблемы философии науки. Но знание философских проблем и их решений может пригодиться и историкам. Философы познания не должны замыкаться в своей прекрасной башне из словесной кости, чтобы наслаждаться там интеллектуальными играми. Это означает — некоторые труды философов должны быть понятны тем, которые могут воспользоваться мыслями философов. Философия исторического познания имеет смысл лишь в том случае, если историки могут пользоваться ее достижениями.

⁴ См. напр. Н.А.Ерофеев. Что такое история. М., 1976; Б.Н.Мирсков, З.В.Степанов. Историк и математика. Л., 1975; С.Т.Утченко. Глазами историка. М., 1966; Н.М.Дружинин. Воспоминания и мысли историка. М., 1967; E.H.Carr. What Is History? L., 1961; H.-I. Marrou. De la connaissance historique. P., 1954; T.Schieder. Geschichte als Wissenschaft. München-Wien, 1968; J.Topolski. Metodologia Historii. Warszawa, 1968; R.Torstendahl. Historia som vetenskap. Stockholm, 1971; R.Wittam. Zukunft in der Geschichte. Göttingen, 1966; einig. Anspruch und Fragwürdigkeit der Geschichte. Göttingen, 1969.

Я прекрасно осознаю, что существуют проблемы, решить которые можно только при помощи профессионального, технического языка. Любой ученый, сталкивавшийся с проблемами на стыке специальностей, должен быть готовым усвоить кое-что из мышления соседей. Философия не считалась развлекательным чтивом во времена Канта и Гегеля, так зачем же делать ее такой сейчас? Без интеллектуальных усилий читать философскую книгу нельзя. Но требовать от всех ученых, чтобы они стали специалистами нескольких наук, тоже не имеет смысла. Некоторые философские книги (и статьи) должны быть понятны для желающих их понять. Вот такой гибрид я попытался создать.

Чтобы облегчить чтение, следует все время помнить общую структуру данной книги. Она построена следующими образом.

В части I задаются вопросы: "Что такое философия истории?", "Чем должна быть философия истории?" Для ответа анализируются понятие и путь развития философии истории, особенно то направление, которое вело к появлению теории исторического познания. Цель настоящего рассмотрения теории философии истории - показать существо проблем, возникших до сих пор, и наметить требования, предъявляемые сегодня к марксистской теории исторического познания.

В части II изучается строение исторического знания с учетом его развития. В части III изучается путь познания истории - то, как историки получают историческое знание. Наконец, часть IV посвящена анализу примера: в ней результаты предшествующих частей используются для изучения одной исторической теории. В качестве таковой выбрана марксистская теория общественно-экономических формаций.

Части книги разбиты на главы, главы иногда на параграфы. Нумерация глав - в пределах части, нумерация параграфов - в пределах главы. При ссылках внутри книги автор указывает часть, главу, параграф, например, ч. I, гл. III § I. При ссылках внутри части (соответственно: внутри главы) номер части (номер главы) опускается. Ссылки на литературу и разъяснения даны в подстрочных примечаниях; полное название указываемого труда приводится только при

первой ссылке. При ссылках на труд Р.Дж.Коллингвуда "Идея истории" (The Idea of History) наряду со страницами цитируемого мной издания всегда указывается место цитируемой страницы в структуре книги Коллингвуда (по частям, параграфам и более мелким подразделениям).

Некоторые из концепций данной монографии изложены автором в ряде статей⁵. Хотя каждая из них представляет самостоятельное целое, определенные повторения уже опубликованных мыслей неизбежны.

Наконец, эта книга предполагает знакомство читателя с марксизмом в пределах современного университетского курса. В ней нет нужды повторять основные доказательства правоты марксизма и разъяснять его основные понятия. Автор не забывает о полемике с немарксистами, ее можно встретить на многих страницах. Хотя немарксисты не так уж часто могут читать по-русски, но марксисты должны располагать аргументами для философской полемики против других идейных течений. Поэтому многие утверждения книги автор стремился сформулировать так, чтобы ими можно было пользоваться в такой полемике. Не стоит писать только для успокоения собственной философской совести. Не чтобы маршеубеждать несогласных, требуется несколько иной язык, чем при общении с единомышленниками. Автор надеется, что это не вызовет слишком больших трудностей при чтении некоторых мест этой книги.

⁵ См. Возможность философии истории. - Учение записки Тартуского гос. ун-та, вып. 212. Тарту, 1968; Методологические заметки о теории общественно-экономических формаций. - Учение записки Тартуского гос. ун-та, вып. 225; Тарту, 1969; Об уровнях исторического знания и познания. - Учение записки Тартуского гос. ун-та, вып. 301. Тарту, 1973; Возникновение и развитие аналитической философии истории. - "Вопросы философии", 1974, № 6; Основные этапы развития структуры познания в исследовании истории. - Учение записки Тартуского гос. ун-та, вып. 361. Тарту, 1975; Проблема исторического объяснения. - "Философские науки", 1975, № 6.

ЧАСТЬ I

ПРЕВРАЩЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В ТЕОРИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Глава I

Введение

Считается, что история философии — часть философии. Тогда история философии истории — часть философии истории. Действительно, чтобы узнать, почему одна книга принадлежит к современной философии истории, а другая — нет, необходимо изучить развитие философии истории¹.

Чтобы понять, что такое философия истории в отличие от прочей философии, необходимо выяснить, какие произведения причислялись разными людьми к философии истории. В гл. II я и буду заниматься выяснением значений выражения "философия истории", данных этому словосочетанию в разных общественных условиях², а также вопросом, существует ли достаточное единство предмета того, что разными людьми называлось философией истории, чтобы можно было говорить о философии истории как о единой философской дисциплине.

¹ При этом я не стремился к написанию систематического труда, реконструирующего всю или значительную часть того, что в разное время называлось философией истории, ибо в советской литературе уже имеются труды такого рода, напр.: В.Ф.Асмус. Маркс и буржуазный историзм. — В.Ф.Асмус. Избранные философские труды, т. II, М., 1971; И.С.Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959. На грузинском языке издана монография: Э.И.Кодуа. Философия истории. Критика буржуазных теорий. Тбилиси, 1966 (см. рец. на нее: О.И.Джиоев. "Вопросы философии", 1967, № II).

² Думать, что имена имманентны предметам и их типам можно в рамках объективного идеализма, а не материализма. Материалиста интересует, соответствует ли некоторому имени действительный предмет или класс предметов; если же одним именем обозначаются несколько классов предметов, то материалиста интересует, каково соотношение этих классов и не вызывает ли такое словоупотребление практических неудобств.

В гл. III изучаются генетические связи разных типов философий истории и выясняется, почему философия истории менялась со временем. Так мы узнаем, какой тип философии истории является современным, а какой — нет.

В гл. IV рассматриваются отдельные вопросы теории познания в немарксистской литературе на современном этапе. Эта глава является ключевой для понимания многих последующих глав в других частях. В гл. V совершается переход от описательного к ценностно-нормативному подходу: если до сих пор я говорил, как другие авторы понимают философию истории и как они решают ее проблемы, то теперь выясняется, что можно рассматривать в качестве философии истории с марксистской точки зрения и как марксисты должны подходить к соответствующим исследовательским задачам.

Г л а в а II

Что такое "философия истории"?

§ I.

В начале XIX в. образованным европейцам казалось, что ответ на поставленный в заголовке главы вопрос само собой разумеется: философия истории не рассказывает анекдотов о прошлом, а является учением о сущности мировой истории, самих исторических процессов. Но в первой половине XX века английский философ и историк Р.Дж.Коллингвуд насчитал уже четыре способа применения выражения "философия истории" (в § I Введения изданного посмертно "Идеи истории")^I:

а) Вольтер, по мнению Коллингвуда, обозначал данным термином научную и критическую историографию, не повторяя без проверки любые рассказы, найденные в старых книгах;

б) Гегель и ряд других авторов конца XVIII в. обозначали данным термином всеобщую, всемирную историю;

в) позитивисты XIX в., как писал Коллингвуд, понимали под философией истории открытие общих законов, управ-

^I См. R.G. Collingwood. The Idea of History. L., 1966, pp. 1-7.

являющихся событиями, о которых рассказывает история;

г) сам Коллингвуд называл философией истории учение об историческом знании и познании, — учение об отношении мысли историка к самой истории. Коллингвуд полагал, что существовавшая в его время философия науки не учитывала наличия (начиная с XIX в.) как специализированных приемов познания, применяемых историками, так и исторического знания, полученного в процессе организованного и систематического познания. Следовательно, по мнению Коллингвуда, существовало достаточное основание выделять такую философию истории в относительно самостоятельную философскую дисциплину.

Несмотря на огромное влияние, оказанное Коллингвудом на развитие немарксистской теории исторического познания в англоязычной литературе, его анализ значения выражения "философия истории", оказался обойденным. Распространилась и стала общепринятой упрощенная концепция (ее мы условно будем называть позитивистской), согласно которой философия истории делится на спекулятивную (или предметную) и критическую (называемую также аналитической и формальной)². Под спекулятивной философией истории понимается философское рассмотрение самого исторического процесса, а под критической — рассмотрение знания об историческом процессе, изучение результатов изучения истории. Например, на вопрос: "Что такое исторический прогресс?" согласно позитивистской концепции отвечает спекулятивная философия истории, а на вопрос: "Что историки имеют в виду, когда говорят об историческом прогрессе?" отвечает критическая философия истории³.

² См. напр. W. H. Walsh. *An Introduction to Philosophy of History*. L., 1967, pp. 15 - 29; W.H.Dray. *Philosophy of History*, Englewood Cliffs (N. J.), 1964, pp. 1 - 3; A.C.Danto. *Analytical Philosophy of History*. L., 1965, pp. 1-16.

³ Некоторые авторы, конечно, сознают, что данная классификация упрощает суть дела. См. W.H.Dray. *Philosophy of History*, p. 1 fn. 1.

Как показывают сами термины, авторы приведенной классификации отнюдь не равнодушны к обоим выделенным ими типам философии истории. Ценность для них является только "критическая" философия истории, ибо она соответствует их концепции предмета философии. "Спекулятивная" философия истории либо не принимается всерьез, либо отвергается после критического рассмотрения как опирающаяся на произвольные исходные положения.

Несколько лет тому назад позитивистскую концепцию предмета философии истории оспорил американский философ Хаскелл Фэйн⁴. По мнению Фэйна, защитники позитивистской концепции задач философии истории попадают в противоречия с самими собой⁵. Действительно, положение Данто, что из описания знания вытекает описание реального мира, находится в противоречии с утверждениями того же Данто насчет того, что спекулятивная философия находится за пределами философии⁶. В некоторых же случаях (например, при критике Уолша) Фэйн явно обходит основные разъяснения критикуемого им автора (например, аналогии с философией природы и философией естественных наук)⁷.

Собственная концепция Фэйна представляет собой шаг назад даже от позитивистской и является в высшей степени сомнительной. Фэйн утверждает, что спекулятивные философы делают явными то, что неявно присутствует в исследованиях историков, а именно, выясняют рациональные основания выбора "единиц для нарратива" (т.е. отбора явлений, достойных исторического рассказа о них). Поскольку в "критической"

⁴ См. H. Fain. *Between Philosophy and History*. Princeton (N.J.), 1970.

⁵ См. H. Fain. *Op. cit.*, pp. 207 - 232.

⁶ См. H. Fain. *Op. cit.*, pp. 222 - 223; A.C. Danto. *Op. cit.*, pp. vii, 17.

⁷ См. H. Fain. *Op. cit.*, pp. 217 - 219; W.H. Walsh. *An Introduction to Philosophy of History*, pp. 16 - 17.

философии истории спор о нарративе и его роли в историческом исследовании являлся центральной проблемой в десятилетие, предшествовавшее выходу в свет труда Фэйна, то этим явно намекается, что "спекулятивные" и "критические" философы истории занимаются одним и тем же⁸.

Конечно, Фэйн не замечает существенного отличия обоих направлений. "Критические" философы не пытаются сами писать - в качестве философов - об истории. Многие же спекулятивные философы - например Гегель - это делали. И даже если "критические" философы утверждают, что "нарративной единицей" для исторической литературы является некоторый определенный объект, то обосновывают они свое утверждение не так как "спекулятивные" философы. Последние исходили из произвольных, априорных ("спекулятивных"), в принципе непроверяемых и менсформативных положений об "исторической действительности", о "мировом духе" и т.п. "Критические" же философы ничего больше не утверждают кроме как "историки делают так", "историки выбирают именно такие объекты для своих нарративов". Они, как философы, не стремятся писать историю человечества лучше профессиональных историков - а Гегель ведь к этому стремился!⁹

Рецензент книги Фэйна в журнале "Майнд" саркастически отметил, что труд Фэйна, несмотря на претензии автора, принадлежит все же к "аналитической" (т.е. к "критической"), а не к спекулятивной философии истории¹⁰. Кстати, сам Фэйн выработал понятийный аппарат, позволяющий в пределах его собственной концепции прекрасно различать "спекулятивную" и "критическую" философию истории! Это - концепция о "процедурах решения проблем"^{II}. "Процедурами решения" Фэйн называет комплекс реально применяемых способов доказательства и обоснования выдвигаемых утверждений. Ясно, что для Гегеля или других "спекулятивных" философов был допустимым определенный тип "процедур решения", в то время как "критические философы" пользовались другим типом процедур.

⁸ См. Н. Fain. Op. cit., pp. 288 - 233.

⁹ См. G.W.F. Hegel. Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte I. Bd. I: Die Vernunft in der Geschichte. Hg. J. Hoffmeister. B., 1968 (Hamburg, 1955). В дальнейшем Hegel. Vorlesungen I-I.

¹⁰ См. C.H. Whiteley. - "Mind", 1972, vol. 81 No. 323, p. 457.

^{II} См. Н. Fain. Op. cit., pp. 97 - 113, 156 - 171, 188 - 206.

§ 2.

Наличие рассмотренных в § I концепций показывает, что выражение "философия истории" до сих пор понималось неоднозначно. Можно выделить не менее пяти значений этого словосочетания.

(1) Под философией истории иногда понимают универсальную историю человечества (или особым образом отобранной его части), построенную исходя из определенных принципов. Так, Гегель в своих лекциях (это относится к его рукописям и к записям слушателей как от 1822 и 1828 гг., так и от 1830 г.) употреблял выражения "философия истории" и "философская всемирная история" ("philosophische Weltgeschichte") практически равнозначно¹². Это употребление соответствовало построению и духу гегелевских лекций.

В XX в. наиболее значимой попыткой подобного рода является всемирная история, написанная английским исследователем Тойнби¹³. Подобные мнения встречаются также среди исследователей-католиков. Так, Дж.Кэррэгэн полагал, что философия истории - это знание истории как результата некоей первопричины¹⁴. Естественно, что для него первопричиной всего, в том числе и истории, является бог¹⁵.

(2) Под философией истории понимают также теорию общества в целом, общественного развития в целом (в отличие от теорий отдельных частей общества, напр. экономики) - некую общую социальную теорию. Известное совпадение содержания понятий "философия истории" и "теория истории" отмечалось видным западногерманским историком О.Ф.Андерле¹⁶. Общей теорией общественного развития считал философию истории Д.И.Чесноков¹⁷, а В.И.Мишин прямо назвал исторический

¹² См. Hegel. Vorlesungen I-I, SS. 3 - 4, 22, 25, 27 - 29.

¹³ См. A. J. Toynbee. A Study of History. Vol. I - X, N.Y., 1934 - 1954.

¹⁴ См. G. J. Carraghan. A Guide to Historical Method. Chicago, 1948, p. 377.

¹⁵ См. G. J. Carraghan. Op.cit., p. 378. Поскольку корректных доказательств бытия божьего не существует, то в бога можно только верить, и это ставит подобные рассуждения за пределы науки и вообще рационального знания.

¹⁶ См. O. F. Anderle. A Plea for Theoretical History. - "History and Theory", vol. IV, No. 1, p. 51.

¹⁷ См. Д. И. Чесноков. Исторический материализм. М., 1964, стр. 4.

материализм марксистской философией истории¹⁸. Из подобного взгляда на сущность философии истории вытекает и концепция некоторых марксистских авторов о соотношении историографии и исторического материализма как о науках, изучающих, соответственно, факты и законы. Д.М.Воронов, например, в свое время писал: "Если исторический материализм изучает наиболее общие законы общества, то историческая наука последует событиям истории, связь и взаимозависимость между ними в том их виде, как они конкретно проявляются в ходе развития общественной жизни"¹⁹.

(3) Еще одним значением выражения "философия истории" служит совокупность исследований в связи с такими общифилософскими онтологическими ("метафизическими") проблемами, при решении которых необходимо учитывать онтические отличия истории (соответственно общества) от остальных типов явлений. Так, при рассмотрении причинности возникает вопрос о роли сознания в причинных связях. Поскольку нам пока не известно о других существах с развитым сознанием кроме людей, те вопросы о роли сознания в причинных цепях являются вопросами об обществе, исторических процессах.

Назовем выделенную совокупность исследований об истории трудами по философским проблемам истории (соответственно общества) по аналогии с философскими вопросами естествознания.

В решении подобных задач видел одну из целей философии истории советский ученый Г.П.Саар, который писал, что в круг проблем философии истории входят такие вопросы как вопросы о причинности и целесообразности и, конечно, вопрос о том, что такое история²⁰. Хотя неопозитивизм и аналитические школы видят задачу философии прежде всего только в рассмотрении логических проблем науки (что само по себе, конечно, входит в предмет философии) и отрицают онтологическую функцию философии, те фактически им не уда-

¹⁸ См. В.И.Мишин. Марксистская философия истории. - "Вопросы философии", 1965, № 7, стр. 154.

¹⁹ Исторический материализм. М., 1963, стр. 15.

²⁰ См. Г.П.Саар. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930, стр. 8.

ется удержаться на этой позиции. Смысли на свойства мира, описываемого наукой, играют важную роль, например, в "Ничете историзма" Поппера²¹.

(4) Проблема ценности истории, знания об истории не принадлежит к тому кругу вопросов, к которому относятся "философские вопросы истории"²². В аксиологии истории и исторического знания рассматривается и утверждается "должное", "желательное", а также выясняются рациональные основания суждений, объявляющих некоторые явления исторического знания ценными или неценными. Ценность знания об истории и ценность самой истории рассматриваются в трудах как марксистских, так и немарксистских ученых и философов²³.

(5) Наконец, под философией истории можно понимать теорию исторического знания и познания. Эта отрасль философских размышлений стала выделяться в качестве самостоятельной начиная со второй половины XIX в. Сначала Дильтей, затем Риккерт, Кроче и Коллингвуд пытались анализировать именно знание и познание исторических процессов. В настоящее время имеется значительная по своему объему литература, посвященная изучению и теоретическому осознанию исследования истории (см. напр. гл. IV). Большая часть ее написана или издана на английском языке и для современных англоязычных философов знание основных положений теории исторического познания стало частью их общего философского образования.

²¹ См. К. Р. Поппер. *The Poverty of Historicism*. Boston, 1957.

²² См. Е. Бернгейм. *Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie*. Leipzig, 1903, SS. 686, 687.

²³ См. напр. А. В. Гулыга. *Эстетика истории*. М., 1974; П. Н. Химлев. *Проблема актуальности в историческом познании*. - *Труды Томского гос. ун-та*, т. 173; О. Н. Пастырева. *Функции оценочных критериев в исторической науке*. Дисс. канд. Томск, 1974; *Geschichtsbewusstsein und sozialistische Gesellschaft*. В., 1970; А. Стерн. *Philosophy of History and The Problem of Values*. The Hague, 1962; Р. Виттрам. *Das Interesse an der Geschichte*. Göttingen, 1963; Р. Смит. *The Historian and History*. N.Y., 1964.

§ 3.

Говорить о философии истории как о единой дисциплине нет смысла при столь различных значениях термина "философия истории". Можно говорить о должном, желательном значении данного выражения — о том, чем философия истории должна быть (в отличие от выделенных выше значений). Эта тема будет рассматриваться в гл. V. Вопрос о том, существуют ли все эти типы философий истории одновременно или возникают и распространяются в известной временной (да и причинной) последовательности будет решаться в гл. III. Однако стоит указать еще на две важные проблемы.

Это, во-первых, проблема подхода к рассматриваемым объектам. Существует спекулятивный подход к истории и к изучению истории. Представители названного подхода выдумывают новые слова, новые термины, чтобы переименовать уже известные явления²⁴. Они не изучают историческую действительность, а придумывают определенные принципы (часто по сути непроверяемые или даже бессмысленные) и занимаются подгонкой фактов под эти принципы. Заметим, что спекулятивно можно "изучать", рассматривать не только исторический процесс, но и знания об историческом процессе — историографию. Так, Кроче сперва дает свое определение историографии, а затем все те виды историографии, которые не подходят под его определение, объявляет ненастоящей, ошибочной историографией²⁵. Известно, что Гегель поступал так с целыми народами²⁶.

Спекулятивному подходу противостоит эмпирический. Сторонники эмпирического подхода исходят из действительной историографии, из фактического состояния дел при изучении истории (соответственно — из фактического положения дел в самой истории)²⁷. Эмпирический подход не исклю-

²⁴ Характеристику такого подхода см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 2, стр. 63—67. В дальнейшем 2-е издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса будет обозначаться сокращенно: Соч.

²⁵ См. В. Кроце. Theorie und Geschichte der Historiographie. Tübingen, 1930, SS. 3 — 37, 139 — 261.

²⁶ См. напр. Hegel. Vorlesungen I—I, SS. 176, 264.

²⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. — Соч., т. 3, стр. 26.

чает абстракций и теорий, но в его пределах теории допускаются при условии их подтверждаемости, проверяемости; при априорном введении новых понятий предполагается и их возможная пустота (т.е. отсутствие соответствующих явлений). Именно эмпирический подход является сильной стороной современной (начиная со второй трети XX в.) англоязычной аналитической философии истории.

Во-вторых, существует содержательная проблема, по решению которой можно говорить еще о двух влиятельных партиях в философии истории. Это — вопрос о ценности науки, о том, стоит ли стремиться к рассмотрению исторических процессов в форме науки, или же следует отвергать научные методы познания истории, а также результаты такого познания как в конечном счете непригодные для изучения и понимания истории.

Как хорошо известно, марксизм с самого начала²⁸ выступает за научное познание истории, признает, что в принципе (хотя допускается и наличие специфики), научный метод является наилучшим методом познания всей действительности, в т.ч. и истории²⁹. Интересно заметить, что позитивизм на ряде этапов своего существования также ратовал за необходимость научного подхода к познанию истории (это еще не значит, что историкам-позитивистам удалось осуществить такой подход).

Многие же современные аналитики на деле выступают против признания науки наивысшей формой познания. Конечно, теперь не времена Гегеля, который рассматривал зарождавшееся тогда научное исследование истории в качестве низшей ступени знания по сравнению с философским изучением истории³⁰. Но уже Коллингвуд выдвинул теорию о нескольких равноправных формах познания и знания. Этим самым он ограничил всеобщность научного метода и оказался в лагере про-

²⁸ См. напр. К.Маркс и Ф.Энгельс. Немецкая идеология. — Соч., т. 3, стр. 15-78; они же. Святое семейство. — Соч., т. 2, стр. 93, 166; К.Маркс. Ницета философии. — Соч., т. 4, стр. 136.

²⁹ В качестве примеров выступлений советских историков-профессионалов за применение в историографии общенаучных методов см. В.М.Лавровский. Проблема единства метода исторического и естественнонаучного познания. — Проблемы всеобщей истории, вып. 1. Казань, 1967; М.А.Бург. О некоторых пред-

тивников науки. Конечно, Коллингвуд отличается от Кроче, который на определенных этапах своего философского развития открыто презирал науку. Коллингвуд не допускает "диль" научного изучения сознания. Но этими самыми - со всеми вытекающими отсюда выводами - отрицается всеобщность научного познания.

Интересно отметить, что в лице Риккерта мы имеем дело с философом, который иногда кажется предпринимающим попытку допускать оба решения. С одной стороны, Риккерт признает возможность исследовать все - и историю - научно. Но он утверждает также, что исторический способ познания применим к тем же объектам, что и научный³¹. Получаются уже два равноправных вида познания. Но в то же время им постоянно подчеркивается, что научный метод все-таки непригоден к изучению общества и его истории, ибо в истории исследователь имеет - будто бы - дело с чем-то таким, что в принципе недоступно науке (а именно: с ценностями), но доступно историографии. "Историческое познание" оказывается все же выше научного³²...

Г л а в а III

Этапы развития философии истории

§ I.

Отсутствие содержательного единства философии истории как одного раздела философии еще не означает, что нет посылок формализации исторического исследования. - Проблемы всеобщей истории, вып. I, Казань, 1967.

³⁰ См. Hegel. Vorlesungen I-I, SS. 4, 20 - 22, 30 - 31.

³¹ См. H. Rickert. Die Grenzen der Naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Tübingen, 1921, S. 173.

³² См. H. Rickert. Ibid., SS. 144, 152, 255, 389 - 393.

генетических связей между отдельными типами философии истории, или невозможно создать картину последовательности распространения различных типов. Если подобная последовательность существует, то в определенном смысле можно говорить о единстве происхождения и обозначать термином "философия истории" эту последовательность ее типов. Не надо только забывать, что единство происхождения — единство совсем другого рода, чем единство содержания. Поэтому бессмысленно утверждать: "Философия истории една, поскольку в ней существует единство происхождения, хотя и не существует единства содержания".

Поверхностному наблюдателю кажется, что последовательность происхождения легко отыскать. Разве не является основной линией возникновения новых типов философии истории переход от философских историй человечества к теории исторического познания?!

В самом деле. В конце XVIII — начале XIX в. наиболее распространенным (если не единственным) типом философии истории была философская история человечества. Идет ли речь о Кондорсе, Гердере или Гегеле, в каждом случае мы имеем дело прежде всего с сочинениями этого типа.

В конце XIX в. положение изменилось. Философия истории Г. Риккерта уже не представляла попытку написать историю человечества, а являлась теорией исторического познания. Однако необходимо обратить внимание и на то, что теория исторического познания Риккерта следовала из его онтологии, в частности, из его решения философских проблем истории. Ведь историография, по Риккерту, представляла особую форму сознания потому, что имела специфический объект — мир ценностей. Формы сознания соответствовали формам мира вне сознания.

То же относится и к Коллингвуду^I. По Коллингвуду историки изучают мир мыслей, мир духа, который непознаваем естественными методами (поэтому Коллингвуд отрицает, впрочем, и возможность психологии как науки). Специфика метода историков, по Коллингвуду, вытекает из специфики их

^I Подробнее о взглядах Коллингвуда см. гл. IY, § I.

объекта. В отличие от Риккерта внимание Коллингвуда прежде всего сконцентрировано на изучении метода историков, а не на обосновании правомочности применяемого историками способа фиксации полученного знания. Но это — отличие в пределах общего для Риккерта и Коллингвуда типа исследования, который представляет собой тесную связь философских проблем истории с теорией исторического познания.

Одновременно с работами Коллингвуда зарождался новый тип исследований, например, в трудах М.Мандельбаума² и К. Хемпеля³. Теория исторического познания перестала подчеркивать специфику объекта (или ее отсутствие) для обоснования специфики исторического познания (или ее отсутствие). Труды типа сочинений Риккерта или Коллингвуда представляются как переходные к новому типу исследований. Кстати, этим и объясняется распространенность отмеченного в гл. II § I упрощенного разделения философии истории только на критическую и спекулятивную.

Но линия изменений, приведшая к созданию теорий исторического познания, не является единственной. Еще до Риккерта, не говоря уже о Коллингвуде и Мандельбауме, возникла первая неспекулятивная теория исторического процесса — марксизм. Марксизм тоже противостоял старой философии истории, но противостоял не только как философия. Марксизм предлагал научные трактовки совокупного исторического процесса, отдельных исторических процессов и явлений (теория формаций, теория капитализма). Следовательно, вторая главная линия изменений внутри философии истории — это переход от философских историй человечества к теориям человеческой истории.

§ 2.

Возникновение какого-либо нового типа философии истории не вытесняло из духовной жизни человечества остальные типы. Если в англоязычной профессиональной философии после второй мировой войны действительно наиболее распро-

² Подробнее о взглядах Мандельбаума см. гл. IV § I.

³ Подробнее о взглядах Хемпеля см. гл. IV § 2.

страненным типом философии истории стала теория исторического познания, то это не относится ни к французской, ни к немецкой философской литературе. Кроме того писавший по-английски Тойнби, хотя профессионально и принадлежал к "касте" историков, создавал произведения, которые принадлежали к типу философских историй человечества... Итак, как только мы зададим вопрос о распространенности тех или иных типов философии истории, мы получим ответ, который так же необходим для создания картины разворачивания типов философии истории во времени, как и для реконструкции последовательности возникновения новых типов философии истории.

Отвечая на вопрос о распространенности типов философии истории — о распределениях этих типов и об изменениях распределений во времени, — необходимо учитывать еще одно обстоятельство. А именно: не все сочинения, принадлежащие к философии истории, принадлежат только к одному типу философии истории. Так, философии истории наподобие гегелевской были не просто философскими историями человечества, а решали также и проблемы ценности тех или иных явлений прошлого. Кроме выбранных нами за исходные "чистых" типов имеют место и "смешанные" типы, состоящие по меньшей мере из двух типов философии истории.

Обозначим ради краткости философские истории человечества — ФИ-1, теории истории — ФИ-2, философские проблемы истории — ФИ-3, аксиологию истории и исторического знания — ФИ-4, теорию исторического познания — ФИ-5. Объединения нескольких типов обозначим знаком \cup между названиями типов⁴. Тогда изменение философии истории можно изобразить как на схеме Л1 (см. рис. 1):

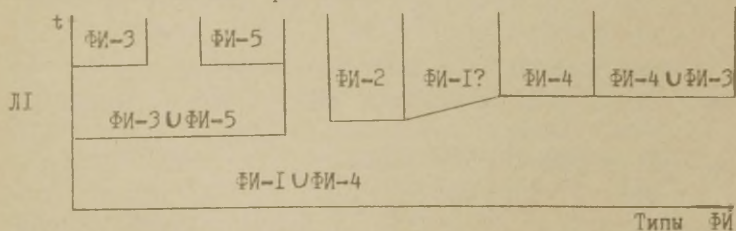

Рис. 1

⁴ Наличие чистой ФИ-1, без попыток одновременно приписывать рассматриваемому ценности или бесценности, представляется сомнительным. Эту сомнительность на схемах отмечает

Если мы интересуемся только последовательностью возникновения новых типов философии истории и абстрагируемся от сосуществования или отсутствия сосуществования их во времени, то получим схему Л2 (см. рис. 2):

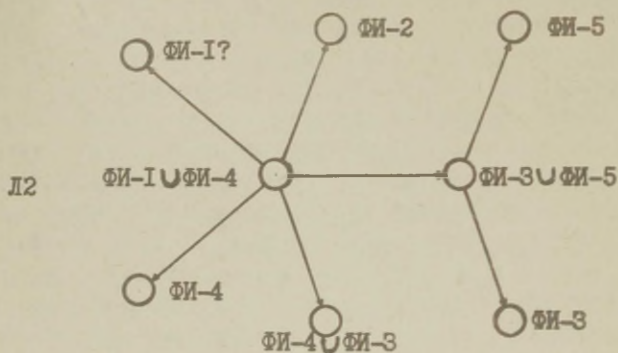

Рис. 2

Следовательно, о единстве философии истории стоит действительно говорить лишь как о единстве "исторической", о единстве происхождения. Нине, в конце ХХ в., философия истории не представляет собой единства ни по объекту и предмету, ни по методу, ни по целям; в наши дни является спорным даже принадлежность некоторых ее типов к философии (напр. ФИ-2). По сравнению с концом XVIII - началом XIX в. характер философии истории коренным образом изменился.

§ 3.

Чем вызваны изменения в философии истории от ФИ-1 ∪ ФИ-4 к ФИ-5? Коллингвуд отметил, что изменения в философии истории отображают изменения общего характера философии⁵. Несомненно, в этом Коллингвуд прав. Философия XVIII - XIX века, как хорошо известно, была натурфилософией, стро-

⁵ См. R.G.Collingwood. Op.cit., Introduction, § 1, p. 1.

для всеобщие системы, мало обращала внимания на теорию познания, не задумывалась над смыслом происходящего. Такой была и философия истории.

К концу XIX в. положение изменилось. Успехи науки XIX в. вместе с достижениями промышленности начали серьезно препятствовать делу создания спекулятивных и идеалистических теорий о мире. Становилось бесполезным выдумывание универсальных онтологических систем наподобие гегелевской, потому что мир успешно описывался и объяснялся наукой, опирающейся на эмпирический фундамент. Для философов-идеалистов выход был один — искать вопросы, которыми наука еще не занималась или мало занималась. Такие вопросы находились в то время в теории познания и аксиологии.

В середине XX в. в англоязычной философии стал господствовать анализ (логический или лингвистический). Аналитики изучали формы мысли, специфику этих форм, доводя до крайности тенденцию отхода буржуазной философии от онтологии. Теперь философы занимались даже не столько познанием, сколько знанием (отвлекаясь часто от остальных компонентов процесса познания). Естественно, что и философия истории для аналитиков — это теория исторического знания.

Аналитическая философия истории задает вопрос, какова специфика, какова сущность формы сознания, создаваемой историками, т.е. речь идет о философе, а не социологическом изучении исторической мысли. Аналитики выясняют формы этой мысли и задают вопрос, присущи такие формы только историческому знанию или же они характерны и другим отраслям общественной мысли. Вопросы о свойствах действительного исторического процесса или совсем не ставятся или возникают только на периферии аналитических трактатов. Поэтому создается видимость ухода от решения основного вопроса философии — и не возникает коллизий с важным постулатом современного рационального мышления — требованием научного установления фактов.

В самом деле, если аналитик исследует, скажем, проблему истины или разбирает вопрос об агностицизме, то в философии истории он пытается найти ответ на вопрос, существуют ли специфические для исторической мысли доводы в поль-

зу агностицизма - в отличие от общей аргументации в защиту последнего⁶. Если аналитик исследует проблему причинности, то он стремится выяснить, как употребляют историки слово "причина" - так ли, как в обиходном языке или иначе, для обозначения какого-нибудь реального явления или нет, и т. п.⁷. В то же время не решаются вопросы: "Правильен или неправилен агностицизм в принципе?", "Существуют ли причины исторического процесса и каковы они?". Аналитики не отрицают вообще правомерности вопросов последнего типа, но выносят их за пределы философии истории. Данто, например, передает их решение общей философии или наукам об обществе⁸. Напомним, что в марксизме подобные вопросы часто обсуждаются не в рамках общей теории познания или методологии науки, а в рамках учения об общественном сознании, при выяснении специфики форм общественного сознания и науки, их соотношения друг с другом.

Практически все аналитики - "реалисты", признают и доказывают реальность существования объектов исторического познания вне и независимо от самого акта познания. Какова природа этих объектов - такой вопрос попросту не ставится, как выходящий за пределы теории познания⁹. Идеализм Коллингвуда проявляется лишь тогда, когда он начинает противоставлять природу и дух¹⁰, а идеализм Данто обнаруживается в бромешном им как бы мимоходом замечании, что иссле-

⁶ См. A.C. Danto. Op. cit., p. 110.

⁷ См. W.H. Walsh. An Introduction to Philosophy of History, pp. 188 - 206; E. Ryding. The Concept "Cause" as Used in Historical Explanation. Lund, 1965.

⁸ См. A.C. Danto. Op. cit., pp. 23 - 24, 119.

⁹ В этом есть, конечно, и здравый смысл, поскольку историки изучают и "духовные" и материальные явления, процессы, события. Но такой подход позволяет также избежать неприкрытых идеалистических заявлений или же скрывает то стыдливый материализм, то стремление к компромиссу с ним. И идеализм бывает стыдливым, хотя это не было так в прошлом, напр., во времена Риккерта: см. H. Rickert. Die Grenzen der Naturwissenschaftlichen Begriffsbildung, S. 3; eiusd. Urteil und Urteilen. - "Logos", Bd. III, № 2, S. 230.

¹⁰ См. R.G. Collingwood. Op. cit., Pt. III § 7, Pt. V § 1 (ii), pp. 115, 212 - 214.

дую картину мира, мы одновременно описываем мир, откуда следует отождествление картины мира с реальной действительностью^{II}.

Однако коллингвудовская концепция причин развития философии истории все же является слишком узкой. Допустив, что развитие некоторой отрасли мысли определяется также внешними для этой отрасли причинами, Коллингвуд эти внешние причины ищет в других ^{сферах} отраслях мысли: принцип исключительного саморазвития мысли сохраняется. Не ведь несомненно, что все виды мысли взаимодействуют с экономической реальностью как со своим основанием (непосредственно или через политику). Конечно, философия делает философы. Одной из причин развития философии является обстоятельство, что имеется в наличии философы, которые выдвигают новые мысли. Но философы, в том числе и философы истории, не действуют в абсолютной пустоте. Они выдвигают свои идеи, которые распространяются — принимаются другими философами и не-философами — в определенной экономической, политической, духовной обстановке. Направление развития философии истории определяется не просто философами, а также всей внешней философам и философии обстановкой — не только остальным сознанием общества, в котором думают философы, но в конечном счете и развитием материальной основы этого общества.

Так, одной из центральных проблем исторических исследований XVIII — начала XIX века была проблема исторической значимости^{I2}. Эрудиты ведь рассказывали обо всем. Значительное тонуло в море анекдотов и деталей. Философия Просвещения и немецкая классическая философия выдвинули проблему отделения "исторического" от "не-исторического" (т.е. малозначительного) и определением образом решали эту проблему. Исторически значимым оказалось то, что приводило к современности — развитие человечества. Но их современность, или то, за что они боро-

II См. A.C. Danto. Op. cit., p. vii.

I2 См. также В.К. Яценский. Историческая география. М., 1955, стр. 278—279. В труде В.К. Яценского содержатся, наряду с прочими исследованиями, поразительные по глубине очерки истории исторической мысли XIV—XVIII вв.

лись, была современность буржуазной (иногда, как в случае с немецкой классической философией — со значительными уступками феодализму). Важным оказалось возникновение буржуазного общества — это, естественно, соответствовало желаниям класса буржуазии, порожденного экономическим развитием тех лет.

Во второй половине XIX в. основной проблемой историков стала обработка фактического материала, тем более, что наряду с классической историей политических событий возникли история учреждений, нравов, история экономики... Кризис традиционных буржуазных методов в историографии проявился, например, в споре о методе в связи с выступлениями К.Лампрехта в Германии, в попытках создать школу синтеза А.Берром во Франции, в возникновении "новой истории" в США, в творчестве В.О.Ключевского в России. Методологическая проблема появилась в результате развития самих исторических исследований.

Ответом немецкой буржуазной философии тех лет на указанную ситуацию было различие наук о природе и т.н. наук о духе. Концепция эта, развитая как Дилтеем, так и школой Виндельбанда-Риккерта, провозглашала фундаментальное различие общественных и естественных наук. Вторые будто бы обобщали и объясняли, а первые будто бы выясняли индивидуальное и стремились к пониманию. Понимание действительности противопоставлялось объяснению действительности. Хотя названные виды духовной деятельности относили тогда еще к познанию (в отличие от некоторых современных авторов), появилась концепция о понимании и объяснении как о двух равноправных, параллельных типах познания — своего рода учение о двойственной истине.

Сторонники этой концепции не совсем ясно различали основание проведенного различия (см. гл. II § 3). С одной стороны, иногда они утверждали, что одно и то же явление можно рассматривать с двух точек зрения — различие основывалось на методе познания. С другой стороны, метод понимания или индивидуализации провозглашался методом, единственно пригодным для изучения "духа" (т.е. общественного)

или же мира ценностей¹³ (последние имелись в наличии будто бы абсолютно, сами по себе¹⁴) - различие обосновывалось различием предметов познания.

Концепцией своеобразия общественных наук немецкая философия истории конца XIX - начала XX в. перешла на сторону тех буржуазных историков (не только в Германии!), которые стремились удержать историографию на уровне Ранке. При этом важно отметить, что концепция философов о характере историографии и естественных наук проникла в обиходное сознание людей через систему народного образования. Авторы трудов по методике школьного обучения истории, исходя из учения о своеобразии исторического знания, ориентировали учителей на передачу этой идеи школьникам в качестве неязвного компонента картины мира, создаваемой содержанием школьного обучения¹⁵.

Не случайно концепция противопоставления естественных и общественных наук была названа виной буржуазной. Во-первых, она выдвигалась в противовес марксизму, утверждавшему единство науки и естественноисторический характер законов общества. Во-вторых, буржуазия тех лет инстинктивно боялась изучения законов общества, отчасти потому, что к такому изучению призывали враги буржуазии - социалисты, но главным образом потому, что наступала эпоха упадка классического капитализма и, следовательно, идеалы буржуазии все более обращались в прошлое. Буржуазии теперь был нужен как иной тип философствования, так и иные философские концепции, чем в конце XVIII - начале XIX в. Когда законы развития общества уже не работали на пользу буржуазии, последней становилось выгодным доказывать, что таких законов и не может быть. Онтологим надо было заменить гносеологией.

Однако концепция, отрицавшая единство методов науки опиралась и на некоторые особенности исторического познания. Дело в том, что историки ранкеанского типа, историки, поддерживавшие "Историю Цайтирифт" и классический не-

¹³ См. напр. Н. Rickert. Die Grenzen der Naturwissenschaftlichen Begriffsbildung, S. 389.

¹⁴ См. напр. Н. Rickert. Vom Begriff der Philosophie. - "Logos", Bd. I № 1.

¹⁵ См. в качестве примера: K. Sonntag. Das geschichtliche Bewusstsein des Schülers. Erfurt, 1932, SS. 7 - 10, 24 - 38.

медкий историзм, историки, которые писали историю битв и политических баталий действительно создавали произведения, соответствующие взглядам школы понимания и индивидуализации. Но этот уровень историографии казался Дильтею, а также неокантианцам единственным, и историкам запрещалось переходить к иным уровням познания. Частичную истину школы понимания включала в ложную систему гносеологии и реакционную систему методологии.

Кстати, марксисты уже в начале XX в. выступали за единство научного метода, против выделения истории в особый род познания. Так, Г.В.Плеханов еще в 1911 г. писал:

"У Риккерта обобщающему естествознанию противопоставляется история, изображающая данные процессы развития в их индивидуальном виде. Но, кроме истории в широком смысле, есть еще социология, которая занимается "общим" в такой же мере, как и естествознание. История становится наукой лишь постольку, поскольку ей удастся объяснить изображение ее процессов с точки зрения социологии. Поэтому она относится к социологии совершенно так же, как геология относится к "обобщающему" естествознанию. А из этого следует, что Риккертово противопоставление наук о культуре наукам о природе лишено всякого серьезного основания"¹⁶.

К середине XX века факторы, вызвавшие изменение характера буржуазной философии истории в конце XIX века, сохранились. Однако расстановка сил в мире изменилась. Силы социализма настолько выросли, а возможности капитализма стали несколько ограниченными, что, с одной стороны, буржуазия готова терпеть и поддерживать любое немарксистское мировоззрение, а, с другой стороны, вынуждена пользоваться социальными науками для поддержания своего господства.

¹⁶ Г.В.Плеханов. О книге Риккерта. - Г.В.Плеханов. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 515. Приведенная цитата показывает, что Х.Фейн не является первооткрывателем идеи сходства исторических и геологических исследований. - см. H. Fein. Op. cit., p. 282. Непонимание социальных наук немецким идеализмом после Плеханова отмечено, напр., Наделем. См. G.H. Nadel. Philosophy of History before Historicism. - "History and Theory", vol. III, No. 3.

Интуитивные методы управления капитализмом больше "не работают". Их приходится заменять научными - и одновременно держать науку "в рамках", чтобы она не вздумала открывать необходимость перехода к социализму.

Такая ситуация и передвинула аналитическую философию в целом, а в качестве ее особой части - аналитическую философию истории. Последняя ныне является ведущей в англоязычных странах¹⁷, хотя рядом с ней существует и гегельянцы и экзистенциалисты, не говоря уже о религиозной мысли¹⁸.

Исследование аналитиками формы исторической мысли имеет изъян (реже - явнун¹⁹) методологико-идеологическую функцию. Ведь аналитики не только говорят: специфика исторической мысли в том-то и том-то. Они еще утверждают, что любое произведение, чтобы принадлежать к жанру исторических, должно соответствовать критериям жанра. Открытие ими формы мысли превращается таким образом в нормы мысли, а все несовместимое с этими нормами должно быть изгнано из трудов историков - хотя бы в социологии. Но большинство исторических произведений, попадающих в поле зрения аналитиков, написаны по критериям буржуазного и мелкобуржуазного подхода к исследованию истории, большинство академических историков в буржуазных странах, естественно, - немарксисты

¹⁷ Различия в философии среди англоязычных стран выражены значительно менее резко, чем различия в философии англоязычных и неанглоязычных стран. О единстве англоязычной философии см. также А.С. Богемалов. Английская буржуазная философия XX века. М., 1972, стр. 3. К англоязычной философии тяготеют и философы Швеции и Финляндии. У историков же страна их происхождения имеет значительно большее значение, чем у философов истории.

¹⁸ В профессиональной - институционализированной - философии англоязычных стран никогда не существовало влиятельных концепций онтологии исторического процесса, наподобие гегелевской философии истории. А. Тойнби не является исключением, ибо он выступал в качестве историка.

¹⁹ См. М. Mandelbaum. The Problem of Historical Knowledge. N.Y., 1938, p.2.

(о причинах мы будем говорить в ч. II). Следовательно, аналитики открывают формы буржуазной и мелкобуржуазной исторической мысли и объявляют их вечной нормой. Так разрабатываемая теория познания оказывается выгодной буржуазии — и обречена на вечное отставание от развития исторической мысли, ибо, отказываясь от предвидения развития (это ведь — "онтология", отвергаемая аналитиками), приходится защищать то настоящее, которое по существу уже прошлое.

Естественно, часть буржуазных и мелкобуржуазных философов выступает в поддержку тех тенденций в историографии, которые ведут к превращению последней в науку (подробнее см. гл. IV). Сама буржуазия, как было отмечено, вынуждена теперь терпеть и даже поддерживать определенное развитие общественных наук — эта тенденция ведь тоже должна отразиться в философии. Однако представители пронаучной тенденции часто не желают замечать марксизм и понять, что их терпят или даже ценят именно из-за отрицательного отношения к марксизму (какими бы личными мотивами это не было вызвано).

В такой борьбе за научность отражается промежуточный характер современных средних слоев — этой своего рода новой мелкой буржуазии. Кроме того, в борьбе за научность отражается давление рабочего класса на идейную жизнь современного западного общества²⁰.

Глава IV

Методологические проблемы в современной немарксистской философии истории

§ I.

Основания современного подхода к теории исторического познания были заложены в исследовании М.Мандельбаума "Проб-

²⁰ Интеллигенция отражает борьбу классов не только наличием в ее среде носителей как буржуазных, так и пролетарских идей, но и тем, что многие из интеллигенции сочетают в своем творчестве противоречивые идеи, выгодные разным классам современного им общества.

лема исторического знания", опубликованного в 1938 г. и в знаменитой работе Р.Дж.Коллингвуда "Идея истории". Изданная посмертно, последняя стала доступна философам лишь с 1946 г., хотя в основном была написана во второй половине 1930-х гг. Эти созданные до второй мировой войны труды стали образцом подхода к методологии историографии для послевоенной немарксистской философии истории (прежде всего для аналитиков англоязычных стран, которыми ограничивается наше рассмотрение).

Основные идеи Коллингвуда заключаются в следующем¹. Коллингвуд начинает с определения задач философии истории - и добавляет характеристику предмета самой философии. Философия для Коллингвуда - рефлексия, мысль не только об объектах, но одновременно размышление и об этих мыслях. Наука, считает Коллингвуд, - это мысли об объектах (так, психология берет в качестве объекта мысли "дух", но не свои мысли по поводу "духа", следовательно она принадлежит к наукам). Философия истории изучает, по этой концепции, одновременно мысли историка и объект мыслей историка. Поэтому из задач философии истории исключается рассмотрение исторического процесса самого по себе; исторический процесс касается философа лишь постольку, поскольку речь идет о тех характеристиках явлений, которые определяют сущность исторического знания. При этом Коллингвуд подчеркивает, что философия истории должна изучать действительную историческую мысль, отображать практику исторического исследования и утверждает, что только философы, обладавшие собственным опытом проведения исследований по истории (в отличие от знания учебников по истории) способны заниматься философией истории в смысле Коллингвуда².

Что же, по Коллингвуду, делают историки? Прежде всего, они познают. Они задают вопросы о прошлом - свои собственные вопросы - и в ответах на эти вопросы фиксируют истори-

¹ Некоторые взгляды Коллингвуда на историческое познание уже комментировались в: М.А.Киссель. Критика философии истории Р.Коллингвуда. - Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда, вып. 3. Философия. Л., 1961; Б.Г.Могильницкий. О некоторых тенденциях развития исторической мысли. - Труды Томского гос. ун-та, т.211. Томск, 1972.

² См. R.G.Collingwood. Op. cit., Introduction §§ 1, 2, pp. 1 - 3, 7 - 8.

ческое знание (при этом, иногда, знание того, что люди, да- же современники событий, никогда не знали). В таком смысле деятельность историков можно назвать, научной. В таком смысле произведения историков отличаются от, скажем, месо-потамских надписей о победах королей над своими врагами. В последнем случае, согласно Коллингвуду, мы имеем дело не с исторической мыслью, а с религиозной, политической и т.п. мыслью, потому что целью этой мыслительной деятельности не являлось получение знания³.

Однако, и в этом основной тезис Коллингвуда, история - не наука (хотя и научна). Для Коллингвуда прошлое не может быть верифицировано в том смысле, в каком эмпирические науки верифицируют свои данные⁴. Качественное отличие истории от науки, по Коллингвуду, определяется различиями объекта и метода.

Во-первых, объектом исторической мысли являются человеческие деяния. Человеческими, полагает Коллингвуд, делает людское поведение то, что оно связано с деятельностью мысли. Настоящим объектом изучения историков является мысль людей прошлого, следовательно, историки изучают возникновение их собственных мыслей, развитие от мыслей прошлого к мыслям настоящего, мысленное развитие прошлого в настоящее⁵.

Во-вторых, история имеет и свой собственный метод. Это - метод воссоздания, переигрывания (re-enactment) мыслей исторических деятелей. Чтобы установить, как думали люди в прошлом, надо - на основе свидетельств - воссоздать их мысли. Читая кодекс Феодосия, надо не только переводить древний текст на современный язык. Необходимо видеть, в какой обстановке находился император, каковы были возможности, каковы были мотивы выбора одной из возможностей. Учитывая все это, историк воссоздает мысль императора: он думает как Феодосий и этим самым познает мысль Феодосия⁶.

³ См. R.G.Collingwood. Op. cit., Introduction § 2, Pt. V § 3 (viii), (x), pp. 9, 10, 269 - 274, 278 - 282.

⁴ См. R.G.Collingwood. Op. cit., Introduction § 1, p. 5.

⁵ См. R.G.Collingwood. Op. cit., Introduction § 2, Pt. IV § 2 (ii), pp. 9, 169.

⁶ См. R.G.Collingwood. Op. cit., Pt. V § 4, pp. 282 - 302.

Почему именно метод переигрывания характерен для историка? Потому, отвечает Коллингвуд, что только таким образом можно исследовать сознание, дух, и главное – целесообразную и целеполагающую деятельность людей. Свойства объекта исследования определяют для него способ познания. Природа не думает, следовательно – природу нельзя исследовать методом re-enactment⁷. Дихотомия путей познания оказывается следствием дуализма мира, отрыва мысли, сознания, от материального. В "Идее истории" Коллингвуд не выступает прямо против наук о природе. Он "только" борется против идеи единства естественных и общественных наук. Поэтому он отвергает позитивизм и совершенно непонятный ему марксизм⁸.

Наконец, Коллингвуд делает попытку истолковывать историю исторических мыслей с точки зрения своих идей⁹. Если систематическое исследование исторического сознания им не было доведено до конца, то история исторического знания (первый набросок в 1936 г., переработка в 1940 г.) была разработана Коллингвудом в виде законченного очерка.

Как бы много мы не находили в этом очерке интересных и глубоких замечаний, они не могут скрывать основной недостаток коллингвудовского подхода. История исторической мысли находит согласно ему завершение в такой историографии, которая соответствует требованиям Коллингвуда. Все остальное объявляется ошибочным, представляется в качестве несущественного (характерный пример – сравнение им Геродота и Фукидида¹⁰) – одним словом, спекулятивная схема

⁷ См. R.G. Collingwood. Op.cit., Pt. IV § 4(iv), pp. 199–200.

⁸ См. напр. R.G. Collingwood. Op.cit., Pt. III §§ 8, 9, Pt. IV § 1(iv) § 3 (i), pp. 122–133, 147–151, 183. Сущность коллингвудовской позиции именно в утверждении наряду с наукой равноправного последнего способа познания. Поэтому А.Я. Гуревич ошибается, когда ему кажется парадоксальным совмещение Коллингвудом философской атаки на историю как науку с авторством "вполне реалистичных работ о древней Британии". См. А.Я. Гуревич. М. Блок и "Апология истории". – М. Блок. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973, стр. 176–177.

⁹ См. R.G. Collingwood. Op.cit., Pt. I – IV, pp. 14 – 204.

¹⁰ См. R.G. Collingwood. Op.cit., Pt. I §§ 2, 5, 6, pp. 17 – 21, 25–31. Критику Коллингвуда в этом вопросе со стороны немарксистского автора см. T.R. Tholfsen. Historical Thinking. N.Y., 1967, pp. 26 – 29.

навязывается фактам, вместо того, чтобы абстрагировать схемы из фактов. Поскольку сам Коллингвуд сознает необходимость оценивать историков по тому, что они дали нового по сравнению со своими предшественниками (напр., при рассмотрении средневековой историографии^{II}), то вышеприведенный упрек представляется особо значимым.

Близок ли Коллингвуд к Кроче? При всех несомненных сходствах (особенно в понимании историографии как интеллектуального, неэмоционального переживания) между ними имеются коренные различия и в методе и в результатах. Не вдаваясь в подробный анализ, укажем, что Коллингвуд резко различает сам исторический процесс и познание его историками, у Кроче же (в духе Гегеля) возникает их тождество^{I2}. Поэтому "Идея истории" — теория познания, хотя и прибегающая к собственному онтологическому обоснованию, в то время как "Теория и история историографии" (более поздние работы Кроче Коллингвуд уже не смог учесть) только кажется таковыми, ибо в итоге является онтологией. Кроме того, метод Коллингвуда — аналитический, т.е. показ того, что, по его мнению, историки на самом деле делают. Кроче же не исследует, а постулирует, и потом уже разделяется с неудобными фактами, изобретая типологии настоящих и ненастоящих, псевдоисторий^{I3}. Перед нами два типа идеализма^{I4}.

Мандельбаум, как и Коллингвуд, высказывает свое мнение по поводу задач философского рассмотрения историографии. Методология для Мандельбаума — часть философского исследования. Методология должна исходить из реальной совокупности работ, выполненных внутри исследуемой отрасли, и выяснять те предпосылки, которыми неявно пользуются в эмпирических исследованиях. При этом задача философа — решать, нет ли в выясненных им предпосылках внутренних противоречий, потому что наличие таких противоречий обесцени-

II См. R.G. Collingwood. Op. cit., Pt. II § 3, pp. 53 - 56.

I2 См. В. Гроссе. Theorie und Geschichte der Historiographie, SS. 5, 10, 46, 260; eiusd. Ueber die sogenannten Wert-Urteile. — "Logos", Bd. I-N° 1, S. 76.

I3 См. В. Гроссе. Theorie und Geschichte der Historiographie, SS. 3 - 36.

I4 Характеристика взглядов Коллингвуда в настоящей книге исходит только из "Идеи истории", так как именно названный труд оказывал значимое влияние на последующую ФИ-5. Мысли

вает результаты эмпирического исследования (напр. в историографии)¹⁵.

Вторая важная тема в книге Мандельбаума — проблема познаваемости в истории. Для Мандельбаума она принимает специфичный вид проблемы исторического релятивизма. Проблема релятивизма — отражают ли взгляды историка лишь его собственную эпоху и социальную принадлежность, или же они отражают и исследуемую (прошлую) действительность — была весьма актуальной для исторической мысли США межвоенного периода. Она была связана со сенсационной полемикой Ч.Бирда против традиционного понимания американской истории, приведшей к расколу в среде буржуазных и мелкобуржуазных историков. Мандельбаум пытается реконструировать в общем виде аргументацию релятивистов, рассматривает взгляды как релятивистов, так и некоторых антирелятивистов и логические предпосылки этих взглядов¹⁶.

Но для доказательства познаваемости прошлого, как показывал Мандельбаум, мало отвергнуть исторический релятивизм. Следует еще выяснить, не ставит ли прошлый характер самих объектов препятствий на пути их познания. Кроме того, сознает Мандельбаум, историк производит и не имеющие истинностного значения высказывания о ценностях. Но поскольку, как утверждает Мандельбаум, можно различать высказывания факта и высказывания ценностей, то можно и попытаться выяснить, истинны ли фактические утверждения историка. Мандельбаум признает объективный характер истины и в то же время подчеркивает, что требование проверяемости (верификации) как средства установления истины не означает, что историк должен непосредственно наблюдать протекание события. Достаточно, если это сделано кем-либо¹⁷. Таким образом, Мандельбаум философски формулирует убежденность огромного большинства практических историков, что последние

Коллингвуда существенно менялись в течение его жизни, и всякий, кто захочет писать о Коллингвуде "вообще", в целом, должен учитывать их развитие.

¹⁵ См. М. Mandelbaum. The Problem of Historical Knowledge, pp. 2, 327.

¹⁶ См. М. Mandelbaum. Ibid., pp. 15 - 174.

¹⁷ См. М. Mandelbaum. Ibid., pp. 177 - 202.

(путем критики источников) действительно выясняют истину о прошлом, хотя и не абсолютную, если речь идет об отдельных исследованиях.

Третья тема Манделъбаума – характер исторического знания, которое, для него, прежде всего знание о действительных зависимостях между отдельными событиями, явлениями. Историк, считает Манделъбаум, устанавливает не отдельные факты, а связи фактов, в том числе причинные связи. То, что "исторически" важно, это события в их взаимосвязях, а связь утверждений о фактах истории – это результат связи в самом историческом процессе. Исторический процесс для Манделъбаума первичен по отношению к сознанию об этом процессе¹⁸. И тут Манделъбаум опять выражает убежденность огромного большинства историков, что историография – не каталог всевозможных событий, а исследование связей действительности, и что утверждения об этих связях должны быть обоснованы ссылкой на сами связи.

В то же время, признает Манделъбаум, историческое знание единичного и действительно случившегося¹⁹ связано с общими принципами. Общие принципы историкам дает социология, экономическая наука и другие теоретические науки. Исторические же исследования добывают знание отдельных случаев, из которых теоретические науки выводят законы (экономические, социологические и т.п.)²⁰. Таким образом, историография оказывается общей, неспециализированной эмпирической основой социальных наук. В марксистской литературе сходная концепция развивалась уже в 1960-е гг. П. Боллхагеном в ГДР, ее придерживались и некоторые советские философы²¹. Однако, в таком случае, во-первых, отрицаются

¹⁸ См. M. Mandelbaum. The Problem of Historical Knowledge. pp. 203 – 242.

¹⁹ Возможности, по Манделъбауму, интересуют историка лишь тогда, когда зависимости событий неясны и требуются гипотезы для их поиска.

²⁰ См. M. Mandelbaum. The Problem of Historical Knowledge, pp. 243 – 272.

²¹ См. P. Bollhagen. Soziologie und Geschichte. В. 1966; Д. М. Воронов. – Исторический материализм. М., 1963, стр. 15; В. П. Рожин. Исторический материализм – всеобщая методология общественных наук. – Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968, стр. 16–17.

собственные законы историографии (что должно быть неприемлемо для марксистов; другое дело, конечно, М.Мандельбаум, который не является марксистом), и, во-вторых, тогда вообще трудно выделять историографию в отдельный вид знания, поскольку добывание эмпирического знания не составляет самостоятельной отрасли сознания, не является отдельной науки²². По своей специфике историческое знание, согласно Мандельбауму, походит, скорее всего на прикладное знание (в противоположность фундаментальному).

Конечно, взгляды Мандельбаума отличаются от идей Коллингвуда. Если Коллингвуд принадлежал к партии философских идеалистов, то Мандельбаум — материалист натуралистического толка. Если Коллингвуд отрицал возможность верификации событий прошлого, то для Мандельбаума это не составляет особой проблемы. В то же время и в "Идее истории" и в "Проблеме исторического знания" содержатся две общие идеи, которые служили основой для всего дальнейшего развития англоязычной философии истории. Первая из них — это сам подход, превращение философского анализа исторической мысли в основную задачу философии истории — как в виде аналитического выделения основных процедур исторического познания, так и в виде воспроизведения, анализа форм исторического знания. Вторая идея — это противопоставление историографии и науки (в т.ч. общественных наук!) как двух равноправных форм познания, восходящее, по существу, к немецкому идеализму второй половины XIX в. Коллингвуд принимает и важную предпосылку немецких идеалистов — форма познания отражает свойства объектов познания. Этим самими он и занимается, как было отмечено в гл. III, переходную позицию между двумя этапами развития философии истории. Мандельбаум уже всецело принадлежит к последнему этапу. Имплитной предпосылкой его труда является мысль о возможности разных форм познания одного и того же объекта (при этом, как было уже сказано, речь идет о равноценных

²² Из философов-немарксистов на это в 1957 г. обратил внимание М.Уайт. См. M.White. Historical Explanation. — Theories of History, ed. P.Gardiner. Glencoe (Ill.), 1959

формах). Именно эта проблема определяла сущность едва ли не всех последующих споров в немарксистской теории исторического познания.

§ 2.

Вторая стадия в развитии современной англоязычной философии истории характеризуется обсуждением специфических проблем, одна из которых в те или иные годы стала центром внимания философов-немарксистов²³. Первой из таких центральных проблем выдвинулась проблема объяснения²⁴. В гл. III § 3 речь уже шла о том, как она возникла в немецкой философии XIX века в виде противопоставления "понимания" "объяснению". Кроме марксизма против школы "понимания" стали выступать сторонники логического позитивизма, что случилось, когда неопозитивистский тезис о единой науке²⁵ принял форму утверждения о единстве применя-

²³ Остальные темы (напр., познаваемость прошлого, вопросы истины и релятивизма) не возбуждали живых философских баталий. Иногда они привязывались к обсуждению центральной проблемы (напр., проблема причинности в дискуссии об объяснении). Было также создано несколько обзорных трудов в виде учебников и хрестоматий. Из них многократно переиздававшаяся книга Уолша служит достаточно простым (сложность рассуждения в аналитической философии не обязательно - признак глубины), но в то же время характерным введением в философию аналитического типа. Примеры этих обзорных трудов (указываются первые издания): W.H. Walsh. An Introduction to Philosophy of History. L., 1951; W.H. Dray. Philosophy of History. Englewood Cliffs (N.J.), 1964; Theories of History, ed. P. Gardiner. Glencoe (Ill.), 1959.

²⁴ Первые серьезные марксистские очерки об этой проблеме см. И.С. Кон. К спорам о логике исторического объяснения. - Философские проблемы исторической науки. М., 1969; Д.В. Петров. Причинность в исторической науке. Томск, 1972, стр. 171-202. Зарубежный обзор проблемы см. W.H. Dray. Philosophy of History, pp. 4 - 20.

²⁵ О влиянии марксизма на неопозитивизм в этом вопросе см. F. Riedler. Einheitswissenschaft oder Einheit der Wissenschaft. В., 1971, ss. 83 - 106. К сожалению, это марксистское исследование осталось неизвестным некоторым советским авторам; на него нет ни одной ссылки, например, в посвященной той же теме статье: В.И. Мудрагей. Концепция "унифицированной науки" в логическом позитивизме. - Позитивизм и наука. М., 1975.

емых в науке методов. Это представляло собой значительный шаг вперед по сравнению с классическим физикализмом²⁶.

Доказательству применимости некоторой одинаковой процедуры познания в физике и в исторических исследованиях была посвящена ставшая ныне знаменитой статья К.Г.Хемпеля "Роль "общих законов" в исторических исследованиях" (1942 г.)²⁷. В ней Хемпель выяснял, применяется ли в историографии некоторая процедура, которую он назвал объяснением, и которую автор настоящей статьи будет ниже называть Н-объяснением. Хемпель утверждал, что общие законы играют в историографии такую же роль, как и в естественных науках. С их помощью строятся Н-объяснения и эквивалентные последним высказывания. Хемпель признавал, что историки, как правило, не ссылаются явно на общие законы, и, таким образом, если они и Н-объясняют, то не делают это в логически корректной форме. Следовательно, правомерен вопрос, Н-объясняют ли историки вообще!

Из возникшего затруднения Хемпель вышел следующим образом. Во-первых, он указал, что универсальные законы, применяемые историками, являются законами не их собственной отрасли науки, а других отраслей научных исследований,

²⁶ Утверждения (1) все законы любой науки полностью сводимы к законам физики и (2) все науки пользуются некоторыми одинаковыми приемами познания — существенно различаются, поскольку (1) не может в принципе верифицироваться, а (2) подтверждается открытием таких приемов. Для доказательства утверждения (2) требуется, например, выяснить, применяют ли в физике и историографии некоторый прием познания или нет. Конечно, открытие наличия разных приемов в разных науках само по себе не опровергает утверждения (2), но может вызвать значительные сомнения в его применимости, а в ходе дальнейших исследований поможет выяснить действительные сходства и различия рассматриваемых отраслей науки.

Напомним, что концепция объяснения развилась также из потребности не исключать правомочности научных теорий, как это следовало из концепции протокольных предложений и первоначального верификационизма.

²⁷ Ставшая библиографической редкостью, она перепечатана, напр.: *Theories of History*, ed. P. Gardiner; C. G. Hempel. *Aspects of Scientific Explanation*. N.Y. — L., 1965.

особенно индивидуальной и социальной психологии. С последними двумя отраслями каждый человек считает себя знакомым на основе повседневного опыта. Некоторые общие гипотезы, применяемые историками, происходят и от донаучных обобщений повседневного опыта. Во-вторых, явная и достаточно четкая формулировка исходных посылок в соответствии с относящимися к делу фактами представляет вообще большие трудности при изучении истории.

Признав, что историки на самом деле не Н-объясняют, Хемпель ввел понятие "объяснительный эскиз" — неполностью явное, логически не совсем точное и законченное Н-объяснение. Историки, по Хемпелю, пользуются объяснительными эскизами. Конечно, историография и в таком случае остается наукой, но она — наука "второго сорта". Хемпель отнюдь не одобрял применения объяснительных эскизов, а считал задачей историков формулирование общих законов. Концепция, предложенная Хемпелем, была одновременно и описывающей и методологической. Историки — вытекало из позиции Хемпеля, — которые в настоящее время лишь пользуются эскизными объяснениями, могут и должны Н-объяснять.

Но именно то обстоятельство, что историки — будто бы — не пользуются формулировками законов науки, а фиксируют — будто бы — индивидуальные факты, служило основанием как для традиционной школы "понимания", так и для позднейших противников позитивизма — реакционистов, по названию М. Мандельбаума²⁸ — противопоставлять историографию наукам. Вопрос о роли индивидуальных факторов является источником многих трудностей для хемпелевской концепции.

Во-первых, можно утверждать, что изучение историком индивидуальных явлений включает в себя выяснение связей (напр., причинных связей) между этими индивидуальными явлениями²⁹. На это Хемпель позже возразил, что невозможно говорить о любой причинной связи, не ссылаясь на общий закон — по крайней мере, неявно³⁰. Следовательно, Н-объясне-

²⁸ См. М. Mandelbaum. Historical Explanation: The Problem of 'Covering Laws'. — "History and Theory", vol. I No. 3, p. 229.

²⁹ См. М. Mandelbaum. The Problem of Historical Knowledge, pp. 211, 261 — 262.

³⁰ См. С. G. Hempel. Aspects of Scientific Explanation, p. 246.

ния присутствуют в науке имплицитно. Но если историография не является наукой, то хемпелевское возражение теряет силу. Историки, утверждает Дж.Пассмор, пользуются обыденными обобщениями, обыденными представлениями о "естественном", "нормальном" положении дел - настолько обыденными, что они больше не требуют обоснования³¹. Защищая десятилетием раньше хемпелевские "охватывавшие законы", П.Гардинер полагал, что обобщения, которыми историки пользуются, находятся между обыденными и научными, и что нет "китайской стены", отделяющей в развитии познания науку от своей предтечи - обыденного рассудка: люди поднимаются от обыденного сознания к научному, историография занимает как раз промежуточное положение между ними³². Поэтому А.Донаган, возражая сторонникам Н-объяснения, вынужден был заявить, что на деле здравый смысл и социальные науки не снабжают историков необходимыми для Н-объяснения обобщениями³³.

Во-вторых, возникает вопрос - поставленный, например, У.Дрэйем - о наличии в историографии экспланандумов, требуемых при Н-объяснении. Дело в том, что Н-объясняемое событие рассматривается Хемпелем как представитель некоторого вида, определенной регулярности (можно сказать - как элемент некоторого множества). Если историки не рассматривают (по крайней мере неявно) свои факты и фиксируемые в них события или явления как элементы (или подмножества) некоторого множества, то Хемпель неправ. И Дрэй как раз считает, что историки, изучая, например, Великую Французскую революцию, не рассматривают ее как частный случай революции (подход, типичный в таких прикладных науках как медицина), а как нечто совершенно специфическое³⁴.

³¹ См. J. Passmore. *Explanation in Everyday Life, in Science, and in History*. - "History and Theory", vol. II No. 2.

³² См. P. Gardiner. *The Nature of Historical Explanation*. L., 1952, pp. 7, 23 - 24.

³³ См. A. Donagan. *Historical Explanation: The Popper-Hempel Theory Reconsidered*. - "History and Theory", vol. IV No. 1, p. 25.

³⁴ См. W. H. Dray. *Laws and Explanation in History*. L., 1957, pp. 47 - 48.

Существуют, однако, серьезные контрвозражения. Укажем сначала не исследования шведского философа Э.Ридинга, правда, более известные в СССР, чем в англоязычных странах³⁵. Ридинг вводит понятия п-уровня и г-уровня для обозначения подходов к явлениям как к неповторимым индивидуальностям (п-уровень), и к явлениям как к общим феноменам (г-уровень). Исследуя взгляды и споры историков по обстоятельствам, вызвавшим I мировую войну, и по роли личности в истории³⁶, Ридинг показывает, что историки рассуждают постоянно на обоих названных уровнях, особенно когда речь идет о причинных связях³⁷.

Однако в спорах об объяснении обнаруживается и более глубокое основание разногласий, чем просто расхождение точек зрения о наличии некоторой познавательной процедуры. Логический позитивизм и идеалистическая школа лингвистического анализа различаются самим подходом к термину "объяснение". Различие в подходах является следствием различия основных философских установок.

Что делает Хемпель, когда он называет некоторое явление объяснением или научным объяснением? Хемпель строит определенную модель и называет объекты, к которым данная модель относится, определенным термином ("объяснение"). Слово для термина подбирается, правда, так, чтобы не противоречить обычному употреблению этого слова среди определенного круга людей (в данном случае - авторов сочинений по физике), но это делается только в целях удобства принятия предложенной конвенции³⁸. Процедура Хемпеля - обычная процедура теоретических наук, вводящая привилегированное употребление некоторого слова.

³⁵ См. E. Ryding. Op. cit. Ук. работа Ридинга неоднократно цитировалась советскими авторами. См. напр. Ю.В.Петров. Причинность в исторической науке, стр. 180, 181, 203.

³⁶ По некоторым вопросам Ридингу известны точки зрения марксистов, напр., Г.В.Плеханова. Сам Ридинг отнюдь не близок к марксизму.

³⁷ См. E. Ryding. Op. cit., pp. 19 - 20, 24 - 39.

³⁸ См. C. G. Hempel. Aspects of Scientific Explanation, pp. 335, 413, 426 - 431, 457.

Против чего возражает Дрей? Для Дрея исходным является обычное употребление слова "объяснение" (и языково эквивалентных выражений, напр., слов "потому что", "из-за того, что"). Так, Дрей указывает, что для историков объяснениями являются высказывания типа "Февральская революция 1917 г. была буржуазной революцией". Далее (следуя Колингууду), Дрей полагает, что установление мотивов действия исторических личностей (напр., Дизраэли) и рациональных оснований этих мотивов также является для историков объяснением³⁹. Если существует несколько употреблений слова "объяснение", то ни одному из них не может быть придан привилегированный статус. Можно даже называть объяснением то, что называется объяснением Хемпель (при условии, что обычно так говорят), но точно так же оправданы и остальные способы использования слова "объяснение"⁴⁰.

Налицо типичное расхождение логического позитивизма и лингвистического анализа. При этом каждая из сторон спорит в соответствии с требованиями своего философского метода. Однако то, что является аргументом для одной стороны, не является таковым для другой стороны. Перед нами — конфликт парадигмы.

Конечно, парадигма аналитиков открыта возражениям типа: "Аналитики решают не философскую, а языковую проблему — проблему выделения способов употребления английского слова explanation"⁴¹. Ведь в разных языках не всегда имеется в наличии одно-единственное слово, являющееся точным переводом слова explanation для всех употреблений последнего (ср. русск. "объяснение" и "разъяснение", эстонск.

³⁹ См. W.E. Dray. "Explaining What" in History. — *Theories of History*, ed. P. Gardiner; ibid. Laws and Explanation in History, pp. 126 — 157.

⁴⁰ Кстати, имеется автор, для которого слово explanation относится к интеллектуальной коммуникации. См. A.W. Collins. Explanation and Causality. — "Mind", vol. 75 No. 300.

⁴¹ Наличие различающихся употреблений этого слова отмечается, напр. в: J.R. Martin. Explaining, Understanding, Teaching. N.Y., 1970, p. 25.

"seletus", "selgitus" и т.п.)⁴². Но даже в английском, как и в ряде других языков, возникает проблема различения напр., таких слов как explanation и interpretation⁴³. Однако, дело не только в таких трудностях.

Парадигма аналитиков (в дальнейшем: А-парадигма) и парадигма логического позитивизма (в дальнейшем: ЛП-парадигма) не обязательно противоречивы, а могут в известном смысле рассматриваться как дополнительные⁴⁴.

А-парадигма применима к обыденному языку. В каждом дне, обыденном языке способы употребления слова или оспособы рассуждений представляют собой некоторые "семейства", возникающие стихийно. Исследователь может фиксировать, но не вводить способы употреблений. Автором способов употребления является вся совокупность говорящих на данном языке. Если одно и то же слово применяют для наименования разных или неполностью совпадающих референтов, то это — обычное свойство обыденного языка. Исследователь не может произвольно в пределах этого уровня языка ограничить значение слова одним из этих референтов.

ЛП-парадигма применима к техническому языку. В техническом языке способы употребления слова, а иногда и рассуждения, вводятся исследователем в контексте, определенном самим исследователем. Обычное использование в техническом языке — результат конвенции, введенной автором текста. Если ему хочется определить значение слова только одним множеством референтов и он последовательно употребляет данное слово во введенном им значении, то тогда он ничем не нарушает правила технического уровня языка.

⁴² Кстати, английские выражения "to explain" и "to account for" переводятся на русский язык одним и тем же словом "объяснение".

⁴³ См. Ch. Frankel. Explanation and Interpretation in History. — Theories of History, ed. P. Gardiner.

⁴⁴ Дополнительность коллингвудовского переигрывания и объяснения посредством общих законов отмечается в E. Ryding. Op. cit., pp. 73 — 74

Технические языки, однако, создаются на основе обиденных. Поэтому, возможно, что некоторое звуко сочетание является словом и в обиденном и в техническом языках, а технический способ употребления этого слова является необычным с точки зрения обиденного языка⁴⁵. Тем не менее, он является допустимым, но допустимым именно в пределах технического языка. Как только кто-то пытается вернуть данное слово в обиденный язык с его значением на техническом языке, не оговаривая это и выдавая техническое употребление за обиденное, то он создает языковую за-
наду.

Думать, что имена (и вообще все слова) обладают имманентным значением независимо от употребления их людьми является нелепым; подобная нелепость возможна только в пределах идеалистических школ философии. Думать, что спор вокруг исторического объяснения ведется только по поводу более узкого или более широкого определения этого понятия - упрощенчество⁴⁶, ибо в основе спора лежат разные представления о том, как вообще употребляются слова.

Обладают ли Н-объяснения большей ценностью, чем остальные способы рассуждения, которые в А-парадигме можно назвать объяснением⁴⁷? Ответ на данный вопрос зависит не только от узколингвистического контекста, но в более широком смысле и от общественных ввелингвистических условий выражения мыслей.

В самом деле, обиденный язык служит нам в обиденной ситуации - даже в познавательных целях. Технический язык в обиденной ситуации является не только громоздким, но в нем часто нельзя удовлетворительно - по канонам технического языка - решать задачи, возникающие в обиденной жизни (напр., "Объясните, пожалуйста, как мне отсюда пройти на рынок?"). Если цель историков является пере-

⁴⁵ Так, слова бочка и зонтик принадлежат не только обиденному, но и математическому языку: имеются в виду бочка из теории топологических векторных пространств и зонтик из теории ретрактов.

⁴⁶ См. А.А.Порк. Нарратив как проблема методологии исторической науки. - Ученые записки Тартуского гос. ун-та, вып. 361. Тарту, 1975, стр. 152.

деча ценностей, то Н-объяснения ни часто ни к чему. Если же целью историков является познание, то Н-объяснения для них должны представлять большую ценность, чем многое из того, что в А-парадигме называется объяснением.

Являются ли объяснения в историографии научными? Строго говоря, в III-парадигме этот вопрос бессмысленен, ибо объяснениями называются только Н-объяснения. Осмысленная форма этого вопроса в III-парадигме имеет следующий вид: "Применяют ли историки объяснения?" При положительном ответе можно задавать новые вопросы: "Являются ли объяснения, применяемые историками, эксплицитными или имплицитными?", "Часто ли и как часто историки применяют объяснения?" и т.п.

В А-парадигме ответ на поставленный в начале предыдущего абзаца вопрос зависит от того, называют ли историки объяснением то же, что называется объяснением в "науках". Можно считать установленным (и это было показано выше), что А-парадигма отвечает на данный вопрос отрицательно (точнее: "Некоторые объяснения в историографии являются, а некоторые не являются научными").

Должны ли историки Н-объяснять? С точки зрения А-парадигмы они не должны, если они обычно не Н-объясняют. С точки зрения III-парадигмы они должны (возможно, сюда следует добавить: "Если они стремятся к знаниям"). К марксистскому ответу на этот вопрос я вернусь в ч. III гл. VI § 7.

⁴⁷ Заметим, что спор об объяснениях все же не ведется о том, "какая форма исторического объяснения предпочтительнее: то ли объяснение через закон (К.Поппер и К.Гемпель), то ли функциональное, то ли аксиологическое ("ценностное") объяснение и т.п.", как утверждает в: В.В.Иванов. Историческое объяснение как методологическая проблема. - Вопросы историографии всеобщей истории, вып. У. Казань, 1971, стр. 119. Спорным является содержание самого понятия "объяснение".

К середине 1960-х гг. проблема объяснения отодвинулась на задний план (хотя, конечно, книги и статьи, предлагавшие новые доказательства старых решений или новые варианты точек зрения, продолжали выходить). Умь философов англоязычного мира завоевала проблема нарратива⁴⁸. Естественно, утверждение о том, что нарратив, рассказ представляет собой сущностную форму исторической мысли, встречались в литературе и раньше⁴⁹. Но именно в 1960-е годы проблемы роли нарратива в историографии стали центром внимания философов ряда стран.

Пожалуй, одним из первых, поднявших проблему нарратива, был американский философ Мортон Уайт, который на совещании по философским проблемам исторической науки, а позднее в своей книге "Основания исторического знания" выдвинул вопросы о структуре повествования, нарратива⁵⁰.

Уайт различает историю и хронику. Хроника, по его мнению, — это конъюнкция истинных эмпирических высказываний. В историю входят причинные или объяснительные высказывания. Любая история связана с некоторой хроникой, имплицитно сопутствующую хронике. Логическая структура исторического повествования представлялась Уайту следующей: "Потому, что А было истиной в отношении S во время t_1 , В оказалось истиной в отношении S во время t_2 , С оказалось истиной в отношении S во время t_3 и т.д."⁵¹. Заметим, что защиту Уайтом идеи "охватывающего закона" признали убедительной даже противники последней.⁵²

⁴⁸ В советской литературе она исследовалась, кроме статьи автора: Возникновение и развитие аналитической философии истории, еще подробным образом в: А.А.Порк. Нарратив как проблема методологии исторической науки.

⁴⁹ Это вполне обоснованно подчеркнул рецензент труда одного из ведущих нарративистов Гэлли в таком влиятельном английском философском журнале как "Майнд". См. W.H. Watkins - "Mind", vol. 74 No. 295, p. 443.

⁵⁰ См. M. White. The Logic of Historical Narration. - Philosophy and History, ed. S. Hook. N.Y., 1963, pp. 3 - 31; eiusd. Foundations of Historical Knowledge. N.Y. - L., 1965.

⁵¹ Philosophy and History, p. 7.

⁵² См. J. Passmore. - "The Journal of Philosophy", vol. 63 No. 17, p. 496.

Сама мысль о разделении истории и хроники обычно приписывается Кроче. Преемственность тут скорее в словах, чем в идеях. В самом деле, для Кроче различие между историей и хроникой не в логических формах той и другой, а в отношении мыслителя к излагаемым им фактам⁵³. Кроме того, для Кроче ведь не существенно исследование того, что историки действительно делают. Он стремится установить, какая духовная деятельность является подлинной, какая — неподлинной. Но так как познать это нельзя, то воззрения Кроче ведут к бессмыслице. Можно лишь утверждать ценность или неценность мыслей, принадлежащих тому или иному типу сознания. На деле Кроче навязывает ценности. А Уайт (как и аналитики вообще) занимается исследованием существующей исторической мысли, выяснением ее логической структуры. Это тоже может приводить к буржуазно-либеральной апологии историографии вчерашнего дня — времен классического капитализма XIX века, — но только при условии добавления соответствующих ценностных суждений, либо имплицитного принятия положения "что есть, то и хорошо".

В 1964 г. английский философ У.Б.Гэлли в работе "Философия и историческое понимание"⁵⁴ сделал из нарратива уже центральную проблему для философии истории. По мнению Гэлли, нарратив — специфический для истории способ познания мира. Исторический нарратив строится по тем же принципам, что и литературное повествование или рассказ о футбольном матче, — он имеет завязку, развитие темы, по ходу дела разъясняются правила игры, общие условия и эмпирические обобщения о целесообразности тех или иных действий и, наконец, он имеет концовку. Естественно, цель рассказа — не предсказывание конечного результата (отличие от науки!), хотя рассказ, как и научное предсказание, ориентирован на определенное итоговое знание. Конечно, в отличие от литературного произведения, историческое повествование не вымышленно, а подтверждается обстоятельствами.

⁵³ См. В. Croce. Theorie und Geschichte der Historiographie, S. 10.

⁵⁴ См. W. Gallie. Philosophy and Historical Understanding. N.Y., 1964.

Гэлли подчеркивает, что нарративы, повествования — форма сознания, понимания мира, но они не являются той формой, в которой мир понимается наукой. Повествования и наука оказываются двумя в общем равноценными формами осознания действительности. При этом Гэлли считает, что повествование особо подходит, например, для понимания игр. В этом смысле Гэлли — продолжатель коллингвудовской линии в философии истории. Характерная процедура историка по Гэлли, правда, отличается от той же по Коллингвуду, но для обоих эти процедуры не имеют ничего общего с наукой. И для обоих эти процедуры связаны (у Гэлли слабее, чем у Коллингвуда) со свойствами изучаемого историками объекта.

Конечно, сразу возникает вопрос: а как же быть с научным способом представления игр? Ведь в теории игр игры, в принципе, успешно формализуются, а отдельные события отдельных партий могут объясняться из дедуктивной (математической) теории. Не является ли повествование, нарратив, лишь первым шагом к изучению игры, который кажется нам самостоятельным только потому, что из записей отдельных партий мы еще не можем абстрагировать правила, задавшие саму игру. Гэлли подобную проблематику совсем не рассматривает. И это, видимо, не случайно. Для аналитика достаточно выяснить аналогию некоторых процедур мысли. Строгов теории они отказываются строить⁵⁵. Метод, применяемый Гэлли, требует остановки как раз там, где должно начаться действительное исследование.

Значительно более искусным, чем концепция Гэлли, является понимание нарратива, развитое А. Данто в его вышедшей годом позже "Аналитической философии истории". Как и Гэлли, Данто разделяет общий тезис нарративистов о том, что

⁵⁵ Дело в том, что отчаявшись построить универсальную теорию сознания, которая объяснила бы все до конца — что, естественно, невозможно, — аналитическая философия отказалась и от частных теорий для решения отдельных проблем. Справедливая критика ранних неопозитивистских претензий на создание подобной универсальной теории не привела аналитическую философию на продуктивный путь познания — в этом одно из коренных отличий марксистского и аналитического отношения к неопозитивизму.

способ построения исторической мысли (произведений историков) коренным образом отличается от структуры научной мысли и, в принципе, не допускает предвидения будущего⁵⁶. В то же время, вопреки распространенному в обыденной буржуазной мысли англоязычных стран мнению, Данто подчеркивает, что история также не искусство⁵⁷.

Основной исторических произведений, по Данто, являются нарративные предложения. Нарративными Данто называет такие предложения, при помощи которых мы описываем некоторое явление E-1, прибегая к отсылке к некоторому будущему по отношению к E-1 явлению E-2. Типичным примером является предложение: "В 1618 г. началась Тридцатилетняя война" — ведь тридцатилетней эта война стала только после 1648 г.⁵⁸

Важным отличием Данто от Коллингвуда является то, что первый признает возможность научного подхода к обществу. Результаты социологических или экономических исследований, даже если они относятся к прошлому, "организованы" (употребляя выражение Данто) по научному образцу. Исторические труды организованы путем использования нарративных предложений⁵⁹.

Проблему объяснения Данто решает уже с точки зрения нарратива. Нарратив для него — один из способов объяснения, и именно тот способ, который применяется историками. Данто доказывает, что структура исторического объяснения и структура нарратива совпадают. Он признает, что при историческом объяснении пользуются "охватывающими законами", но пользуются ими по-другому, чем в науках⁶⁰. А, следовательно, даже неявное предположение общих законов не свидетельствует о правоте сторонников концепции "охватывающего закона".

При ближайшем рассмотрении взглядов Данто возникает возражения, аналогичные тем, которые выдвигаются в связи с Гэлли. Установленная Данто структура нарратива⁶¹ (не нар-

⁵⁶ См. А.С. Danto. Op.cit., p. 15.

⁵⁷ См. А.С. Danto. Op.cit., p. 143.

⁵⁸ См. А.С. Danto. Op.cit., p. 152.

⁵⁹ См. А.С. Danto. Op.cit., p. 119.

⁶⁰ См. А.С. Danto. Op.cit., pp. 233 - 256.

⁶¹ См. А.С. Danto. Op.cit., pp. 251 - 252.

ративных предложений!) оказывается эквивалентной структуре высказываний с отношениями (напр., с отношениями порядка), а последние употребляются в науках достаточно широко. Поэтому теория Данто не снимает полностью позитивистского тезиса о то, что историография - это наука, хотя бы второго сорта.

Нарративизм не мог победить без возражений. Те оказались двоякими.

Во-первых, возражая, прежде всего, Гэлли, Джейн Мартин показала необоснованность притязаний нарративистов на то, что повествование или эмоциональное понимание является исключительным способом фиксации знаний о человеческой реальности. Но, с другой стороны, она все же признала правомочность нарратива в историографии - если историки им пользуются - и указала на внутреннее разнообразие способов исторического мышления⁶². А Майкл Мартин указал, что хотя нарратив и является определенным типом исторических сочинений, но встречается и другие типы⁶³.

Во-вторых, - даже несколько раньше Дж. Мартин, - нарративизм атаковал М. Мандельбаум⁶⁴, который в свое время сам указывал, что историки рассказывают. Он же выдвинул концепцию о том, что при историческом описании факты подбираются так, чтобы фиксируемые в них события находились в реальных отношениях⁶⁵ (что, несомненно, оозвучно взглядам Данто). Критикуя теперь нарративизм, Мандельбаум подчеркивает, что историография - прежде всего познавательная дисциплина, в ней добывается новое знание, в то время как рассказчик "историй", повествователь, или выдумывает свои рассказы, или рассказывает о том, о чем сам помнит. Историки же нужны именно потому, что они добывают знание, которого раньше не было, и которое нельзя вспомнить. Мандельбаум не отрицает, что историки пользуются нарративами. Корни упо-

⁶² См. J.R. Martin. Another Look at the Doctrine of Verstehen. - "British Journal of the Philosophy of Science", vol. 20 No. 1, pp. 53 - 67.

⁶³ См. M. Martin. Rev.: M. Postan. Fact and Relevance. - "Philosophy of Science", vol. 39 No. 4, pp. 569 - 572.

⁶⁴ См. M. Mandelbaum. A Note on History as Narrative. - "History and Theory", vol. VI No. 3, pp. 413 - 419.

⁶⁵ См. M. Mandelbaum. The Problem of Historical Knowledge, pp. 5, 21.

требления нарратива, по Мандельбауму, - социальны - читатели (буржуазные и мелкобуржуазные, добавим мы) требуют от историков новостований, а также гисеологические - зная результат, историк включает в текст исследования упоминания только о тех событиях, которые связаны с этим результатом. Сами связи между событиями, фиксируемые в нарративе, вообще не определяются событиями, а факторами иной природы.

Мандельбаум - слишком крупная фигура, чтобы его критика прошла незамеченной. Возражая критике, защитники нарративизма пошли двумя путями. Одни пытались опровергнуть доказательства Мандельбаума⁶⁶. Другие сочетали принятие отдельных положений с отрицанием позиции Мандельбаума по существу. Так, Р.Г.Эли утверждал, что Гэлли (в отличие от Данто и Уайта) не заслуживает упреков Мандельбаума, ибо Гэлли не связан линейным пониманием нарратива (против которого выступал Мандельбаум) и Гэлли также указывает на вплетение в общую ткань нарратива замечаний о характеристике ситуаций. В то же время Эли принимает разделение Мандельбаумом вопросов о способе мышления историков и способе сообщения ими своих мыслей⁶⁷.

С другой стороны критиковал нарративизм Р.Гринер, который справедливо напомнил, что имеются признанные всеми исторические произведения, напр., Буркгардта или Хейзинги, которые по существу не являются нарративами. Но отсюда Гринер предлагал возврат к старой риккертской концепции - цель историков, будто бы, является познание единичного⁶⁸. Знаменательно, что Гринер, называя ненарративные труды, указывает лишь на авторов из школы понимания и ценностного подхода, а обходит такие ненарративные по существу труды, как исследования школы Нэмира или же Косминского⁶⁹.

⁶⁶ См. W.H.Dray. - "History and Theory", vol. VIII No. 2, pp. 287 - 294.

⁶⁷ См. R.G.Ely. - "History and Theory", vol. VIII No. 2, pp. 275 - 283.

⁶⁸ См. R.Gruner. - "History and Theory", vol. VIII No. 2, pp. 283 - 287.

⁶⁹ Это две самые различные школы, основные произведения которых доступны на английском языке. Полезно напомнить, что М.Блок связывал нарратив с неразвитыми, эмбриональными формами исторической мысли. См. М.Блок. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973, стр. 12, 32.

§ 4.

В 1960-е гг. в западной философии науки началось брожение. Традиционная — неопозитивистская или попперианская — картина науки перестала по существу удовлетворять философов-немарксистов тех регионов, в которых эта картина ранее усиленно распространялась. Несомненно, что исследования Т.Куна о развитии науки дали толчок новым дискуссиям о природе науки и научной деятельности. В ходе таких дискуссий стали выдвигаться новые идеи о характере научной деятельности и о строении науки. Философы стали опять создавать концепции науки, а не только уточнять или развивать единственную существующую концепцию. Познавательным результатом отмеченного изменения было то, что старая картина науки кажется теперь весьма упрощенной и наивной не только нам, но и философам других направлений.

Нельзя забывать, что в этой борьбе критика неопозитивизма отнюдь не всегда велась с материалистических (напр., натуралистических) позиций, не говоря уже о важности учета социально-экономической подоплеку популярности тех или иных концепций и подходов. Так, "интернализм" (точка зрения, согласно которой развитие науки определяется только ее внутренними причинами) явно связан с принятием основ буржуазного общественного порядка, а "экстернализм" (концепция, согласно которой развитие науки определяется внешними для нее факторами и только ими — например, классовой борьбой или техническим развитием) часто поддерживался оппозиционной капитализму интеллигенцией типа "новых левых". Некоторые философы науки вполне осознанно распространяют плюралистическую картину науки по общественно-политическим мотивам⁷⁰. Неопозитивизм как философский компромисс и половинчатое учение о науке допускает критику слева и критику справа. Критика неопозитивизма за последнее десятилетие на Западе часто была критикой справа и открывала путь объек-

⁷⁰ Ср. напр. A. Naess. The Pluralist and Possibilist Aspect of the Scientific Enterprise. Oslo-London, 1972, pp. 127-128.

тивно-идеалистической философской спекуляции. Такая критика для марксистов неприемлема.

В конце 1960-х - начале 1970-х годов совершается переход к третьей стадии развития в современной немарксистской философии истории. В последней, в отличие от общей философии науки, нет "блистательного" плюрализма левых концепций, но возникает плюрализм проблем и тем. Сами же концепции становятся более "рафинированными", более сложными по составу - и менее влиятельными в общей совокупности трудов по философии истории.

Во-первых, на горизонте историографии появился приврав структурализма⁷¹. Структурализм "уничтожает" и историографии и историю, объявляя бессмысленным "диахроническое" рассмотрение общества, исследование последовательностей. Таким образом он оказывается врагом не только материалистической (хотя некоторые французские структуралисты сами считают себя материалистами и даже марксистами), но и идеалистической историографии - и делает лишним также теории исторического познания⁷².

⁷¹ Структурализм нельзя смешивать с системным анализом (близкая к кибернетике отрасль познания и философствования) и с признанием наличия систем из элементов, частей, отношений (совокупность отношений в системе можно называть структурой). Из такого признания следует необходимость изучения, анализа, научного отражения систем. На ранних этапах нашей полемики с немарксистами эти различия не сознавались некоторыми авторами. Серьезную марксистскую критику структурализма с точки зрения исторической науки см. J. Topolski. Lévi-Strauss and Marx on History. - "History and Theory", vol. XIII No. 2; elud. Świat bez historii. Warszawa, 1972, str. 41 - 156.

⁷² Критику структурализма в англоязычной немарксистской литературе см. напр. H.V. White. Foucault Decoded: Notes from Underground. - "History and Theory", vol. XII No. 1.

Во-вторых, появляются исследования, призывающие к использованию в историографии научных методов и предлагающие соответствующие приемы. Уже Р.Ф.Беркгофер выступал за создание историками теоретических исследований и использования при их построении результатов остальных наук об обществе⁷³. Д.Брайбрук показал, что используя современную логическую технику (создание операторов для получения логики норм, изменений, действий) можно получить средства построения аксиоматических систем, моделирующих процессы изменения систем культуры⁷⁴. Ф.Лейн пришел к выводу, что методы решения проблем техники аналогичны методам, применяемым в монографических трудах историков⁷⁵. Уильям Тодд, соглашаясь с теми, которые заявляли, что целью историков не является открытие законов, указал, что историки используют законы, и что теория игр предоставляет историкам способ формализации, который не исключает "понимания", сочувствующей идентификации с действующими лицами истории⁷⁶. Ведутся исследования о контрфактических предложениях⁷⁷, а трудности, которые вызываются отсутствием возможности экспериментировать при выборе между конкурирующими гипотезами о причинах, могут быть преодолеваемы методом "возможных миров"⁷⁸ (подробнее см. ч. III гл. VI § 3).

В-третьих, повысился интерес к историографии, особенно при изучении отдельных историков. Аналитическая техника дала возможность перейти от простого реферирования трудов того или иного исследователя истории к их теоретическому

⁷³ См. R.F.Berkhofer. A Behavioral Approach to Historical Analysis. N.Y. - L., 1969.

⁷⁴ См. D.Braybrooke. Refinements of Culture in Large-Scale History. - "History and Theory", Beiheft 9.

⁷⁵ См. F.C.Lane. Menschliche Geschichte und Naturgeschichte. - Historica. Wien, 1965, SS. 24 - 31.

⁷⁶ См. W.Todd. History as Applied Science: A Philosophical Study. Detroit, 1972.

⁷⁷ См. напр. G.S.Murphy. On Counterfactual Propositions. - "History and Theory", Beiheft 9.

⁷⁸ См. T.A.Glimo, P.G.A.Howells. Possible Worlds in Historical Explanation. - "History and Theory", vol. XV No. 1.

рассмотрения. Авторы работ, темой которых были произведения некоторого одного историка, нашли способы изучения методологии познания, применявшегося изучаемым историком, а также его социальных (политических, экономических и пр.) связей⁷⁹. Историография историографии перестала быть каталогом имен авторов и их произведений. Она превратилась в прикладное исследование.

Философское рассмотрение историографии явно содействовало улучшению качества решения проблемы познаваемости истории. Теперь исследователи задают вопросы о познавательной ценности тех или иных приемов исторического исследования, а не только о познаваемости истории вообще. И ставятся такие вопросы на реальном материале исторических исследований⁸⁰.

Нельзя сказать, что при изучении традиционных проблем не было достигнуто никаких успехов. Так, Д. Нурденфельт ввел обобщенное понятие объяснения, в его терминологии - детерминистское объяснение (в дальнейшем сокращенно: Д-объяснение). Нурденфельт показал, что хемпелевские научные объяснения являются частным случаем Д-объяснений. Однако, и в этом важное значение труда Нурденфельта, частным случаем Д-объяснений являются также рассуждения, выводящие отдельные действия некоторого одного человека из его желаний, ре-

⁷⁹ См. в качестве примеров: J.R. Herkless. *Meinecke and the Ranke-Burkhardt Problem*. - "History and Theory" vol. IX No. 3; D. Gross. *The New History: A Note of Reappraisal*. - "History and Theory", vol. XIII No. 1; Sh. M. Gruner. *Political Historiography in Restoration France*. - "History and Theory", vol. VIII No. 3; L. G. Janik. *Lorenzo Valla: The Primacy of Rhetoric and the De-Moralization of History*. - "History and Theory", vol. XII No. 4; J. W. Meiland. *The Historical Relativism of Charles A. Beard*. - "History and Theory", vol. XII No. 4; A. L. Skop. *The Primacy of Domestic Politics: Eckart Kehr and the Intellectual Development of Charles A. Beard*. - "History and Theory", vol. XIII No. 2; P. R. Sweet. *The Historical Writing of Heinrich von Srbik*. - "History and Theory", vol. IX No. 1.

⁸⁰ Ср. напр. M. G. Murphey. *Our Knowledge of the Historical Past*. Indianapolis-New York, 1973; P. D. McClelland. *Causal Explanation and Model Building in History, Economics, and the New Economic History*. Ithaca (N.Y.) - London, 1975.

нений и т.п. Кроме того, Нурденфельт подробно анализировал то, что он назвал неполными объяснениями, и показал, что во многих обыденных рассуждениях структура Д-объяснения присутствует в неявном виде, поскольку не все части некоторого класса Д-объяснений всегда сформулированы явным образом⁸¹.

Философы и не-философы до сих пор не раз использовали факты наличия у людей сознания, желаний, способности принимать решения для обоснования полного противопоставления человека и общества природе (особенно неживой природе), поскольку отмеченные стороны человеческой жизни будто бы не поддаются общенаучным способам формального описания. Результаты Нурденфельта показывают необоснованность таких утверждений⁸².

Если в отношении общей философии науки мы иногда говорим о постпозитивистской стадии (именно о стадии: ведь постпозитивизм — не течение), то в отношении философии истории такое словоупотребление не оправдано. Неопозитивизм никогда не господствовал в философии истории. Не господствовал потому, что методологические требования неопозитивизма, особенно требование открывать законы, оказались неприемлемыми для философов и историков с буржуазным мировоззрением. Пока в распоряжении буржуазии не было научно-образных теорий общества и истории, она предпочитала идея о вненаучном познании и о том, что историю не стоит изучать по образцу естествознания.

Естественно, такое положение не возникало в тех отраслях, в которых буржуазно настроенные ученые выдвигали наукоподобные теории общества. Так, неопозитивизм тесно связан с неоклассическими теориями экономики, которые, кстати, являются политэкономической основой "новой эконо-

⁸¹ См. L. Nordenfelt. Explanation of Human Actions. Uppsala, 1974.

⁸² Заметим, что Нурденфельт — не марксист, а стоит на левобуржуазных мировоззренческих позициях. По методу он — логический аналитик, владеющий средствами современной формальной логики.

мической истории" в США. Неоклассические экономические теории явно выступают в качестве апологетики капитализма. В роли философского защитника пребуржуазных теорий общества неопозитивизм не имеет ничего общего с марксизмом⁸³. Впрочем, из последнего утверждения не следует, что все противники неопозитивизма в этой его роли являются марксистами, или что все противники ~~неоклассических~~ экономических теорий находятся на стороне марксизма и социалистических сил.

§ 5.

В настоящей книге уже отмечалось, что — то подсудно, а то и явно — через значительную часть немарксистской мысли (не через все!) проходит утверждение: поскольку историческая мысль является чем-то *sui generis*, существенно своеобразным, то она должна именно такой сохраняться и цениться. Это положение не имеет достаточных рациональных оснований.

Во-первых, из того, что некоторая форма мысли является своеобразным, даже совершенно своеобразным, не вытекает еще, что она должна иметь ценность для всех или что она должна быть сохранена как живая форма, несмотря ни на что⁸⁴. Так, в наши дни уже невозможно рационально обосновать алхимию и желать ее сохранения. Как марксист, автор этих строк мог бы добавить религию в качестве равнозначного примера алхимии. Не все наличное представляет собой положительную ценность.

Во-вторых, неясно, идет ли речь вообще о наличном. Исторические исследования по сравнению со днями Ранке изменились. Так историография, на основе которой философы сделали вывод о существенной специфичности исторической мысли, по сравнению с наукой (или искусством), все больше и

⁸³ Марксистскую критику неоклассических теорий, в частности и их неопозитивистских аспектов, см. напр.: А. Пезенти. Очерки политической экономики капитализма. М., 1976, т. I, стр. 77-80; т. II. К. Казароза, Приложение II, стр. 793-870; M. Hollis, E. J. Nell. *Rational Economic Man: A Philosophical Critique of Neo-Classical Economics*. Cambridge, 1975.

⁸⁴ Из более новых авторов этот упрек направлен против: J. Barzun. *Clio and the Doctors: Psycho-history, quanto-history & history*. Chicago & London, 1974.

больше оказывается уходящей в прошлое. Философский не анализ (и по канонам аналитической философии!) не должен, однако, ограничивать себя лишь рассмотрением прошлых форм мысли и отворачиваться от современных.

Пожалуй, все высказанные упреки не применимы к такому буржуазному философу, как У. Уолш⁸⁵. Уолш прекрасно осознает, что историография меняется, что в наши дни происходят значительные сдвиги в характере исторической мысли. Уолш понимает также, что в конце XX века историю нельзя изучать, не прибегая к помощи общественных наук в более узком смысле этого слова: историки просто не могут без них доказать многие свои утверждения. Без помощи теоретических общественных наук, указывает Уолш, историкам будет недоставать необходимых знаний фона событий и действий отдельных личностей. Историк должен быть снабжен, по Уолшу, значительными лучшими интеллектуальными багажом, чем журналист.

В отношении сущностной специфики исторической мысли Уолш считает, что в исторической мысли имеется внеаучный - ценностный - компонент. Историк не просто описывает, а оценивает, судит - со своей точки зрения, которая, чтобы иметь значимость, должна оказаться точкой зрения какого-либо общественного слоя, общественной группы. Естественно, что в конечном счете эта оценка (термин, используемый Уолшом, - assessment, не evaluation) имеет смысл, если она обращена к неспециалистам. Значит, она должна быть обоснована и изложена общепонятно. Исторические труды должны просвещать людей, так же как - считает Уолш - великие произведения литературы просвещают людей. Смысл защиты определенной формы историографии Уолшом - положительная оценка им роли этого явления в обществе⁸⁶.

⁸⁵ Нижеследующее изложение взглядов Уолша исходит из: W.H. Walsh. Rev. R.F. Berkhofer. A Behavioral Approach to Historical Analysis. - "History and Theory", vol. X No. 2; eiusd. An Introduction to Philosophy of History, pp. 178 - 187, 202 - 206.

⁸⁶ Уолш признает общественный характер сознания и познания, и упрекает западную философию за фактическое забвение этого в анализе мысли. См. W.H. Walsh. Knowledge in Its Social Setting. - "Mind", vol. 80 No. 319.

Однако, разве естественные науки не могут просвещать людей? Тем не менее они существенно отличаются от обыденной мысли. Просветительская функция естественных наук выполняется посредством научно-популярной литературы. Почему же историческая наука не может тогда иметь свою научно-популярную литературу, которая разъясняет образованному человеку его прошлое!

Более того, люди пытаются изменять общество. Иногда они совершают революции. А люди других общественных группировок противостоят изменениям. Для изменения общества и для управления им нужны знания (точно так же, как естественные науки нужны потому, что они — единственный известный человечеству метод получения необходимых знаний). Такие знания не могут быть получены без исследования прошлого людей и их общества. Иногда они должны быть совсем необходимы⁸⁷: марксизм во время своего создания не сводился к понятиям и утверждениям обыденного мышления! Просвещение может состоять и в усвоении обыденным сознанием новых концепций и понятий, которые не могут быть выработаны в пределах этого обыденного сознания. Так, хорошо известно, что для выработки серьезной социалистической теории — в отличие от социалистических стремлений некоторых европейских рабочих первой половины XIX в. — требовалась работа профессиональных мыслителей в лице К.Маркса и Ф.Энгельса. Следовательно, хотя аргументация Уолша может быть и устанавливает желательность сохранения традиционной формы историографии, но она не обосновывает нежелательности истории как науки (аналогичной, например, прикладным наукам). Более того, она не доказывает необходимости сохранения за традиционной историографией того же места в системе разных частей мыслительной деятельности человечества, которое ей занималось в XIX веке.

И, наконец, что такое просвещенность? Существует ли единый критерий просвещения и рациональности? Если чему-

⁸⁷ Уолш отмечает, что науки в т.ч. социальные создают в отличие от обыденного мышления новые понятия и новые технические терминологии. См. W.H. Walsh. Rev.: R.F. Berkhofer. A Behavioral Approach to Historical Analysis, p. 245.

то можно научиться из истории, то тому, что значимых единых критериев рациональности, единых для всех времен, людей и социальных группировок, почти не существует⁸⁸. Проозвещать и проозвещаться можно по-разному. Подробнее эти вопросы будут рассматриваться в последующем изложении.

Г л а в а У

Задачи марксистской философии в разработке теории познания исторической науки

§ I.

Чем должна быть марксистская философия истории? Рассмотрим отношение марксизма ко всем выделенным в гл. II типам философии истории.

(I) Философские истории человечества в прошлом являлись даже необходимыми. Возможность создавать их в настоящем не исключена. Однако фактическая основа и обобщения стали ныне частями конкретно-научного знания, философ как философ тут не может превосходить историков. Третий компонент философских историй — оценки (суждения о смысле, значимости и ценности тех или иных событий, явлений, черт исторического процесса), посредством которых проводится идеологическое осмысление истории. Они являются делом ФИ-4, аксиологии истории. Современная марксистская философия не претендует стать натурфилософией или аналогом последнего ("социалфилософией", "историкофилософией"). Философия — это также не труды, популярно излагавшие результаты научных исследований.

(2) Философия истории как теория общества — это, для марксистов, исторический материализм. Сомнительно, нужно ли обозначать исторический материализм еще одним термином (другое дело — выражения типа "исторический материализм —

⁸⁸ ... "Вся история есть не что иное как непрерывное изменение человеческой природы". К. Марко. Ницета философии. — Соч., т. 4, стр. 162.

это наша философия истории"). Несомненно, исторический материализм — сложное образование, находящееся на стыке двух форм духовной культуры человечества — науки и философии. Однако это не исключает необходимости "собственных" теорий в обществоведческих науках. Мало кто из марксистов рассматривает политическую экономию (т.е. экономическую теорию), не говоря уже о теориях математической экономики, как оставшую часть исторического материализма. В то же время это не устраняет теснейшую связь исторического материализма с экономической теорией (связанными между собой могут быть только различившиеся явления). Аналогично положение и с другими общественными науками. Конечно, чтобы иметь право называться марксистскими, теории в обществоведении должны быть совместимы с историческим материализмом. И, конечно, не следует поддаваться самосбману, когда люди говорят, что они разрабатывают лишь специально-научную теорию в той или иной области обществоведения. Иногда в таких случаях на деле (часто несознательно) речь идет и о подмене исторического материализма какими-то из немарксистских философий или теорий истории (общества).

Сразу же следует отметить, что не обязательно рассматривать понятия "история" и "общество" в качестве тождественных: можно говорить об истории общества. Если бы эти понятия были тождественными, пришлось бы говорить об обществе общества... Термином "история" ("исторический процесс") стоит обозначать определенную сторону общества. Так, вполне осмысленно делить законы общества на законы "структуры" (функционирования) и на законы развития¹. При ука-

¹ Так, законы простого воспроизводства, сформулированные К. Марксом, являются законами функционирования. Закон смены способа производства в результате изменения уровня производительных сил является законом развития. Различение законов функционирования и законов развития стало в советской философской литературе традиционным, ср. А.С. Мамзин, В.П. Рожин. О законах функционирования и законах развития. — "Философские науки", 1965, № 4; А.В. Дроздов. Человек и общественные отношения. Л., 1966, стр. 38—40.

занном делении в наши дни естественно назвать историей процесс, в состав которого входят законы развития. Историческая мысль тогда — мысль о процессах развития.

Точно так же, как возможна теория функционирования той или иной общественно-экономической формации или всего общества, возможна и теория истории — теория развития общества в целом или некоторой общественно-экономической формации и т.п. Соответственно, можно говорить о структуре функционирования и о структуре развития². Теория истории в узком смысле этого слова (т.е. теория развития общества) — это, естественно, теория определенной науки. В ч. IУ будет анализироваться одна из таких теорий — теория общественно-экономических формаций. Однако автор этих строк не видит смысла приписывать имя "философия истории" таким теориям в марксизме: они будут либо частями тех или иных наук, либо — частями исторического материализма.

(3) От теории исторического процесса необходимо различать философские вопросы истории — ФИ-З. Марксизм никогда не отрицал полностью онтологическую функцию философии. Поэтому возможен философский подход и к изучению самого бытия, а не только познания. Так, проблема соотношения общественного и природного — прежде всего философская проблема. Тема человека — одна из главных тем философии. Тема свободы издревне входила в философию, но свободными или несвободными могут быть люди, а не кирпичи. Все эти проблемы и темы необходимо решать не только на материале природы, но и на материале общества людей и развития этого общества. Изучение философских вопросов истории может и должно быть составной частью марксистской философии истории.

² Это часто не учитывается философами-марксистами. См. напр. Н. Стефанов. Теория и метод в общественных науках. М., 1967; В. С. Дворянов. Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М., 1968.

(4) Аксиология истории и исторической мысли — такие темы, как смысл истории — не может не привлекать интереса философов-марксистов. Философия — это мировоззрение, форма идеологии. Но идеология, чтобы быть практически действенной, должна заниматься реальностью, а не только обсуждать, что такое "ценность" вообще (хотя рациональная и научная идеология без таких обсуждений тоже существовать не может). В аксиологии истории утверждают, выдвигают, провозглашают определенное отношение к истории и к знанию об истории. Не все прошлое и не все существующее есть должное, ценное, желаемое. Существование и необходимость не есть еще оправдание сущего и необходимого. Признание необходимости фашизма не равняется оправданию фашизма. Философия, которая говорит о необходимости в известных условиях фашизма и войн (т.е. решает только онтологические вопросы), но в то же время ничего не утверждает об их желательности, сама теряет ценность для нефилософов и может превратиться в косвенную апологетику того, что вредно (даже самому философу).

Вопрос ценности истории и знания об истории является в наши дни и практическим вопросом. Он уже поднят вне науки, вне философии. Отрицательное отношение к истории выражается в уничтожении памятников прошлого, в запрещении или затруднении исследований, объектом которых является более далекое прошлое (все равно, происходит ли это во имя "культурной революции", пролетарской культуры, актуальности научной тематики) или просто в равнодушном отношении к истории и к знанию об истории, в мнениях о бесполезности изучения прошлого. Можно выяснять причины подобного отношения. Но знание причин не снимает вопроса, оправдано ли отрицательное отношение к истории и к знанию о ней. И это вопрос практический, ибо если никакие знания об истории не нужны, то оправдано ограничение расходов общества на изучение прошлого и на сохранение памятников прошлого. Любая философия, которая претендует быть орудием изменения мира, активным отношением к миру, а не просто созерцанием происходящего, не может выполнять свои функции, не отвечая на вопросы о ценности, в частности, о

ценности истории и знания об истории³.

Представляется необходимым последовательно различать ценность истории и ценность знания об истории. Ценным может являться и знание о неценном, о плохом. Фашизм для марксиста — враг, величайшая неценность. Знание о фашизме или о причинах возникновения фашизма является для марксиста ценностью, потому что без знаний о фашизме мы не можем решать и убедительно обосновывать как для себя, так и для своих потенциальных союзников неприемлемость, зло фашизма. Без знания о фашизме и его причинах мы не можем бороться против фашизма — и против попыток его возрождения.

(5) Наконец, каково наше отношение к теории исторического познания? Естественно, что теория познания как дисциплина, имеющая непосредственное отношение к решению основного вопроса философии, не может быть исключена из марксизма. Следовательно, марксистская философия не может обойтись без философии истории как теории познания.

Интерес марксистов к теории познания не заканчивается ее разработкой в целях современного обоснования ответа на основной вопрос философии. Марксистская философия выступает и как методология познания, соответственно — марксистская философия истории должна быть также и методологией исторического познания.

Заметим, что немарксистские теории познания часто явно не являются методологиями. Их представители стремятся "только" к рациональной реконструкции процесса познания, или даже только знания, получаемого в ходе познания. С чисто познавательной точки зрения результаты таких исследований могут, конечно, содержать новые мысли и в оп-

³ Кстати, практически бывает и необходимость решать вполне противоположные задачи. В современном мире наблюдается не только враждебность к истории и историческому знанию, но и бегство в историю, вызванное отвращением к современному миру — все равно, основано ли такое бегство на идеализации буржуазного или вообще классового прошлого, или же вызвано бунтом против настоящего — например, против настоящего межнациональных корпораций и кризиса буржуазного общества.

ределенном смысле являются как бы сделанными на уровне "частной" науки, в которую теория познания имеет тенденцию превращаться.

Для марксистов неприемлемо ограничивать задачи философии только таким созерцательным подходом. Для нас теория познания — это и идеология познания, методология познания⁴. Методологией в данном контексте называется философская дисциплина, которая изучает объект, изображенный на рис. 3, оценивает события, процессы и действия в пределах этого объекта с точки зрения критерия истинности (принимая максимальную истинность в качестве высшей ценности) и дает обоснованные рекомендации, нормы о путях достижения знания⁵.

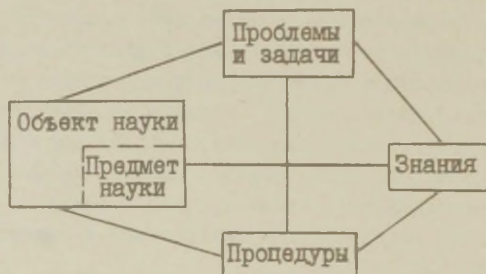

Рис. 3

В методологии исторического познания естественным образом входит теория исторического познания. Нельзя да-

⁴ Кстати, это сознается эксплицитно и некоторыми крупными немарксистами. См. М. Бунге. Философия физики. М., 1975, напр. стр. 17-34.

⁵ Блок-схема объекта методологии и определение методологии даны исходя из концепции Л.О. Вальта, развитой им в ряде устных выступлений в 1960-е гг. Ср. также статью автора: Возможность философии истории, стр. 114 прим. 25.

вать рекомендации, не зная, что имеется на самом деле и каковы на самом деле направления изменений в изучаемом объекте — в исторической мысли. Если, конечно, мы не желаем думать рационально, то методологию можно строить и без знаний. В марксизме последний путь неприемлем⁶.

Философия истории современного марксизма состоит из разных разделов философии: она превратилась в методологию исторического познания, в аксиологию истории и историографии, в обсуждение философских вопросов истории и в исторический материализм... Каждый из ее разделов в первую очередь зависит от решения соответствующих общеполитических проблем. Эта книга занимается изложением философии истории как теории и методологии познания, что не исключает других книг, излагающих философию истории, скажем, как аксиологию истории, и не заменяет других книг, излагающих исторический материализм. И наоборот: последние не заменяют книг по теории исторического познания...

§ 2.

Методология исторического познания занимается исторической мыслью и отношениями последней к действительности вне этой мысли. В пределах методологии исторического познания не решаются более общие философские проблемы, например "что такое наука", "что такое познание", "нужна ли наука", "превосходит ли научное познание обыденное" и т.п.

⁶ Необходимость выйти за пределы чистого созерцания исторических исследований при рассмотрении исторического познания понимает наиболее умные историки всех идейных течений. См. напр.: "Ограничиваться описанием нынешнего состояния науки — это в какой-то мере подвести ее. Важнее рассказать о том, какой она надеется стать в дальнейшем своем развитии. Но подобная задача вынуждает того, кто хочет анализировать эту науку, в значительной мере основываться на личном выборе. Ведь всякую науку на каждом ее этапе пронизывают разные тенденции, которые невозможно отделить одну от другой без некоего предвосхищения будущего". М. Блок. Апология истории, стр. 11-12.

В методологии исторического познания изучается историческое познание, принимая за данное результаты, полученные в других отраслях теории познания и вообще в других отраслях философии. Так, философ истории как методолог истории не определяет термина "причина" внутри философии истории, а пользуется выработанным вне ее понятием причины. Если он марксист, то он пользуется понятием причины, принятым в марксистской философии. Философ истории в качестве методолога занимается вопросами вроде "называют ли историки причиной то же, что и представители других наук", "можно ли применять термин "причина" в изучении объектов, которые изучаются историками", "стоит ли историкам изучать то, что в других науках называется "причина"", "как историки доказывают утверждения, в которых они нечто называют причиной", "если историки называют причиной нечто другое, чем физики, так имеет ли смысл сохранить термин "причина" для обозначения обоих типов референтов?"

Но стоит ли философу давать рекомендации профессионалу-историку? Стоит ли философу вообще давать рекомендации профессиональным ученым о том, как этим ученым заниматься своей наукой? Часто, возражая против таких рекомендаций, указывает на печальный опыт, связанный с осуждением некоторыми философами, считавшими себя марксистами, кибернетики, генетики, теории относительности. Да, такой печальный опыт имеется. Правда, во многом этот опыт был обусловлен исторически конкретными внефилософскими, вненаучными обстоятельствами, которые воздействовали на философию так же как и на биологию и физику. Кроме того, отдельные философы, конечно, ошибались искренно, или просто оказались невежественными в соответствующих отраслях науки: нельзя заниматься философией науки, не имея практического опыта занятий этой наукой (в этом, кстати, была сильная сторона Коллингвуда - в качестве философа он описывал то, что он на самом деле делал в качестве практикующего историка).

Но почему-то отади забывают и положительный опыт вмешательства философии в процесс познания. Это, хотя бы, при-

мер исторического познания и идейного влияния марксизма на историографию. Нине даже немарксисты не могут оспаривать, что Маркс открыл новые подходы к изучению истории. Имеется столетний успешный опыт применения марксистской методологии в изучении всей человеческой истории. Значит, методология, предложенная философами, может оказаться плодотворной!

Методолог не может решать исторические проблемы за историка, вместо историка. Попытки решения исторических проблем средствами, не принадлежащими к арсеналу исторических исследований, конечно же, только наносят вред решению этих проблем. Но ведь методолога и историка интересует разное — предметы их исследований не совпадают. Историк устанавливает истинность некоторых положений. Методолог исследует, что делает историк, устанавливая истинность, и что такое вообще истинность по отношению к прошлому, к развитию и т.п. Историк на основе обработки источников восстанавливает картину некоторого института, некоторого явления прошлого. Методолог спрашивает, является ли подобное исследование специальной ступенью познания или нет. Историк исследует некоторую (обычно прошлую) действительность. Методолог изучает взаимоотношения между результатами, средствами и т.п. деятельности историка и изучаемой историком действительностью, выясняет, например, зависимость результатов историка от примененных средств познания или от характера познаваемой действительности.

Хотя методолог не может решать проблемы за историка, он может ставить проблемы — методологическое исследование может указать на наличие исторической проблематики. Методологи могут ставить индивидуальные проблемы, а что еще важнее, указать на наличие некоторых логических классов проблем. При этом постановка проблем состоит не только в выделении в ней содержательной стороны, но и в формулировке проблемы — в создании и применении некоторого отличающегося от обыденного языка специализированного способа (языка) постановки проблемы. Методолог не создает теории

истории, не является теоретиком истории, но создает или помогает создавать язык, способ формального мышления, в пределах и посредством которого создаются теории (или концепции) исторического процесса. И, наконец, методолог может решать проблему вместе с историком, поскольку любое историческое исследование есть одновременно действие в пределах объекта методологии и, следовательно, совместимо только с некоторой методологической теорией (совокупностью решений методологических проблем).

Оставляя за историком "право" исследовать свой объект и предмет, мы все же не собираемся отнимать у методолога права (т.е. реальной возможности) "поправить" историка, историческую школу, целое направление. Именно потому, что историческое решение с необходимостью предполагает и логически совместимо только с некоторыми методологическими решениями, методологи имеют право участвовать в решении исторической проблематики — "неправильная", неэффективная методология может привести историка к ложным результатам или вообще не приводить к каким-либо результатам.

Методолог способен также указывать на место, на значимость тех или иных результатов исследований историков для исторической науки в целом. То, что важно в системе наших представлений об истории одной страны, не обязательно важно для наших представлений об истории человечества в целом. То, что важно в истории одного города, не обязательно важно в истории страны в целом. История Октябрьской революции в Петрограде и история Октябрьской революции в Самаре — важные вехи в развитии указанных городов, но для страны история октябрьских событий в Петрограде неизмеримо значительнее истории соответствующих событий в Самаре.

Естественно, методологи-марксисты могут работать эффективно только тогда, когда они знакомы с исследованиями по методологии истории, проведенными немарксистами. Как было показано выше, в немарксистской литературе по методологии исторических исследований поставлен ряд проблем (об объяснении, о нарративе, о специфике исторического знания и т.п.) и предложены некоторые решения поставленных проб-

лем. Нашей задачей является, с одной стороны, попытаться — поскольку это возможно — найти новые решения существующих проблем, прежде всего в тех случаях, когда существующие решения неприемлемы из-за принципиальных философских различий между нами и немарксистами. Но мы не должны ограничиваться поиском новых решений, часто новых деталей и вариантов решений старых проблем. Необходимо искать, ставить и решать новые проблемы.

Поиск новых проблем требует серьезного овладения методами исторического исследования и серьезного изучения произведений историков. Нельзя ограничиваться знанием нескольких учебников — или даже монографий. Философское изучение исторической науки должно учитывать всю структуру развивающегося исторического познания, действительную историю исторической мысли.

Мало также выдвигать новые решения, новые концепции. Они должны быть обоснованы. Многие концепции современных аналитических философов истории можно изложить на страничке или даже пол-страничке стандартного машинописного текста. Все остальное — аргументация. Доказательство выдвинутых утверждений часто бывает техничным. Но этого нельзя избегать. В противном случае мы рискуем выдвигать утверждения интересные, но ложные и, соответственно, ненужные марксизму. Марксизм — научная философия, и по уровню аргументации наши исследования должны превосходить труды философов-немарксистов.

Наше отношение к трудам современных и прошлых немарксистских методологов историографии не может быть ничем иным как критическим. Но речь идет именно о критике, а не об огульном зачеркивании всего.

Это значит, во-первых, что критика должна быть действенной. Однако убедительность критического аргумента для читателя-марксиста и читателя-немарксиста не одна и та же. Наша аргументация должна быть действенной и для читателей-

немарксистов⁷.

Это значит, во-вторых, что мы не можем рассматривать всех немарксистов как одну реакционную массу. Современные философы-немарксисты и историки-немарксисты делятся на большое количество течений, точки зрения которых в методологии истории не всегда совпадают. Одно дело, скажем, защитники материализма натуралистического толка, другое - субъективные идеалисты. Одно дело - защитники необходимости познания законов истории, другое дело - противники этого. Современная научно-техническая революция меняет социальное положение интеллигенции в буржуазных странах. Это делает возможным оторвать значительную часть интеллигенции от буржуазии, а некоторую ее часть привлечь на сторону борьбы рабочего класса и марксизма⁸.

В-третьих, наконец, познавательные результаты могут быть и у немарксистов (об этом уже упоминалось). Истина внепартийна, хотя отношение к истине - значит, и философия, - партийно. Когда речь идет о познавательном результате, полученном в пределах чуждой марксизму философской системы, требуется большая критическая работа для выделения этого результата из неприемлемой для нас системы. Но в этом и состоит одна из задач критики буржуазных и мелкобуржуазных философов.

⁷ Поэтому ее иногда необходимо излагать на языках, понятных немарксистам (речь идет как о публикации трудов марксистов, скажем, на английском языке, так и о применении специализированных философских языков). Не следует забывать, что некоторый специализированный язык А может быть более адекватным для фиксации определенного содержания, чем отличный от него специализированный язык Б. Но фиксация содержания, например, знания, еще не передача содержания: успех процесса коммуникации зависит и от принимающего передаваемые сообщения.

⁸ См. Д.х.Ахмедли, Д.Согомонов. Об историческом познании. Баку, 1969, стр. 43.

ЧАСТЬ II

РАЗВИВАЮЩЕЕСЯ СТРОЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Глава I

Введение

Философия истории иногда отстает от философии науки. Так, дискуссии о существенных характеристиках исторического знания даже на их современном этапе обычно не учитывают истории исторической мысли, эволюции историографии, в ходе которой возникло современное разнообразие исторических исследований. А в то же время уже больше десятилетия идут дискуссии по поводу некумулятивной концепции изменения научного познания, выдвинутой в наиболее вызывающей форме Т.Куном¹. Не забыт ли Коллингвуд (а из более ранних философов — Кроча)?

Однако Коллингвуд, несмотря на все внимание, которое он обращал на историю исторической мысли, не мог стать основателем исторического подхода к философии истории. Провозгласив, каковой является должная форма историографии, Коллингвуд не только объявил одну-единственную парадигму исторического исследования имевшей наивысшую ценность, но и внес в историю историографии телеологию — линию развития, имевшую своей конечной точкой тот тип исторических сочинений, который единственно одобряется Коллингвудом. Все остальное выбрасывается за пределы историографии, превращается как бы в не-существующее (наподобие не-исторических народов Гегеля). Этим самым коллингвудовский подход резко отличается от куновского подхода. При коллингвудовском подходе вполне можно обойтись без изучения характеристик более ранних стадий познания, ибо настоящее познание — только то, что существует на идеализируемой тем или иным

¹ См. Т.Кун. Структура научных революций. М., 1975.

автором ступени.

Пишущий эти строки не оспаривает правомочности Коллингвуда выбирать одну из форм историографии за должное. Я не могу принять конкретную оценку Коллингвуда, выбранную им идеальную форму. Однако сама задача одобрения одних, да суждения других из выясненных форм исторической мысли является свойственной настоящему философскому исследованию. Симпатии и антипатии можно, а иногда и нужно провозглашать. Тем не менее следует различать оценки от описания положения дел "как это было на самом деле". Сказанное особенно значимо, когда наши симпатии относятся к только еще зарождающим формам мысли: доказательство возможности таких форм или того, что они уже налицо, не следует смешивать с нашими утверждениями об их желательности. Иначе научное мировоззрение подменяется мифотворческим.

Однако вернемся к теме. Если в настоящее время налицо разные типы историографии, или если налицо некоторая эволюционная последовательность различных типов исторической мысли, то любой ответ на вопросы, скажем, о применении историками Н-объяснений, о роли нарратива, о роли изображения индивидуального и т.п., является неадекватным если он соотнесен только с одним типом исторической мысли и принимает этот тип за единственно существующий. Значит, любое объективное рассмотрение строения исторического знания и любое рациональное решение проблем ФИ-5 должно быть соотнесено со всей картиной изменений и развития исторического знания.²

В настоящей части будут выявлены основные тенденции изменения исторического знания. В то же время я не ставил себе цели создать теоретическую историографию исторической мысли. В этой книге исследуется теория познания. Изучение в ней развития познания должно содействовать решению теоретико-познавательных проблем.

² Возникновение новых типов исторической мысли не обязательно означает абсолютного вытеснения старых типов. Аналогичное положение в отношении философии истории было выдвинуто в ч. I гл. III.

Вторая важная задача настоящей части — рассмотрение строения исторического знания. Необходимо отказаться от концепций, которые сводят все строение исторического знания (а то и всего исторического познания в целом) лишь к некоторому единственному свойству или к некоторой единственной процедуре. Историография "полиморфна", "негомогенна". Хотя историки, выступая с прокламациями насчет того, что такое история, часто создают видимость неполиморфности, негомогенности своей отрасли мыслительной деятельности, им не следует верить на слово. На деле в таких случаях они провозглашают свои идеалы, выдвигают собственную парадигму историографии в качестве должной. Фактически познавательные идеалы историков не совпадают³, значит — их заявления насчет того, чем историография является (или чем занимается "настоящая", "подлинная" историография) не стоит принимать как авторитетные свидетельства о том, чем историография действительно является.

Г л а в а II

Становление историографии

§ I.

Откуда начинается историография? Принадлежит ли в ней любая мысль о прошлом или нет?

Р.Дж.Коллингвуд образно и настойчиво различал настоящую ("научную") историографию от квази-историографии — от надписей Древнего Шумера о победе над врагами, от вавилонских поэм о сотворении мира или от древнееврейских легенд Ветхого завета. Он же считал необходимым обратить наше внимание на два типа этого рода сочинений¹.

³ Отсутствие единого познавательного идеала среди историков эмпирически доказано в: Е.С.Ляхович. К вопросу о структуре идеала в историческом познании. — Ученые записки Томского гос. ун-та № 82. Проблемы социальных исследований, вып. I. Томск, 1971.

¹ См. R.G.Collingwood. Op. cit., Pt. I § 1, pp. 14 — 17.

Первый тип квази-историографии по Коллингвуду - теократическая историография. Хотя в ней есть утверждения о прошлом, но эти утверждения не являются ответами на вопросы исследователя, а представляют собой заявления о фактах, известных рассказчику, но неизвестных его читателям, слушателям². Во-вторых, факты эти относятся к деяниям богов³. Человеческие деяния затрагиваются, но постольку, поскольку они являются результатами деяний богов. В теократической историографии возникает своеобразная иерархия от подданных к чиновникам, от чиновников к королям, от короля к богу.

Второй тип квази-историографии по Коллингвуду - миф - отличается от теократической историографии тем, что действующими лицами больше не являются люди (хотя бы как орудия богов). Ими являются сами боги. Более того, в мифах события происходят не в датированном прошлом, не в пределах человеческого счета времени, а в начале времен, в некотором смысле вообще вне времени.

Несомненна рациональность рассмотренной идеи Коллингвуда. Следует отличать знание, полученное в результате специализированной познавательной деятельности, от знания, полученного в ходе обиходной жизни. Всякие мысли об историческом процессе будем поэтому в дальнейшем называть исторической мыслью, а историографией будем называть результаты познавательной деятельности "специалистов", "профессионалов" (социальная позиция⁴ "специалиста" задается в

² Исследователь задает не риторические вопросы, а такие, ответы на которые заранее не известны.

³ В историографии, по Коллингвуду, исследуются действия людей.

⁴ Термин "социальная позиция" употребляется здесь в социологическом смысле - как определенное место в некотором обществе, в противоположность "социальной роли", т.е. тому, каково поведение лица, занимавшего определенную позицию. Конечно, марксисты не определяют роли и позиции как должные ожидания поведения, как это делает, например Т. Парсонс, а различают действительное среднее поведение и среднее ожидание поведения (или материальное поведение и мысли о поведении).

разных общественно-экономических формациях, в разных типах общества, естественно, разными способами)⁵. Поскольку познание — деятельность рациональная, то нельзя в этом смысле говорить о познании бога.

§ 2.

Каковы ступени эволюции историографии?

Э. Бернхайм — автор наиболее авторитетного (из работ конца XIX — начала XX в.) для историков труда об историческом методе⁶, выделил три ступени развития исторической науки⁷.

Первой ступенью он считал историографию реферативную, которая преследовала либо эстетические цели, либо служила увековечиванию значительных событий, либо являлась записью в целях практического запоминания положения дел. Класси-

⁵ Как видно из определений, историография является частью исторической мысли. Интересной задачей изучения взаимоотношений историографии и остальной исторической мысли мы в пределах настоящего исследования заниматься не можем.

⁶ См. E. Bernheim. Op. cit. Оценка Бернхайма Ланглуа и Сеньобосом выражает борьбу современных ему школ. См. Ланглуа и Сеньобос. Введение в изучение истории. Спб., 1899, стр. 9—10. Более позднюю оценку Бернхайма со стороны не-симпатизирующего его мировоззрению католического автора см. G. J. Carraghan. Op. cit., p. 5. См. также: Г. П. Саар. Цит. соч., стр. 10.

⁷ Бернхайм считал историографию наукой, поэтому при изложении его взглядов мы пользуемся его термином. Автор настоящих строк исходит из общепринятого среди марксистов положения о том, что историография принадлежит к наукам, а не является формой искусства или какой-нибудь автономной формой мысли, отличной как от искусства, так и от науки. Для многих немарксистов предпосылка принадлежности историографии к наукам спорна. Мы надеемся, однако, доказать воей настоящей книгой плодотворность марксистского решения вопроса о характере исторической мысли (не надо только забывать наличие истории историографии).

чески представителем этой ступени, по Бернхайму, явился Геродот⁸.

Вторая ступень в концепции Бернхайма — ступень прагматической историографии, когда главной целью становилось извлечение уроков истории в качестве практического руководства в общественной жизни. Данная ступень началась трудами Фукидида и в античности достигла наивысшей точки в работах Тацита. При этом Бернхайм сомневался в научности познавательных результатов, достигнутых историками как на второй, так и на первой ступени, хотя считал общественно целесообразным существование исторических произведений, принадлежащих к обеим ступеням и в современную ему эпоху, утверждая, таким образом, необходимость сосуществования эволюционно более ранних и более поздних типов исторической мысли⁹.

Третья ступень, по Бернхайму, — ступень генетической историографии. На этой ступени, утверждал он, история превращается в собственно науку, и цель историка — получение знания о становлении любого исторического явления, о том, что оно из себя представляет и как оно развилось в своих связях с данной социальной средой. Познавательные предпосылки перехода к третьей ступени сложились, по Бернхайму, лишь к XVIII в. н.э., а окончательное оформление научной историографии он относит к XIX в.¹⁰

Р.Дж.Коллингвуд^{II} различал историографии ножиц-и-клея и научную историографию. Первый тип исторических исследований, по его мнению, характеризовался созданием картины истории при помощи конструирования упорядоченной совокупности извлечений из источников (при этом в лучшем

⁸ См. E. Bernheim. Op. cit., SS. 18 — 21.

⁹ См. E. Bernheim. Op. cit., SS. 21 — 26.

¹⁰ См. E. Bernheim. Op. cit., SS. 26 — 37.

^{II} См. R. G. Collingwood. Op. cit., Pt. V § 3 (iv) — (x), pp. 257 — 282.

случае любое утверждение письменного источника рассматривалось либо как истинное, либо как ложное). Исследования такого типа, по Коллингвуду, были единственными в поздней античности и в средние века, а в XIX в. критический метод привел к наивысшему возможному развитию в его пределах.

Отличительным признаком научной историографии, по Коллингвуду, является задавание историком своих собственных вопросов о предмете исследования (а не принятием им имплицитных письменному источнику вопросов, как в случае историографии ножиц-и-клея). Затем историк выводит следствия из своих ответов на вопросы (а, опять-таки, не из источников), при этом он отвечает на вопросы на основании фактов — свидетельств в источниках. Первым представителем научной историографии, по мнению Коллингвуда, был Геродот, хотя полного развития исторические исследования, принадлежащие к данному типу, достигли только в конце XIX и в XX в.

Эклектицизм Бернхайма и большинства буржуазных историков в оценке сосуществования разных типов историографии Коллингвуд не разделял. Историография ножиц-и-клея для него — отрицательная ценность, ошибочный и неприемлемый подход к исследованию прошлого. Так философский анализ превращается в методологию, предписывающую, как исследовать исторические процессы.

§ 3.

Рассмотренные в качестве примеров концепции Коллингвуда и Бернхайма исходят в типологизации исторических исследований преимущественно из двух критериев. Первым из них является цель деятельности историка (в качестве историка) — получение знания. Историография — не любые мысли о прошлом, а знание. Уверенность в том, что наши мысли являются знанием, дает метод получения знания, метод познания. Отсюда и второй критерий — наличие и характер исторического метода. Автору этих строк схема развития историографии по выделенным двум критериям представляется, однако, несколько отличной от схем Коллингвуда и Бернхайма.

Современной научной историографии предшествуют два последовательных типа исторических сочинений, т.е. можно говорить о двух ступенях возникновения научной историографии. Первой ступенью является античная историография¹², ибо в античности, начиная, по крайней мере с Геродота, цель историков было получение знания, и они выработали некоторые процедуры установления знания¹³ (в т.ч. метод свидетельских показаний¹⁴). Но поскольку, наряду с познавательными, для античной историографии существовали и другие цели (в первую очередь эстетические) того же порядка значимости как и знание, то историография в те времена не входит в науку, а только пересекается с ней.

Является спорным рассмотрение исторической мысли европейского средневековья как прямого продолжения или даже развития античной историографии. Так, Х.Грундманн показал, что европейская средневековая историческая мысль преследовала прежде всего не познавательные, а иные цели¹⁵. Кстати, это уже утверждал после соответствующих доказательств и Коллингвуд¹⁶. Ряд советских историков подчерки-

¹² Мы не рассматриваем восточную - неевропейскую или неантичную - историографию не только потому, что не компетентны судить о ней (и, следовательно, допускаем, что ее изучение может дополнить предлагаемые в настоящей § схемы). Историография, как она сложилась в Европе в XIX в., развивалась в русле европейско-средиземноморской традиции, без прямых генетических связей, например, с китайской, японской или индийской историографией. Изучение же истории в современных странах Азии (и Африки) является результатом не только местного развития, но и культурных, политических и экономических контактов с Европой и Северной Америкой, в которых техническое, экономическое и политическое превосходство колониальных держав на первом этапе таких контактов необходимо приводило и к распространению иностранных способов мышления. Последние распространились не только из-за необходимости знать противника, чтобы бить его собственным оружием или из-за насильственного навязывания, но прежде всего потому, что они более адекватно соответствовали новой - капиталистической - реальности.

¹³ См. напр. А. Momigliano. Tradition and the Classical Historian. - "History and Theory", vol. XI No. 3, p. 281.

¹⁴ См. напр. R.G. Collingwood; Op.cit., Pt. I § 5, pp. 25 - 28; I.A.F. Bruce. Theopompus and Classical Greek Historiography. - "History and Theory", vol. IX No. 1, pp. 90 - 91.

¹⁵ См. H. Grundmann. Geschichtsschreibung im Mittelalter. Göttingen, 1961.

¹⁶ См. R.G. Collingwood. Op.cit., Pt. II § 3, pp. 52 - 56.

вает существенное отличие исторической мысли средневековья (и даже XV-XVIII вв.) от более поздней исторической мысли в отношении метода познания¹⁷. С учетом указанных результатов, следует рассматривать средневековые хроники, жития и т.п. сочинения не как специализированную отрасль познания, а как подразделы ценностно-нормативной части общественной мысли. Следовательно, они не могут рассматриваться как ступень в возникновении научной историографии и исключаются из последовательности типов.

Но если средневековье привело в некотором смысле к разрыву традиции, то можно ли провести линию от античности к следующему этапу? Ответ на поставленный вопрос представляется утвердительным. Во-первых, имелась "эмпирическая" связь в виде Возрождения. Во-вторых, та мысль, которая развилась из истолкования античной мысли (неважно, правильного или неправильного) продолжала некоторые традиции античности не будучи простым повторением.

Итак, второй ступень возникновения научной историографии является историография XV-XVIII вв., которую можно назвать преднаучной историографией. В эти столетия происходил отказ от теологической картины мира¹⁸, вырабатывались те методы установления фактического знания, которые позднее получили название "критика источников". Знание опять

¹⁷ См. Г.Г. Литаврин. Рец.: М.А. Заборов. Историография крестовых походов (XV-XIX вв.) - "Вопросы истории", 1973 № 3, стр. 168-170. Е.А. Косминский в своих лекциях по истории изучения европейского средневековья указывал, что в сами средние века имелись лишь зачатки исторической критики, а начало научного изучения истории относится к XVIII в. (историография Просвещения). См. Е.А. Косминский. Историография средних веков. М., 1963, стр. II-12, 32.

¹⁸ См. также А. Klempf. Die Säkularisierung der universal-historischen Auffassung. Göttingen, 1960.

становилось целью исследования¹⁹. В то же время результаты исследования представляли еще "историографию ножиц-и-клея" (Коллингвуд), "авторизованный пересказ источников при произвольном их истолковании" (Литаврин).

Научная историография возникла в первой половине XIX в. (главным образом в Западной Европе). К этому времени была создана критика источников, которая сводилась не только к их сравнению. Благодаря работам немецких (Л. Ранке) и французских историков возникло понимание существенного различия между современным историку состоянием общества и прошлыми состояниями его — был выработан метод историзма для истолкования прошлой реальности²⁰. Историография превратилась в познание, центральное место в исследованиях стали занимать доказательства выдвигаемых положений.

Дальнейшая судьба историографии связана с ответом на вопрос, что делать после первичного установления и истолкования фактов²¹. Одни историки стремились к изображению, не только фактически истинным, но и фиксирующим ценности в качестве составляющей, например, образного повествования о великих и низких делах²². Для такого направления историография является научной, но не входит в число наук, а понимается как теоретико-множественное пересечение нескольких форм мысли.

¹⁹ Линда Гардинер Яник показала, что одной из заслуг Доренцо Валлы было настаивание на возможности объективной истины в исторических сочинениях. в требовании рассказать, как все было на самом деле. Таким подходом Валла выделялся среди множества других гуманистов, которые стремились к правдоподобию, а не к истине. Последние иногда даже игнорировали понятие объективной истины, некоторые из них воспринимали мир только исходя из собственных ценностей, без оознания различия ценностного и фактического. См. L.G. Janik. Op. cit.

²⁰ Интересное рассмотрение последнего в: G. Nadel. Op. cit.

²¹ "В то время, как критика текстов и критика источников приняла уже научную основу, синтетические процессы в истории совершаются еще на удачу. Сбивчивость понятий, невезество, небрежность, выступающая с паразитической ясностью в работах по внешней критике источников, в исторических сочинениях маскируется до некоторой степени литературным изложением"... Лангдуа и Сеньбос. Цит. соч., стр. III-II2.

²² В советской литературе этот путь защищался, напр., в: А. Гудыга. Эстетика истории. М., 1974.

Необходимо остерегаться иллюзии, будто результат пересечения научного познания и форм идеологии является благодаря такому соединению более "глубоким" знанием, приводит к большему знанию, познавательного превосходит просто науку. Утверждение ценностей не тождественно познанию. Конечно, возможна научная идеология, в т.ч. научная историческая идеология. В научной идеологии исходят из научно установленных фактов, но, тем не менее, различие науки и идеологии не снимается. При переизложении ~~дезигнативного~~ текста оценочным языком знаний не прибавляется. Прибавляется нечто другое. Если мы хотим установить не как это было или почему это было, а хорошо или плохо, что это было так, — то мы должны пользоваться ценностными выражениями.

Второе направление работ по истории характеризуется стремлением ко все большему знанию и познанию (что не исключает выбора ценностей историком, как человеком, и ссылок на свои ценности в тексте исследования). Историография этого направления входит в число наук. К этому направлению принадлежит и марксистская историография. Повидимому, развитие всех исторических исследований ведет в настоящее время к преобладанию исторической науки внутри научной истории.

Разделение историков на указанные направления вызывается не только познавательными мотивами, но и ценностными, мировоззренческими обстоятельствами. Последние отражают экономико-политическую реальность борьбы вокруг судеб капитализма. Так, марксизм превратил историографию в науку, а наука эта стала предсказывать конец капитализма. Тем самым концепция историографии как науки оказалась связанной с враждебными капитализму силами, что не могло не привести к отрицательному отношению "порядочных", "образованных", т.е. разделяющих ценности буржуазии лиц к идее желательности исторической науки²³. В позднекапита-

²³ Сюда примыкают и сторонники "чистой фактологии", часто воображающие, будто им доступны индивидуальные явления без одновременного выделения общего. Неприязнь "чистых фактологов" к попыткам формулировать законы в буржуазном обществе вытекает из бессознательной боязни того знания,

листических обществах, в свою очередь, возникло даже значимое социальное движение против попыток довести до конца превращение историографии в науку²⁴. Экономическая реакционность неизбежно приводит к реакционным идеям. Антикоммунизм не может служить фундаментом науки.

Г л а в а III

Ступени исторического знания

§ I.

В последние десятилетия советские философы обратили значительное внимание на концепции двух уровней внутри научного знания^I. Обычно эти уровни называются эмпирическим и теоретическим. Хотя никакого общепринятого определения

которое будет получено в результате открытия законов общественной жизни, в т.ч. исторических процессов. Следует учитывать, что в СССР тенденции "чистой фактологии" отнюдь не всегда представляют буржуазный пережиток, а являются иногда реакцией не обученных теоретически мыслить историков на искажение фактов.

²⁴ Нельзя только забывать, что — по причинам, указанным в ч. I, гл. III § 3 — имеются также немарксистские историки, познавательным идеалом которых служит историческая наука. См. напр. М.М. Postan. *Fact and Relevance: Essays on Historical Method*. Cambridge, 1971.

^I См. напр. В.А. Смирнов. Уровни знания и этапы процесса познания. — Проблемы логики научного знания, М., 1964; В. С. Швырев. Некоторые вопросы логико-методологического анализа отношения теоретического и эмпирического уровней научного знания. — Проблемы логики научного знания, М., 1964; А.И. Ракитов. О природе эмпирического знания. — Логическая структура научного знания. М., 1965; Б.С. Грязнов, Б.С. Дынин, Е.П. Никитин. Теория и ее объект. М., 1973; В.В. Быков, *Методы науки*. М., 1974. Различение теоретического и эмпирического в марксизме отличается от того же в неопозитивизме. Взгляды последнего критикуются теперь и в зарубежной философии науки. См. напр. F. Suppe. "What's Wrong with the Received View on the Structure of Scientific Theories?" — "Philosophy of Science", vol. 39 No. 1.

исходного понятия "уровень научного знания" не существует, само различие уровней представляется интуитивно настолько ясным, что все споры обычно идут лишь о том, какими языковыми средствами лучше всего описать или определить каждый из уровней. Не считается особой проблемой эмпирическое доказательство наличия двух уровней путем анализа конкретных научных знаний, постольку, по-видимому, предполагается, что всякий исследователь, знакомый с естественнонаучным материалом (особенно физикой), не может не видеть различий между обоими уровнями.

Подобный подход оправдывал себя при рассмотрении физической или экономической наук. Теперь пора задать отнюдь не праздный вопрос — можно ли выделить указанные две ступени познания и знания также в научной историографии, особенно в исторической науке? Для ответа следует попытаться изобразить историческое знание при помощи схемы "эмпирическое-теоретическое", а в случаях, которые явно не подходят под эту схему, требуется решить — необходимо ли дополнить исходную гипотезу или же отбросить ее. При этом нужно остерегаться не только неявного предположения схемы "эмпирическое — теоретическое", но и понимания этих терминов в духе А-парадигмы. Речь идет не о том, чтобы установить, что историки называют теорией и что — эмпирией, что входит в теорию, а что — в эмпирию, в смысле обычного употребления этого слова историками. Речь идет о том, чтобы установить, имеется ли в историографии то, что философы называют теорией в физике (например — теоретическая механика), и то, что философы называют эмпирическим в физике (или экономической науке), когда они строят концепции научного знания. Историки могут называть теорией и не то, что таковой называется в физике. Историки вполне могут не знать и не понимать, что же называется теорией в физике (это требовало бы от них соответствующего образования). Но философы должны различать:

- а) Что называется теорией физиками?
- б) Что называется теорией историками?

в) Что называется теорией философов в науке физике? Такое различие позволяет задавать вопросы:

1. Называется ли физиками теорией то же, что и историками?
 2. Имеется ли в историографии в наличии то, что называется теорией физиками?
 3. Имеется ли в историографии в наличии то, что называется теорией философов в науке физике?
 4. Если в науке физике философов называется теорией нечто другое, чем то, что в историографии называется теорией историками, то пересекаются ли значения этих двух понятий теории?
- 4.1. Если ответ на вопрос 4. утвердителен, то входят ли в такое пересечение существенные элементы характеристик теории в обоих ее значениях?

К сожалению, в нашей – впрочем, и в немарксистской, – философской литературе эти и подобные вопросы четко не различаются, а иногда и совсем путаются². Полезно также напомнить, что текст статьи или книги – не обязательно то же, что множество предложений, составляющих теорию³.

² Многие авторы просто предполагают наличие обычных двух уровней, но как раз это и подлежит доказательству прежде всего. См. напр. А.И.Ракитов. К вопросу о структуре исторического исследования. – Философские проблемы исторической науки. М., 1969; Н.Г.Козин. Эмпирический и теоретический уровни исторического познания. – Методологические вопросы науки. Вып. 3, Саратов, 1975; В.П.Красавин. Марксизм и проблема структуры исторического знания. – Сборник научных трудов Пермского политехн. ин-та № 59. Пермь, 1971; его же. От факта к историческому описанию. – "Философские науки", 1972 № 2. Иногда даже встречаются труды, авторы которых обнаруживают и незнание важнейшей литературы и непонимание теоретико-познавательного подхода к изучению сознания, как напр. К. Lūsis. Empīriskā un teorētiskā attiecību problēma vēstures zinātnās. – Известия АН Латвийской ССР, 1976 № 8 (349).

³ Неразличение понятий текста произведения и теории и неучет различия вопросов а) – в) и 1. – 4.1. характерны для обстоятельного исследования строения исторического познания: А.И.Уваров. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973.

§ 2.

Отсутствие общепринятых определений эмпирического и теоретического создает некоторые трудности для намеченного в § I исследования. Однако, нецелесообразность применения понимания только одного автора не делает еще невозможным использование того общего, что имеется в разных определениях; важно лишь помнить, какие исходные термины используются⁴.

В понимании эмпирического уровня таким общим является обстоятельство, что в эмпирическое познание в каком-то виде входит наблюдение реальных объектов в естественных или искусственных (эксперимент) ситуациях, а эмпирическое знание фиксирует результаты эмпирического познания в языке, отнесенным к этим реальным (существующим независимо от эмпирического языка) объектам. Первичным документом в ходе такого исследования является протокол наблюдений. Но как раз этого нет в исторических исследованиях. Первичная фиксация фактов историками не начинается с протокола наблюдений исследуемых явлений⁵.

Дело в том, что прошлые явления (события, системы, люди и т.п.) частично принципиально недоступны наблюдению исследователя. Отмеченная недоступность отличается

⁴ Хуже всего обстоит дело с определением самого понятия "ступень познания" (соответственно "ступень знания"). Эти понятия обычно вводятся путем показа некоторых различий между двумя единицами знания, а затем выделенные классы так называются. Такой подход достаточен, пока не встает вопрос - представляет ли некий эмпирически выделенный тип особую ступень знания или нет. Пример необычного употребления терминов, относящихся к уровням знания, см. Р.А.Вишалец. Движение понятия от бытия (непосредственных явлений) к сущности в истории учения о химическом средстве. - Ученые записки Тартуского гос. ун-та, вып. 212. Тарту, 1968.

⁵ Отличие путей познания в исторической науке от естественных и систематических общественных наук по месту фактов в познании, по-видимому, лучше всего в марксистской литературе показано в G.Klaus, H.Schulze. Sinn, Gesetz, Fortschritt in der Geschichte. В., 1967, SS. 12 - 29.

от недоступности в ряде естественных наук. Речь не идет о недостатках наших органов чувств — такие недостатки можно в известной степени преодолеть при помощи приборов. Речь идет не о влиянии процедуры исследования (напр., прибора) на исследуемые явления. Речь идет о том, что явления, уже прошедшие, не могут вступать во взаимодействие с исследователем, а в лучшем случае только односторонне воздействуют на исследователя или на современные исследователя явления. Прошедших событий, явлений в момент исторического исследования уже нет. Но в те же время прошлое не исчезает бесследно. Не оставив прошлое никаких следов или частей своих в настоящем, познание прошлого было бы невозможным. В этом, но только в этом смысле был прав Креч, когда он писал, что вся история — современность⁶.

Следы истории, следы прошедших событий, явлений в настоящем — это одновременные исследователю события и явления, детерминированные "исторически". Так, революция является следом революционной ситуации и действий сил, благодаря которым она возникла из революционной ситуации. После революционные структуры носят на себе печать революции — например, различие аграрных структур Франции XIX в. и Англии XVIII в., помимо прочих обстоятельств, определялось ходом и особенностями буржуазных революций в этих странах. Наличие одной или нескольких легальных политических партий в стране после социалистической революции определяется не только социальными функциями этих партий (тем более, что различные классы не исчезают сразу после революции), а также роль — деятельность — этих партий во время процессов революционного преобразования общества.

Прошлое сохраняется не только в виде следов, не только путем его отражения в современных нам (позднейшим поколениям) системах, но и путем остатков. Некоторые явления не только разновременны исследователю, но и современны ему. Наиболее простой пример: вежи вокруг нас. Вежи — частички прошлого, но в то же время частички современного.

⁶ См. напр. В. Croce. Ueber die sogenannten Wert-Urteile, S. 76.

Многие из них в прошлом функционировали совершенно иначе, чем в современности. Если исследователь в XX в. рассматривает монгольский лук (находясь, скажем, в Государственном историческом музее в Москве), то для него это — музейный предмет, хотя не только музейный предмет. Но для татаро-монгольского воина XIII в. этот лук никогда не нес функции музейного предмета⁷.

Из вышесказанного следует, что хотя все в прошлом и недоступно исследователю, наследия прошлого, и, что еще важнее, частички прошлого сохраняются. Без источников нет исторических исследований — для нас это тривиально. Научная историография начинается тогда и там, где и когда находят источники и возникает процесс обработки, истолкования источников.

В то же время описание источника не является еще описанием прошлого. Отчет о раскопках, представленный археологической экспедицией, или изложение хроники, разночтений ее списков, физико-химических, технологических и палеографических характеристик ее рукописей не является описанием исторического процесса. Подобные тексты являются фиксацией настоящего, а не прошлого. Без них нельзя идти к прошлому, но фиксация настоящего (точнее: отобранной особым образом части настоящего) — только первый шаг в историческом исследовании. Описание свидетельства о рождении или записи о рождении в церковной книге не есть описание самого рождения или фиксация факта рождения, не говоря уже о фиксации даты рождения. Историк, интересующийся датой рождения какого-либо человека, устанавливает при помощи источников интересующий его факт о времени события. От описания источника идут к факту — к реконструкции прошлого явления в виде фактического знания⁸.

⁷ Вне зависимости от того, понимал ли тот воин, что такое "музей" или нет — отсутствие в обществе института музеев исключает и возможность понимания (в обыденном сознании), что такое "музейный предмет".

⁸ Конечно, не всегда требуется описать источник, по которому устанавливается факт. Исследовать источник, — хотя бы прочитать его (если речь идет о письменном источнике) — требуется для установления факта всегда, но не все стадии исследования фиксируются в изложении. Все дело в том, какие проблемы доказательства возникают при решении некоторой познавательной задачи.

Тут полезно напомнить предупреждение Коллингвуда — создание описания истории не является деятельностью при помощи ножиц и клея. Иногда, действительно, реконструкция события, явления, описание историком прошлого может совпасть с описанием, сделанным до него, в письменном источнике. Но деятельность историка этим не исчерпывается.

Во-первых, часть явлений не дана непосредственно.

Предположим, нас интересует, где набирались римские легионы. Мы не можем наблюдать сам процесс набора легионов. В отличие, скажем, от набора царского флота России начала XX в. н.э., мы не можем также обратиться к архивам. Но в распоряжении историка имеются своды древних надписей. Мы можем обрабатывать надгробные надписи воинов. И именно обрабатывать — речь идет не об изложении отдельных надписей, а о статистике. Подобная обработка восстанавливает перед нами картину того, что во втором веке н.э. легионы стали полностью набираться вне Италии. Конечно, наш материал частичный — было бы смечно предполагать, что мы имеем данные обо всех римских солдатах. Но с тех пор как Моммзен изучал географическое распределение набора легионов, статистики не уставали повторять и разъяснять уловия, при которых на основе выборки можно делать выводы о генеральной совокупности с достаточно высокой степенью вероятности.

Для реконструктивного вывода иногда достаточно и значительно меньшей выборки, чем это на первый взгляд кажется позволительным. Историк восстанавливает картину прошлых явлений, социальных структур, исследуя, например, что люди той или иной эпохи принимали за само собой разумеющееся, не требующее особой фиксации. Так, анализ содержания и орфографии новгородских берестяных грамот позволяет нам делать определенные выводы об уровне грамотности в Великом Новгороде.

Дописьменный период жизни человечества вынуждает историков пользоваться только заключениями от вещей, чтобы восстанавливать картину жизни людей. Изучение археологических памятников — не просто типология вещей, а изучение

со стороны экономики, социального строя, иногда даже идеологических представлений древних⁹.

Итак, процесс фиксации фактов, процесс построения первичной картины изучаемого в истерических исследованиях, по сравнению, например, с физикой, имеет свои особенности. Первая ступень деятельности историка - реконструктивная деятельность¹⁰.

Реконструкция прошлого - это описание прошлого, как бы мы его наблюдали, находясь в прошлом. Реконструктивное знание - аналог знания, фиксируемого в протоколах наблюдения, но оно получено другими способами познания. Многие буржуазные и мелкобуржуазные теории исторического знания содержат "рациональное зерно", если рассматривать их как теории реконструктивной деятельности историка. Сказанное относится и к "пониманию" Дильтея, и к мысленному "переигрыванию" (re-enactment) Коллингвуда, и к нарративизму.

Чтобы понять и правильно изобразить прошлое, отличное от нашей действительности, надо научиться думать так, как думали в прошлом, реагировать на ситуации так, как реагировали в прошлом. Понять прошлого философа значит научиться думать, как думал он (иначе мы будем выдавать свой собственный способ мышления за его способ). Понять Юлия Цезаря значит научиться думать, как он думал, научиться видеть ситуации его глазами и, если бы это было возможным, действовать как он.

Опасность, которая тут поджидает, - перенос собственного понимания, своих современных чувств и знаний в прошлое. Для историка неверующего, христианство - вымысел, игравший ту или иную социальную роль. Но в европейское сред-

⁹ Мы, марксисты, можем с гордостью отметить, что именно мы являемся пионерами такого подхода. См. Б.А.Рыбаков. Общественные науки в СССР и современность. - "Вопросы истории", 1968 № 9, стр. 118.

¹⁰ Эта точка зрения автора настоящей книги была исходной посылкой интересной статьи: В.С.Егорова, В.Н.Карпович. К вопросу о логической структуре рациональных объяснений в истории. - "Философские науки", 1977, № 3.

некоторые многие люди верили в Христа на самом деле и часто не имели иных способов осознания своих конфликтов как в спорах о религии. Историзм XIX в. являл в оборот древние термины для того, чтобы избежать опасность видеть в результате современных исследований ценности и знания в прошлом; то, чего там не было. Историки стали говорить в манере и подходе. Такое словоупотребление предохраняло от некоторых ошибок. Если, скажем рассуждать о теории государства Аристотеля, о чертах, которыми он наделил идеальное государство, то нельзя забывать, что Аристотель говорил не о государстве в смысле XIX или XX в., а о подходе, о греческом государстве. Его понятийная сетка не совпадает с нашими современными понятийными сетками. В результате использования неаристотелевских понятий возникает опасность потери части знания и исследуемое будет пониматься неправильно (или только частично правильно).

Но если пользоваться терминами, современными явлениям, — назовем это языком историзма, — то почему не пользоваться вообще языком, современным явлениям? Почему бы не писать о Древней Греции на древнегреческом? Ведь таким образом можно избежать все опасности модернизации, вносимые современными историками мышлением и языком! Историк, исследуя прошлое, задает свои вопросы, в том числе вопросы, которые в исследуемое время не задавались и даже не могли задаваться. Для постановки и решения таких вопросов в изучаемое время отсутствовал и язык II.

II Во-первых, выше уже указалось, что существует определенное множество высказываний, которые могут иметь место только после события, явления, например: "Только что закончилась Тридцатилетняя война". Соответственно и вопросы о начале Тридцатилетней войны, Ренессанса и т.п. могут задаваться лишь после известного момента. См. A.C. Danto. *Op. cit.*, pp. 143 — 181.

Во-вторых, со временем появляются новые теории общества. Хотя классы существовали и в средневековой Европе, вопросы о классовой структуре и роли отдельных классов в развитии общества средневековой Европы не могли задаваться в те столетия, поскольку еще отсутствовали подобные понятия не только для описания прошлого, но и для понимания своего собственного времени. Любая новая (особенно абстрактная) теория современности ставит историка в проблемную ситуацию: насколько термины подобной теории пригодны для описания прошлого?

Вся сложность понимания прошлого, реконструктивной деятельности заключается в том, что, научившись мысленно вживаться в прошлое, историк должен в то же время оставаться человеком своего собственного времени; он должен уметь думать как люди, жизнь и общество которых он исследует, и думать не так как они, наблюдать со стороны. Последнее необходимо, чтобы он мог знать больше, чем могли знать в исследуемый период. Самим трудным, может быть, окажется понимание именно не отдаленных, а наиболее близких периодов, непосредственного прошлого, ибо непосредственное прошлое — своя собственная жизнь, жизнь современного общества, и смотреть на современность не только как участник, но и как "посторонний" почти невозможно, а часто и ескербительно для современников, особенно когда речь идет о жизни и смерти, о главном в общественном устройстве, вообще о центральных проблемах человеческой деятельности.

В какой-то мере историческое понимание схоже с пониманием жизни других народов¹². Можно описать, как одеваются англичане или эскимосы Канады, можно описать их жизнь дома и вне дома. Эти описания будут нашими впечатлениями, нашими мыслями об англичанах или эскимосах, но не будут мыслями англичан или эскимосов Канады. И в этом смысле мы еще не понимаем народ; жизнь которого мы описываем. Значительно труднее научиться думать, как думают англичане или эскимосы Канады, научиться чувствовать так, как чувствуют они, и при этом оставаться членом своего народа, своей культуры, переводить мысли и чувства англичан или эскимосов Канады на язык — на мысли и чувства — своего народа.

Нарратив, о котором столько писали исследователи-немарксисты (и совсем мало — философы-марксисты) является одним из средств фиксации реконструктивного знания. Исто-

¹² Эта аргументация навеяна Уоллом. См. W.H. Walsh. An Introduction to Philosophy of History, pp. 185 - 186.

рих рассказывает — не просто о чужих странах, как путешественник, а о людях в другие, часто чуждые нам времена. Прежде, чем видеть закономерности, регулярности, повторяющиеся черты, например, в процессе генезиса капитализма, надо рассказать, как возникли капиталистические государства в Англии, Франции, Германии, России, как возникла экономика капитализма в каждой из этих стран и т.п.

Однако, нарративы можно изображать графами, а графы, в свою очередь, задавать алгоритмически или в теоретико-множественных выражениях. И то и другое даже по внешнему виду вряд ли схоже с рассказами. Нарративное изображение исторического процесса не исключает его изображения другими средствами, а является предпосылкой такого изображения. Реконструктивную картину жизни прошлых обществ можно создавать в виде нарратива, хотя для этого имеются и другие возможности¹³. А что же дальше?

Историк не просто собиратель фактов, не просто антиквар, перед ним стоит задача как-то осмыслить бесчисленное количество деталей, собранных им и другими исследователями. И вот здесь историк оказывается на перепутье — либо он должен пойти по пути науки, к более глубокому знанию, к новым уровням знания о тех же людях, явлениях, событиях, либо он должен превратиться в художника, писателя, с той лишь разницей, что историк рассказывает подлинные истории, писатель их выдумывает¹⁴. На последнем пути историк становится как бы журналистом — не обязательно мелким репортером, но, может быть, всемирно известным комментатором (скажем, наподобие покойному У. Диппманну). Тогда он, по сути дела, перестает быть историком. Многие буржуазные историки выбирают именно этот путь — и буржуазные философы истории иногда их в этом поддерживают. Для историографии как науки, настоящее исследование теперь не только начинается.

¹³ Примером может служить знаменитое исследование Я. Буркгардта о культуре Ренессанса в Италии.

¹⁴ См. W. Gallie. Op. cit., p. 71.

Создатели журналистской историографии могут быть и популяризаторами исторической науки. Науки XX века стали недоступны неспециалистам (к таковым относятся и специалисты других отраслей наук). Популяризация в нашем мире неизбежна. Почему же не признать и в отношении историографии различия между популярными сочинениями, рассчитанными для неспециалистов, излагающими результаты исследований, передающими добытое другими знание, — и сочинениями, в которых фиксируется само исследование и формулируется новое знание!

§ 3.

Зададим вопрос: чем различаются два исследования, одно из которых посвящено крестьянским повинностям в пользу помещика в некоторой местности, а второе — эволюция феодальной ренты в той же местности и за тот же период?

В обоих случаях изучаются те же самые реальные события и отношения. В обоих случаях исследователь должен выяснить, сколько именно крестьяне передавали помещику, платили помещику, работали на помещика. Назовем ли мы барщинный труд и поставку яиц повинностью или феодальной рентой — какая разница?!

И все же разница между двумя постановками вопроса огромна. Это — различие парадигм. Действительно, когда мы изучаем динамику феодальной ренты в некоторой местности, мы рассматриваем исследуемое как частный случай общего явления. Мы делаем то же самое, что делает эмпирический естествоиспытатель. Понятия "крестьянские повинности" и "феодальная рента" не идентичны. Они принадлежат к разным уровням знания. Понятие "крестьянские повинности" принадлежит к кругу понятий, которые П.Болдхаген так удачно называл эмпирическими абстракциями и историко-эмпирическими абстракциями, — при помощи подобных абстракций люди ¹⁵отражают социальную среду в ходе повседневной деятельности

¹⁵ См. Einführung in das Studium der Geschichte, Hg. W.Eckermann, H.Mohr. B., 1966, SS. 254 — 259.

Понятие же "феодалная рента" - теоретическое, часть некоторой теоретической системы. Даже его объем не сводится к простому списку повинностей. Изучение динамики феодалной ренты в той или иной местности - это изучение отдельного случая, который должен подтвердить или, наоборот, потребовать пересмотра наших теоретических допущений, уточнения или изменения теоретических понятий. Изучение динамики феодалной ренты в данном контексте - типичное эмпирическое исследование, а изучение крестьянских повинностей - исследование реконструктивное.

Эмпирическое знание в историографии является результатом обработки реконструктивного. Не выяснив количества янц, баршинных дней на разные цели и т.п., нельзя приступать к выяснению регулярностей или к анализу некоторых данных как частного случая чего-то общего. В качестве типичных примеров выяснения историками регулярностей на основе обработки реконструктивных фактов можно указать на труд советского исследователя А.Р.Корсунского о связи скорости возникновения государственного аппарата у варваров и степени романизации населенной ими территории¹⁶ или на работу английского историка Э.А.Томпсона о связи изменений в религии древних германцев Римского периода с изменениями в их политическом положении¹⁷; не говоря уже о многочисленных исследованиях по экономической истории, проводимых историками разных школ.

Правда, имеются философы истории, которые отрицают, что историки занимаются подобными исследованиями¹⁸. В ответ можно лишь сослаться на большое количество книг и статей, написанных историками на самые различные темы, будь это работы по истории рабства в античности (явление? массовое явление!), по образованию рынка или на дискуссион-

¹⁶ См. А.Р.Корсунский. Образование раннефеодалного государства в Западной Европе. М., 1963.

¹⁷ См. E.A.Thompson. Christianity and the Northern Barbarians. - Nottingham Mediaeval Studies, vol. I. Nottingham, 1957.

¹⁸ См. напр. W.Dray. Laws and Explanation in History, pp. 47 - 48.

ные статьи об абсолютизме советских историков в 1970-е годы на страницах журнала "История СССР". Конечно, такие работы в первую очередь пишутся историками-марксистами, а те сконцентрированы в социалистических странах. Буржуазные философы истории часто просто не знакомы с тем, что нами сделано, хотя, конечно, невежество не извиняет ученого. В какой-то степени вина падает и на нас самих, поскольку мы почти не издаем своих исследовательских статей и монографий на западноевропейских языках (особенно на английском). Это в наибольшей мере относится к работам, в которых речь не идет о современности; русским же языком западная интеллигенция - даже готовая выслушать науку аргументацию - как правило, не владеет.

Необходимо подчеркивать, что подобные исторические исследования создаются и учеными капиталистических стран (как марксистами, так и немарксистами), что, кстати, понимается как многими историками, так и рядом философов истории¹⁹. Конечно, это, в первую очередь, труды по истории экономики. Но экономическая историография - такая же часть исторических исследований, как и всякие рассуждения об истории в целом и писание всемирных историй или сочинений об истории быта, духовной культуры и политики! В конце XX в. даже для немарксистов должно быть понятным, что без экономики нет человечества, без экономической истории нет истории человечества (и даже истории философии). Впрочем, предпринимается попытка эмпирического исследования не только экономики²⁰.

¹⁹ Приведем несколько примеров англоязычных трудов: в которых такое понимание налицо: W.H.Walsh. *An Introduction to Philosophy of History*. L., 1967; F.Dovring. *History as a Social Science*. The Hague, 1960; G.G.Iggers. *New Directions in European Historiography*. Middletown (Conn.), 1975.

²⁰ См. в качестве случайных примеров: С.М.Троицкий. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. *Формирование бюрократии*. М., 1974; J.A.Armstrong. *Old-Regime Governors: Bureaucratic and Patrimonial Attributes*. - "Comparative Studies in Society and History", vol.14 No.1; R.Torstendahl. *Teknologins nytta.Motiveringar för det svenska tekniska utbildningsväsendets framväxt framförda av riksdagsmän och utbildningsadministratörer 1810-1870*. - *Studia Historica Upsaliensia* 66. Uppsala, 1975; Beiträge zur Entstehung des Staates, Hg. J.Herrmann, I.Sellnow. B., 1973.

А существуют ли исторические теории в том смысле этого слова, в каком оно употребляется в выражениях "физические теории", "экономические теории"? Существуют ли исторические теории о процессах, охватывавших либо человечество в целом, либо некоторые его части в течение специфических отрезков времени²¹? Существуют ли формулировки объясняющих исторических законов?

Конечно, существуют. Но их мало.

В марксистской исторической науке применяется теория общественно-экономических формаций²²; предложена модель для объяснения истории обществ, принадлежащих к некоторому одному, известным образом выделенному типу (в "Капитале" К.Маркса)²³, с исторической точки зрения исследовалась феодальная рента²⁴. Вне зависимости от принадлежности историка к марксизму можно указать, что в настоящее время модельный подход²⁵ стал характерным в таких областях исторического исследования как, например, аграрная история²⁶, появляются математические модели изменений и развития для определенных отрезков истории²⁷.

²¹ Историческая теория не обязательно должна быть теорией всего в исторических процессах. Даже теория исторического процесса как целого не обязательно должна быть универсальной отмычкой всех и любых проблем. Те, которые ставят подобные требования к теориям истории, хотят получить не научные, а натурфилософские теории.

²² Анализ марксистской теории формаций см. в ч. IV настоящей работы, в статье автора: Методологические заметки о теории общественно-экономических формаций, и в J.Schiebel. Changing the Unchangeable. - "Studies in Soviet Thought", vol. VII No. 4. Анализ некоторых немарксистских теорий истории экономики см. G.Batze. Die logische Struktur der Wirtschaftsstufen. Meisenheim an Glan, 1962.

²³ См. В.И.Ленин. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов. - В.И.Ленин, ПСС, т. I, стр. 138-140.

²⁴ См. К.Маркс. Капитал, т. III, гл. 47. - Соч., т.25 ч.II.

²⁵ Формализованная теория относится к некоторой модели, по отношению к которой формулируется ее математический аппарат. См. подробнее ч. III, гл. V.

²⁶ См. J.Topolski. Von der idiographischen zur theoretischen Agrargeschichte. - Studia historica in honorem Hans Kruus. Tallinn, 1971.

²⁷ См. напр. E.J.Nell. Economic Relationships in the Decline

Итак, вопрос не в том, имеются ли в наше время исторические исследования на всех уровнях знания и познания. Дело в том, что количество трудов, относящихся к тому или иному уровню, разработанность проблематики на разных уровнях не равны. Если на реконструктивном уровне по европейской истории все наиболее важное уже сделано (за исключением, может быть, периода, исследуемого археологами), и даже по истории остальных континентов намечены основные реконструктивные вехи, то эмпирических исследований имеется намного меньше, а теоретические и вовсе насчитываются единицами. Значительная часть реконструктивных фактов еще не поставлена в соответствие с эмпирическими фактами, утверждениями, а имеющиеся теории относятся отнюдь не ко всем тем областям, в которых устанавливаются эмпирические результаты. Вопрос, следовательно, в том, как объяснить эту разницу насыщенности историографии исследованиями различных уровней.

Ответ основывается на ссылке к определенным законам развития исторического знания и познания. Уровни исторического знания можно поставить в некоторый ряд, в котором каждый последующий член логически предполагает предыдущий. Этот ряд начинается с реконструктивного уровня.

Сам реконструктивный уровень стал возможным, когда историки открыли технику фиксации фактов, того, как это на самом деле было (используя знаменитую фразу Ранке). Эмпирические работы предполагают наличие реконструктивных. Невозможно выяснить схожесть или различие процессов, явлений, не зная каждого сравниваемого в отдельности. Работа А.Р. Корсунского, к которой читатель выше отсылался, стала возмож-

of Feudalism. - "History and Theory", vol. VI No. 3; E. Schremer. Standortausweitung der Warenproduktion im langfristigen Wirtschaftswachstum. - "Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte", Bd. 59 Nr. 1; E. K. Charlesworth. The Contribution of Rationalization to Industrial Development in Sweden. - "Economy and History", vol. XII. Lund, 1969; R. W. Fogel. Historiography and Retrospective Econometrics. - "History and Theory", vol. IX No. 3.

ней только после того, как ряд исследователей выяснили ход процесса возникновения феодализма в каждой из стран Западной Европы в отдельности. Одному историку, как правило, не под силу проводить такие исследования по очень широкой тематике, если до него ничего не сделано. А историкам понадобился весь XIX век для реконструкции картины европейского прошлого.

Теории истории предполагают эмпирически открытые регулярности - сходные признаки процессов, типологии явлений и т.д. Теории призваны Н-объяснять эмпирически выясненное. Вне сомнения, теории можно строить, отлекаясь от части эмпирического материала, и не обязательно обобщая эмпирический материал. Но теория должна объяснять эмпирические, а не реконструктивные факты. Пока отсутствовали серьезные эмпирические исследования, теоретизирование оставалось поверхностным, превращалось в спекулятивные рассуждения или в ценностное осмысление прошлого²⁸. Когда не было эмпирических исследований, то вместо теорий создавали философию - "философию истории". Онтологические спекуляции были неизбежны до тех пор, пока историки не стали исследовать действительность. Но затем такие сочинения уже не могли восполнить пустующее место теории и оказались излишними. "Историческое" развитие исторической науки неизбежно идет от реконструктивного знания к эмпирическому, а от эмпирического к теоретическому. Следовательно, в каждый момент времени исследованиями всегда охвачено больше фактов на более ранних ступенях знания по сравнению с исследованиями на более поздних ступенях знания, ибо на первых, ранних ступенях, историки работали в течение большого промежутка времени. Кроме того, поскольку каждое новое теоретическое исследование требует своей эмпирической основы, которая не всегда налицо, то оно неизбежно будет стимулировать исследования на более ранних ступенях знания.

²⁸ А.И.Ракитов справедливо подчеркивает необходимость теоретических исследований, выведения законов. См.его статью: К вопросу о структуре исторического исследования. Но так как среди исторических исследований преобладают реконструктивные, а не эмпирические работы, то часто неоткуда идти к теориям.

Конечно, в некотором смысле эмпирические исследования зависят от теоретических. Однако напомним о положении до возникновения научных парадигм вообще: переход к парадигматической ступени не может быть осуществлен до начала всяких исследований²⁹. Для построения теоретических моделей, могущих быть примененными при исследовании действительности, требуется обладать известными предварительными данными и знаниями, напр. фиксировать сходные и различавшиеся черты. Следовательно, некоторые индуктивные построения исторически предшествуют "вольному конструированию" объясняющих теорий, предоставляя материал для размышлений и применения готовых (т.е. выработанных другими путями) форм мысли — формализованных языков.

Отдельный историк, который занимается реконструктивными исследованиями, не обязан создавать также эмпирические работы. Это положение естественно обобщается на любой случай, когда историк ведет исследования на каком-либо одном уровне знания. Наука — плод творчества множества исследователей, и никто не обязан заниматься всем. Разные части науки находятся между собой в логической связи, но действительный процесс исследования не обязательно должен повторять логический порядок результатов. Логически необходимы все ступени знания. Что же необходимо в отдельном исследовании, определяется целью, которая ставилась исследователем. Цели отдельного исследователя не обязательно совпадают с критериями, которые делают совокупность исследований наукой.

Другое дело, когда мы ставим вопрос, какой должна быть наука об истории. Тогда мы ставим вопрос о должных целях множества ученых по отношению ко множеству их исследований. В данном случае вопрос стоит так: должны ли мы в конечном счете стремиться к такой исторической науке, в которой самым важным будет реконструкция (хотя бы обогащенная теорией и эмпирическими исследованиями), либо — теория, либо же — эмпирические исследования? Ответ зависит от

²⁹ См. также Т. Кун. Структура научных революций, стр. 33-34.

наших более общих целей. Если мы стремимся к полному знанию, ко "всей истине", тогда нужно стремиться к науке, которая будет существовать на всех трех уровнях одновременно. Ограничение науки каким-либо одним уровнем знания, признание одного уровня "вообще" (в сущности) более ценным или единственно ценным, — не только "антиисторично", т.е. чуждо практике исторических исследований за последние полтора столетия, но означает на деле отказ и от части знания. Отсюда уже недалеко до прямой фальсификации и лжи³⁰.

Приведенная аргументация не означает, что в те или иные годы, в тех или иных странах иногда не может возникнуть первоочередной потребность заниматься именно, например, эмпирическими, а не только реконструктивными исследованиями — или же наоборот. Это уже зависит от внутренних потребностей исторической науки, а в ряде случаев также от вненаучных факторов. Результаты исторических исследований неизбежно связаны с общественной борьбой, современной историку; они не просто набор истин, а набор истин, при помощи которых действует практически, и практика предъявляет свои заявки ученым.

³⁰ Сама концепция множественности, сложности, системности цели является в какой-то мере непривычной. Действительно, легче понять концепцию, в которой имеется одна четкая и простая цель. Так, во время справедливой войны для марксистов подобной целью становится победа. Но характер цели определяется характером действительности, характером самих явлений, которые люди пытаются реализовать. Существует несколько уровней научного знания, поэтому нельзя просто стремиться к научному знанию (в данном случае: просто к научному изображению прошлого). Но можно стремиться к конъюнкции реконструктивное-и-эмпирическое-и-теоретическое знание. Стремиться к знанию — это значит стремиться к системе знания, и еще больше — к системе из систем знания на различных уровнях. Когда цель является система — когда практически важно рассматривать цель расчлененной, развернутой в систему, а не в качестве бесструктурной простейшей единицы, — то не следует пытаться особо выдвигать одну из частей этой системы. Иначе произойдет подмена цели — вместо всей системы ее на деле становится только часть, хотя номинально цель остается вся система. Так возникают многие мистификации ознания.

Малочисленность исторических исследований, принадлежащих к теоретической ступени познания, Н-объясняется не только при помощи законов развития исторического познания. Исторические сочинения пишутся людьми, объединенными с начала XIX века в сообщества историков, а эти сообщества, в свою очередь, входят в иные совокупности людей и существуют в определенных "исторических" - экономических, политических, духовных условиях. Соответственно, для получения более адекватного решения задачи об объяснении распределения исторических сочинений по уровням познания требуется ссылка и на другие законы общественной жизни.

В XIX в. в сообществе историков, ориентированном на авторов типа Ранке, возникла антитеоретическая парадигма исторического исследования (направленная, в первые годы своего существования, против спекулятивного философствования об истории). Эта парадигма запрещала историкам всякого рода теоретические исследования и с подозрением относилась к тому, что мы теперь называем эмпирическими исследованиями. Своей парадигме сообщество историков закрепляло через систему университетского образования и систему присвоения ученых степеней (при помощи последних сообщество историков одни исследования причисляло к числу научных, а другие - отлучало от науки)³¹. В профессиональные историки отбирали лишь тех, которые отказывались или не были способны мыслить теоретически. Готовящие стать профессиональными историками лица обучались не мыслить теоретически.

Характер господствующих в социальных науках парадигм в значительной мере зависит от способов формирования сообществ ученых, а эти способы определяются экономическим строем общества. Антитеоретическая парадигма оказалась чрезвычайно выгодной тому классу европейского и североамериканского общества, который занимал доминирующее по-

³¹ См. также G.G. Iggers. The Decline of the Classical National Tradition of German Historiography. - "History and Theory", vol. VI No. 3; изд. Deutsche Geschichtswissenschaft. München, 1971; H. Schleicher. Die bürgerliche deutsche Geschichtsschreibung der Weimarer Republik. B., 1975.

ложение в экономике (и, кстати, в политике) - классу капиталистов. Начиная со второй половины XIX века классу капиталистов в этих странах пришлось серьезно столкнуться в борьбе за сохранение своего положения в обществе с рабочим классом, и возникла проблема перехода от капитализма к социализму. Более того, возникла научная теория - марксизм, - который был теорией истории, а в качестве таковой обосновывал возможность и необходимость этого перехода. Сторонники марксизма видели также желательность продвижения от капитализма к коммунизму. Естественно, что парадигма, отрицающая возможность исторических теорий, теорий развития, стала теперь служить не только интересам некоторого сообщества историков, но и соответствовать предубеждениям, желаниям и потребностям господствующего в рассматриваемом обществе класса капиталистов³². Вопрос о характере исторического познания оказался вопросом классовой борьбы и стал решаться в соответствии с обстоятельствами этой борьбы. Спротивление теоретизации историографии вытекало не только из гносеологической парадигмы сообщества ученых, но и из социально-экономической ситуации "западной цивилизации"³³.

³² См. также истолкование враждебности к теориям и марксизму в немецкой экономической историографии в К.Н. Kaufhold. *Wirtschaftsgeschichte und ökonomische Theorien... Geschichte heute. Positionen, Tendenzen, Problemen*, Hg. G. Schulz. Göttingen, 1973.

³³ Результатом такой ситуации иногда оказывается регресс познания по некоторым характеристикам. Так, в историографии экономики относительно ранний интерес к теории сменился стремлением к нетеоретическому изображению прошлого. Возрождение интереса к теории во второй половине XX в. связано преимущественно с принятием буржуазно-либеральных экономических теорий и status quo капиталистического общества. Кстати, эти же теории в области экономики разделялись антитеоретическими историками экономики первой половины нашего века. См. подробнее G. Gunpagvon. *A Study in the Historiography of Prices*. - "Economy and History", vol. XIX:2. Lund, 1976.

Идея трех типов исторического знания была выдвинута в свое время П.Сорокиным³⁴. По мнению Сорокина, существуют следующие виды исторического знания. Во-первых, идиографическое знание, т.е. возможно более точное и полное описание единичных и неповторимых событий. Во-вторых, номографическое знание статистических и динамических отношений, повторяемостей и т.п. И, в-третьих, "метаисторическое", философское или теологическое знание, потому что первые два вида знания не удовлетворяют человеческое желание знать все более и более глубоко.

Сорокин признает, что третий тип не является научной историей. По мнению автора настоящей монографии, "метаисторическое знание" Сорокина не может вообще стать знанием, или во всяком случае более глубоким знанием (если выражение "глубина знания" является десигнативно осмысленным). Рядом с научной системой знания нет места никакому другому знанию кроме обыденного. Конечно, можно рассуждать о смысле и значении истории, о ценностной проблематике. Но утверждения о ценностности, осмысленности того или иного направления развития являются не способом фиксации знания, а способом выражения отношения к миру, способом оценки истории с точки зрения, например; сегодняшних потребностей или желаний. Такие оценки, такой подход, несомненно оправданы, необходимы, но тут мы имеем дело не со знаниями, а применением их и переходим от науки, как одной из видов социального сознания, к идеологии, как к другому виду. Неспекулятивная философия истории может последовать всем трем - вместе взятым - ступеням исторического знания, но не заменять ни одно из них (или всех их).

³⁴ См. The Problem of Civilizations. Report of the First Synopsis Conference. The Hague, 1964.

То, что Сорокин называет номографическим знанием, не представляет собой единства. Различение теоретического и эмпирического, фактически фиксируемых регулярностей и теоретических конструкций для объяснения последних не только описывает некоторые уже наблюдавшиеся тенденции развития исторического познания, но и указывает путь к неспекулятивному изображению исторических процессов на высоком уровне абстракции³⁵.

И терминология, и сам подход Сорокина отражают уровень философии науки, особенно немецкой буржуазной и мелкобуржуазной философии науки, конца XIX и самого начала XX века. При современном состоянии таких наук как социология (в развитие которой участвовал сам П.Сорокин), экономика, политическая наука уже нельзя отрицать возможность и плодотворность теоретического, а не только эмпирического и реконструктивного, подхода к жизни людей. Философия науки отражает и развитие науки, философия истории - развитие исторических исследований. Парадигматическая и классовая ограниченность многих немецких историков начиная с конца XIX века не позволяла им видеть развитие наук об обществе³⁶. Но проблема теперь больше не в возможности теоретического исследования общества. Такая возможность доказана опытом всех наук об обществе (в том числе и исследованиями немарксистов - скажем, в экономике). Проблемы теперь в том, (I) имеются ли исторические теории, чем-то отличающиеся от вне-исторических теорий об общественных явлениях, и в том (2), как строить и доказывать исторические теории. Но отвечать на эти проблемы мы будем несколько позже³⁷.

³⁵ Различение уровней индивидуального и общего Ридингом также не соответствует трехчленной схеме настоящей главы.

³⁶ См. также Н.Р. Liebel. *Philosophical Idealism In the Historische Zeitschrift, 1859-1914.* - "History and Theory", vol. III No. 3; G.G. Iggers. *Rev.*: M.C. Brands. *Historisme Als Ideologie.* - "History and Theory", vol. VI No. 1.

³⁷ Ответы на проблему (I) будут даны в ч. III, гл. V § I, и на проблему (2) в течение всей части III, а особенно в ч. III, гл. V и гл. VI.

Расширение поля исследований

Традиционная преднаучная историография (это относится и к античной историографии), а также ранняя научная историография изучала прежде всего политические события и их "мотивы" (рациональные основания). Фоном, основополагающей средой этих событий служило государство - система правительствующих учреждений и совокупность правовых положений (к глубинным политическим структурам обычно не переходили). Иногда изучалась также последовательность, происхождение идей. После профессионализации общественнонаучного познания последним часто занимались "не-совсем-историки" - историки литературы, философии и т.п. лица, работавшие вне сообщества историков. Впрочем, в XIX веке сообщества специалистов не были еще отделены друг от друга нынешними труднопроходимыми оградками. "Настоящие" историки, - историки, воспитанные в сообществах историков, - часто суживали рамки поля исследований даже только до дипломатической истории (образец - Ранке!).

Правда, уже французское Просвещение объявляло о необходимости расширять состав исследуемых историками явлений¹. Осуществление его программы началось лишь в XIX в., когда всерьез стала изучаться история поземельных отношений (хотя отдельные исследования по экономической истории выходили в свет и раньше) и появлялись труды о классах и классовой борьбе в истории - Ф.Гизо, О.Тьерри, в России В.О.Ключевского². Заметим, что в странах, где задерживалось буржуазное развитие, удерживало свои позиции и собы-

¹ Интересное рассмотрение данного вопроса см. В.К. Яценский. Историческая География, стр. 279-283, 313-314.

² См. К.Маркс. - И.Бейдемейеру, 5.3.1852. - Соч., т. 28, стр. 423, 424-425; М.А.Алпатов. Политические идеи Французской буржуазной историографии XIX века. М.-Л., 1949, стр. 54-130; М.В.Нечкина. Василий Осипович Ключевский. М., 1974.

тийно-государственно-юридическое направление (напр., концепция С.М.Соловьева о Руси родовой и государственной - в середине XIX в. в России). На позициях примата политики оставались консервативные немецкие историки, чьи труды стали частью официальной прусско-немецкой шовинистической и милитаристской идеологии.

Когда Коллингвуд утверждал, что историки воссоздают прошлые мысли, в частности мысли, стоявшие за действиями, то он отражал это прошлое исторических исследований: реконструктивное исследование политики. Коллингвуд, конечно, допускал изучение других сфер человеческой деятельности - но представлял, что их нужно изучать только так, как традиционно изучали политику. И поэтому большая часть экономической истории просто выпадала из его поля зрения.

Как бы то ни было, во второй половине - особенно, пожалуй, в последние треть - XIX в. произошло фактическое расширение поля исследований историков. Во Франции появился Фистель де Куланж. В Швейцарии - Буркгардт. Даже в германской историографии 1870-х - 1890-х гг. одной из наиболее характерных черт был поворот к социально-экономической тематике исследований³.

Еще раньше решительное расширение поля исследований совершилось в марксизме. Во-первых, марксизм по-серьезному начал исследование экономической истории. Во-вторых, сформулировав определенную концепцию взаимоотношений различных частей общества, марксизм изменил характер исследования этих отдельных частей, потребовав, чтобы изучение принятых за зависимые части общественной системы проводилось с учетом не только их внутренней истории, но и процессов, происходящих в определяющих системах (в способе производства, в отношениях производства). Изучение определенного круга явлений таким образом обязательно дополнялось изучением взаимосвязей этого круга явлений с другими областями человеческой жизни: включение всего общества в поле иссле-

³ См. напр. А.И.Данидов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья. М., 1958, стр. 36.

дования органически вытекало из марксистской теории общественных связей.

Воздействие марксизма вынуждало и историков других направлений пересматривать свои взгляды. Идет ли речь о споре о методе вокруг выступлений К. Лампрехта в немецкой историографии конца XIX – начала XX века, о "новой истории" Дж. Х. Робинсона⁴ или о школе Бирдов в США, о школе А. Берра или о школе "Анналов" во Франции – во всех этих случаях мы наблюдаем тенденции как расширения списка типов объектов исследований, так и выяснения взаимосвязей между разными типами объектов, которые могут даже сопровождаться пренебрежением традиционной политической историографией⁵.

Подобное расширение поля исследований наткнулось на недоверие историков более старых школ. Отчасти мотивы такого недоверия были научными. В конце XIX в. можно было еще сомневаться в наличии источников для создания историографии экономики. Отчасти влияние оказывали внутринаучные факторы. Не было совсем ясным, допускает ли та или иная парадигма в своих рамках изучения экономической истории. Если парадигма требовала, чтобы историописание – после первичного сбора материалов – представляло собой вид искусства, то историография экономики допускалась при условии наличия (открытия) подходящей художественной формы⁶. Если же парадигма объявляла целью историков изучение прошлого государства – как в традиционной немецкой буржуазной историографии, – то, конечно, для историографий экономики или культуры места не существовало. На деле, правда, среди историков никогда не было распространено парадигматическое требование, запрещающее всякое исследование социально-эко-

⁴ Кстати, Дж. Х. Робинсон сам признавал роль Маркса в преобразовании исторических исследований. См. J. H. Robinson. *The New History*. N.Y.-L., 1965 (Reprint of the 1912 edition), pp. 50 – 51.

⁵ См. В. П. Смирнов. Об изучении новейшей истории во Франции. – "Вопросы истории", 1974, № 5, стр. 96; J. H. M. Salmon. *Rev.: F. Braudel. Ecrits sur l'histoire*. – "History and Theory", vol. X No. 3, p. 349.

⁶ См. напр. G. F. Knapp. *Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland*. – "Historische Zeitschrift", 1897, Bd. 78, S. 42.

номических явлений. Утверждения парадигмы скорее касались структуры общества и ценности отдельных частей общества. Поэтому парадигматическое сопротивление расширению поля исследований всегда оставалось несколько неуверенным⁷.

Однако, сопротивление расширению поля исследований вызывалось и "внепарадигматическими" факторами — теми обстоятельствами, которые определяли сам характер принимаемых обществом парадигм. Так, издатели сочинений историков в буржуазном обществе должны, как правило, получать прибыль, и поэтому должны ориентироваться на вкусы "читающей публики". Ею же долгое время оставались буржуазные и мелкобуржуазные слои населения (не говоря уже о людях, определяющих содержание школьного обучения по истории⁸), которые отнюдь не всегда готовы проглатывать тома статистических таблиц и страницы математических формализмов⁹.

Не следует забывать, что история изучается профессионалами, подготовленными в соответствующих учреждениях, в которых создаются и передаются критерии того, что считать "настоящей" историографией (значение Ранке определяется не только его сочинениями, но и его семинаром). Эти критерии отражают в числе прочих обстоятельств профессиональные интересы лиц, направляющих соответствующие учреждения, и, таким образом, могут способствовать воспроизводству более ранних форм историографии. Например, существуют две международные организации, объединяющие историков — одна для историков экономики, вторая для всех остальных. Естественно, что на конгрессах, созываемых каждой из них, проблемы взаимоотношений экономики с осталь-

⁷ Интересно отметить, что при изучении истории не-европейских стран поле исследований европейских историков также первоначально ограничивалось преимущественно политической историей (дополненной частично историей религии) и лишь постепенно стало расширяться в сторону охвата социально-экономических процессов. Порядок изменений остается тем же, так что возникает сосуществование во времени типологически разнопорядковых явлений историографии. Подобную повторяемость вполне обосновано можно назвать регулярностью, даже закономерностью в процессе развития исторической мысли.

⁸ Характерный пример — распространение идей Ч. Бирда. См. раннее исследование об этом: M. Blinkoff. *The Influence of Charles A. Beard upon American Historiography*. Buffalo (N.Y.), 1936.

⁹ См. напр. J. Price. *Recent Quantitative Work in History: A Survey of the Main Trends*. — "History and Theory", Beiheft 9, p. 6.

ными частями общества не могут квалифицированно рассматриваться и часто занимает побочное место. А общественное мнение, которое возникает и в процессе неофициального общения ("в кулуарах"), в свою очередь отражает профессиональные интересы и квалификацию участников. В качестве еще одного примера можно сослаться на изученное в литературе влияние университетских систем Германии и Франции на характер историографии¹⁰.

Наконец, расширение историками поля исследований настолько тесно связано с вкладом марксизма, что оно неизбежно оказалось подозрительным для всех лиц с антимарксистскими установками. Последние, в свою очередь, отражали наличие в западных обществах определенного социально-экономического класса - класса буржуазии (который, кстати, в основном определял пути формирования и состав интеллигенции до современной научно-технической революции).

Результатом расширения поля исследований историков является превращение картины истории из однослойной в многослойное изображение прошлой действительности: Изменения эти затрагивают как учебники, так и специальные исследования: фоном исследуемых объектов теперь не являются только явления, события, принадлежащие к тому же слов жизни людей, что и изучаемые объекты, но также происходящее в других слоях общества¹¹.

Поле исследований историков расширялось и в другом измерении. Менялись классы референтов¹² исторического знания и строение этих классов. Коллингвуд был неправ, когда он писал, что историки изучают *res gestae* - деяния людей.¹³

¹⁰ См. напр. G.G. Iggers. *New Directions in European Historical Geography*.

¹¹ Следовательно, в философских рассмотрениях причинности в истории необходимо учитывать возможность двух типов причинности и причинных рассуждений: причины в пределах слоя и воздействие изменений в одном слое действительности на другой.

¹² О понятии референта см. М. Бунге. *Философия физики*, стр. 79-80.

¹³ См. R.G. Collingwood. *Op. cit.*, Introduction § 2, p.9.

Даже античная историография изучала не только деяния людей, но и деяния совокупностей людей — действия государств, армий, греков, варваров. Правда, рассматривались такие совокупности людей, которые казались персонализированными, которым приписывались людские свойства: воля, желания, действия в том же смысле как в отношении воли, желаний, действий отдельного человека. При том рассматривались не волящие люди, а "важные" лица — прежде всего административные (политические, военные) лидеры эксплуатирующего¹⁴ класса. Референтами историографии служили члены класса некоторых субъектов.

Расширение области референтов происходило в одном направлении в сторону включения все новых и новых субъектов. Изучаться стали лица из всех классов. Изучаться стали волящие совокупности людей: профсоюзы, политические партии, еретики, участники крестьянских восстаний. При этом историография коллективов вытесняла историографию отдельных лиц, историография народа — историографию королей...

Другим направлением оказался переход от персонализированных к неперсонализуемым референтам¹⁵. Рынок товаров не имеет мотивов действия и вообще не способен действовать в обычном значении этого слова. Однако история рынка широко изучается в наше время людьми, называемыми историками.

Переход к теоретическому познанию вызвал также появление в поле исследования нового подмножества референтов — произошел переход от изучения прикладных объектов к изучению инвариантных объектов. Обыденное познание и техническое познание относятся к реальным, или прикладным объектам и множествам этих объектов. Так, можно изучать историю США, ГДР, Пруссии. Можно изучать историю Европы, Африки, Америки. Но можно изучать также историю некоторого одного спо-

¹⁴ В марксистском, а не в обыденном буржуазном, "западном" значении слова "эксплуатирующий".

¹⁵ См. напр.: ... "Мой метод анализа, исходным пунктом которого является не человек, а данный общественно-экономический период"... К.Маркс. Замечания на книгу А.Вагнера "Учебник политической экономики". — Соч., т. 19, стр. 386.

способа производства или же истории способов производства. Способ производства не существует так, как существуют Соединенные Штаты Америки¹⁶. Способ производства — некоторая инвариантная система в многих реальных системах (в данном случае: принимающая существенное участие в определении "судьбы" реальных систем, в которые она входит). Референтами теорий служат такого рода инвариантные системы.¹⁷ Прикладной объект включает в себя инвариантные системы (одну или несколько), а также свойства и части, ни к каким инвариантным системам не относящиеся.

Переход к рассмотрению инвариантных объектов не требует отказа от исследования прикладных объектов: фундаментальные и прикладные науки дополняют друг друга. Увеличение гетерогенности поля исследований тождественно его существенному расширению.

Г л а в а У

Развитие структуры картины истории

Знание, в котором фиксируется картина истории, — это знание некоторых последовательностей¹. В текстах, созда-

¹⁶ Однако, неверно сказать, что способ производства не существует вообще или что он не существует в чистом виде. Мы не будем здесь подробно касаться проблемы существования референтов общих имен, поскольку в данном контексте не встают никакие специфические для историографии проблемы относительно характера референтов общих имен.

¹⁷ Восходящее к Веберу деление лидеров на агитаторов и администраторов является примером выделения инвариантного объекта вне пределов марксизма. Соответствующее исследование частного случая см. R.H. Dekmejian, M.J. Wyszomirski. Charismatic Leadership in Islam: The Mahdi of Sudan. — "Comparative Studies in Society and History", vol. 14 No. 2.

¹ Мысль о том, что последовательности играют существенную роль в историографии, обнаруживается в идеях Мандельбаума об историографии как изучении связей и в идеях Данто о структуре нарративов. Особенно ярко она выдвигалась в концепции о сериях великим румынским историком А.Д. Ксенополем; см. А.Д. Ксенополь. Понятие "ценности" в истории. Киев, 1912. Изменения изучала уже античная историография, см. напр. А. Momigliano. Tradition and the Classical Historian. — "History and Theory", vol. XI No. 3.

всех историками, эти последовательности фиксируются по-разному: либо в виде нарратива, либо разбивкой текста на периоды (или иные единицы). При этом единицы некоторой последовательности могут делиться на части, опять-таки упорядоченные в последовательность (период может делиться на подпериоды). Отдельно взятое произведение (книга или статья) может и не фиксировать последовательность в пределах своей темы, но тогда оно неявно предполагает возможность построения последовательности, одним из элементов которой будет данное исследование. Если, скажем, историк Швеции изучает время королевы Кристины, то он предполагает, что такому исследованию может предшествовать исследование времени Густава II Адольфа. Среди ряда историков распространено мнение, что в идеальном случае всемирная история может быть изображена путем единой (хотя, может быть, и многолинейной) последовательности.

В числе последовательностей, устанавливаемых историками, следует различать хронологические и генеративные² последовательности. Когда историк изучает происхождение греко-персидской войны, древнерусского государства, возвышение Капетингов или рост современной науки, то он устанавливает не только хронологию, но и возникновение одних ситуаций, событий, структур от других, порождение одними действиями, явлениями других действий, явлений. Последовательности, в которых историки фиксируют возникновение, происхождение одних событий, явлений из предшествовавших им состояний, мы и будем называть генеративными последовательностями³.

² Этот термин мне предпочтительнее слова "генетический", употреблявшегося Э.Бернхеймом (а в настоящее время Х.Тэйном), вследствие семантической перегруженности последнего слова.

³ Представляется излишним введение М.Баргом понятий генеративного и трансформационного, особенно в противопоставлении связям, которые он назвал функциональными, ибо и "генетическое" и "трансформационное" являются связями развития, а различаются они не по собственным характеристикам, а по отношению к точке отсчета. См. М.Барг. Структурный анализ в историческом исследовании. — "Вопросы философии", 1964, № 10, стр. 87. Впрочем, в дальнейшем М.А.Барг отказался от слишком строгого проведения этого различения. См. напр. М.А.Барг. О некоторых предпосылках формализации исторического исследования. — Проблемы всеобщей истории, вып. I, Казань, 1967.

Следует еще различать элементарные и неэлементарные последовательности. Элементарными будем называть те последовательности, которые можно изображать элементарными графами. Все остальные последовательности будем называть неэлементарными.

Проблема неэлементарных последовательностей — это прежде всего проблема наличия исторических альтернатив, нескольких путей к одному и тому же состоянию или нескольких возможностей будущих состояний по сравнению с одним настоящим состоянием. В наши дни исследования уже показали, что марксизм всегда признавал неэлементарные последовательности⁴. Отметим, что принятие неэлементарности последовательности означает и допущение, что некоторая возможность может оказаться нереализованной. На реконструктивном и эмпирическом уровнях истории в любом случае не могут сказать больше, ибо нельзя реконструировать или эмпирически исследовать то, чего не было, хотя для понимания того, что было, требуется осознание прошлых структур возможностей. На теоретическом уровне от историка требуется несколько больше: по крайней мере, он должен уметь давать критерии различения возможного и невозможного (а не ограничиваться только интуитивными соображениями).

Последовательности рассматриваются историками как последовательности событий (или других нерасчлененных явлений), либо как последовательности социальных (экономических, политических, юридических и др.) систем⁵. При

⁴ См. также Б.Г. Могильницкий. Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции. — Труды Томского гос. ун-та, т. 247 (вып. 9), Томск, 1974; G. Stiehler. Geschichte und Verantwortung. Zur Frage der Alternativen in der gesellschaftlichen Entwicklung. В., 1972; C. Bobinska. Historiker und Historische Wahrheit. В., 1967, SS. 182 — 184.

⁵ Это различие не понимается Х. Фэйном. См. H. Fain. Between Philosophy and History, pp. 297 — 298.

фиксации генеративной последовательности некоторых систем переходы от одной системы к другой часто удобно изображать в виде множества событий⁶ — это не делает еще совокупную последовательность событийной! Рассматривая совокупные последовательности, полезно различать два типа структур — структуру самой последовательности и структуры систем, являющихся этапами данной последовательности. Это, кстати, значит, что распространенное противопоставление теории объекта истории объекта является недопустимым упрощением. Теория совокупного объекта должна включать в себя как утверждения насчет последовательности частей совокупного объекта (его секвенциальной структуры), так и утверждения насчет общих черт структур каждой из этапов последовательности (функциональной структуры).

Историческим исследованиям (но не учебникам!) характерно рассмотрение объекта исследования на определенном фоне. Естественно, фон этот может состоять из событий или из явлений — или из тех и других. Последовательности объектов изучения сопутствует часто и последовательность фонов (фоны, являющиеся элементами такой последовательности, не обязательно взаимоисключающиеся, а могут содержать и общие части). Последовательность фонов вполне может быть хронологической и при генеративной последовательности основных объектов изучения. В целом же тенденцией развития историографии является переход от хронологических последовательностей к генеративным и от событийных последовательностей к системным последовательностям. Хронологические последовательности в настоящее время — за исключением последовательностей частей фона — применяются либо иногда на реконструктивном уровне, либо сторонниками научной историографии вне исторической науки⁷. Событийные

⁶ См. в качестве примера E. Schrenner. Die Bauernbefreiung in Hohenlohe. Stuttgart, 1963.

⁷ См. также G. G. Iggers. New Directions in European Historiography, p. 177.

последовательности, широко распространенные на ранних ступенях историографии, были в XIX в. характерны для школы Ранке и позднее получили наибольшее распространение в изображении политической и военной истории. История права и история поземельных отношений прибегали к системным последовательностям уже в XIX в.⁸ Это относится не только ко французской, но даже и к немецкой историографии.⁹ Марксизм ввел системные последовательности в изучение экономической и политической истории. Среди немарксистов выделение систем явлений в политической истории проводилось Сеньобосом во Франции XIX в.¹⁰ и было окончательно оформлено школой Нэмира в XX в. Что же касается экономической и социальной истории, то можно назвать хотя бы школу "Анналов", стремящуюся исследовать исторические структуры и глубинные процессы большой длительности¹¹.

Если в отношении "логических" средств построения картины истории мы смогли проследить определенную эволюцию, то стоит задаваться вопросом: меняется ли содержание картины истории? Меняются ли те события, явления, которые историки упоминают, когда строят хотя бы реконструктивную картину прошлого человечества.

⁸ Это стало сознаваться тоже в XIX в. См. Ланглуа и Сеньобос. Цит. соч., стр. 189-190, 195.

⁹ См. напр., труды известного прибалтийского историка права Ф. Бунге 1802-1897, особенно F.G. von Bunge. *Geschichtliche Entwicklung der Standesverhältnisse in Liv-, Esth- und Curland. Dorpat, 1838; eiusd. Das Herzogthum Estland unter den Königen von Dänemark. Gotha, 1877.*

¹⁰ См. напр., Ш. Сеньобос. Политическая история современной Европы. СПб., 1898, в отличие от А. Дебидур. Дипломатическая история Европы. М., 1947, тт. I-II. Последняя работа оперирует лишь событийными последовательностями.

¹¹ Влияние историков, вышедших из школы "Анналов", не ограничивается в наши дни Францией - недаром Плам назвал труды Броделя образцом, по которому должна пойти современная историография. См. J.H. Plumb. *Rev.*: F. Braudel. *Capitalism and Material Life*. - "New Statesman" 15.06.1973, p. 888.

В каком-то смысле можно сказать, что такие единицы картины истории не меняются. Великая Французская революция 1789-99 или убийство Юлия Цезаря или применение паровых машин всегда входят в картины истории соответствующих отрывков прошлой действительности. Что меняется, это, в первую очередь, распределение внимания (в т.ч. и размеров текста), уделяемого тем или иным явлениям. Скажем, учебник по истории XIX в. может посвятить действиям Маркса или, скажем, Международного Товарищества Рабочих 20% текста, Наполеону I-5% и Гладстону - 0,01%. А может посвятить Марксу и Международному Товариществу Рабочих 1%, Гладстону 5% и Наполеону I-20%. В этом смысле содержание картины истории меняется.

Имеется еще одна методологическая проблема, когда речь идет о средствах создания картины истории. Возникает она в первую очередь при изображении явлений (а не событий). Эта проблема о том, следует ли изображать прошлую жизнь, прошлые явления примерами, или же следует обратиться к "статистике". Скажем, огораживания в Англии можно описывать так: возьмем один манор, в котором огораживание происходило, опишем, как там обстояло дело. Или: будем исследовать крестьянское движение во Франции в 1789 г. Возьмем некоторую территориальную единицу (примерно в современный департамент) и перечислим все крестьянские выступления.

Метод примеров имеет существенный недостаток, который ранее осознался в виде требования описывать "типичные" явления для данной эпохи. Но какие явления - "типичны"? Как установить и доказать - помимо интуиции, - что это явление типичное, а то - нет?

Когда мы приводим пример того, "как это было", мы предполагаем, что данный пример служит образцом того, как это было всегда. В противном случае в нашем примере заключено очень мало знания - а вдруг всегда было совсем иначе? При этом положение часто сложнее: некоторые черты образца могут действительно быть общими, "характерными" для своего времени, а некоторые - "характерными" только

для данного примера. Рассмотрение примера в качестве образца неявно предполагает, что все черты примера обозначимы — но разве это можно знать до доказательства именно обозначимости!

Кроме "статистики" у нас выхода нет. Представим, что в какой-то год огораживался 1% маноров Англии, а в другой год — 25% (я беру цифры контрастные и выдуманые, но такие проблемы возникали в действительных исследованиях). Разумеется, охват огораживаниями экономики в обеих случаях резко различается. То же относится и к крестьянскому движению: а что, если в других департаментах движения не было? А что, если в данном департаменте большинство крестьян не выступало? Число участников без выяснения их доли в населении или в составе данного класса еще не характеризует размах движения. "Статистика" явно превосходит примеры. Историки прошлого, кстати, предпочитали примеры. И когда в конце XIX и начале XX в. появились исследователи, которые стали подсчитывать доли огороженной в Англии XVII в. земли, то их результаты вызвали бурную дискуссию¹².

Конечно, результаты подсчета долей, статистика распределения частот явлений должна быть "исторически" интерпретирована. Но это в той же мере относится и к примерам.

Тут необходимо указать еще на одно обстоятельство. Изображения прошлых явлений не обязательно должны быть однотипными. Так, первоначальное изучение феодального поместья в Европе велось при предпосылке, что существовал только один тип поместья. Позднее от этого пришлось отказаться¹³. Современные сравнительные исследования все больше и больше указывают на то, что в пределах одной эпохи, скажем, одной социально-экономической формации, существовало несколько типов явлений, принадлежащих к той же самой формации (т.е. не остатков предыдущих или зачатков бу-

¹² См. о ней, напр., В.Ф.Семенов. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVII века. М.-Л., 1949, стр. 16-45.

¹³ См. об этом напр. Е.В.Гутнова. Историография истории средних веков. М., 1974, стр. 117-124, 129-132.

дущих формаций, а типологических вариантов на той же ступени развития человечества)¹⁴.

А что дает нам признание наличия нескольких типов (хотя бы поместий)? Историк, воспитанный в духе самоограничения реконструктивными задачами могут, как им кажется, оправданно ставить такой вопрос. Ответ на него намечается следующий. Типология — это выяснение регулярностей. Установление типологий — это установление эмпирической, а не реконструктивной картины исторических процессов. И уже в самих типологиях заключено больше знания: с их помощью можно установить, какие черты в прошлом были общими, а какие — индивидуальными (для некоторого явления).

Это, конечно, не все. Многие проблемы только теперь могут быть поставлены. Представим для примера, что мы выяснили наличие двух типов поместья. Различия их экономических характеристик ведут к различиям их экономических интересов, к разной выгодности или невыгодности, например, правительственной политики или изменений цен на рынке сельскохозяйственных продуктов. Это, в свою очередь, может вызвать наличие двух типов политической идеологии (что, с точки зрения современного многослойного исследования, представляет особенно большой интерес). Я не говорю уж о том, как объяснить, почему наблюдаются именно эти типы поместья, а не другие!

Наличие более чем одного типа явлений обесценивает метод примеров. Действительно — характерные примеры в таком случае должны приводиться по каждому из типов.

На реконструктивном уровне примеры-образцы служат средством фиксации общих черт, соответствующим статистике, моделям, теориям на других уровнях. Познавательная ценность образцов в качестве средств фиксации знания об общем явно ниже познавательной ценности соответствующих средств других уровней. Но в качестве, скажем, средства для постановки задач исследования образцы могут оказываться необходимыми.

¹⁴ См. еще ч. IV, гл. III § I.

Социально-теоретические предпосылки картины истории

Знает ли он сам или не знает об этом, но всякий историк при изучении истории и при создании картины истории работает в согласии с некоторыми — обычно имплицитными — предпосылками о характере человеческого общества. Эти предпосылки можно условно называть социально-теоретическими предпосылками картины истории. Они входят в историческое знание уже посредством применяемых историками терминов — "государство", "война", "нация" и т.п. Часто историки не отдадут себе отчета о том, что точно может служить референтами таких — общепринятых в его время — слов¹. Изучение социально-теоретических предпосылок исторического знания раскрывает "философию истории" того или другого историка, и этим занимались философы уже в прошлом веке². Советские исследования истории историографии также обрабатывали наибольшее внимание именно социально-теоретическим (а также политическим) предпосылкам исторического знания при рассмотрении и характеристике трудов отдельных историков прошлого.

Обычно социально-теоретические предпосылки картины истории на составляют собой систематической теории. Правда, тут имеется крупное исключение: марксизм. В марксизме сформулированы как теории экономические, которыми пользуются историки-марксисты, так и теории взаимосвязи различных слоев жизни человечества и — что важно для историков — теории развития общества (напр., теория общественно-экономических формаций, теория социальных революций).

Социально-теоретические предпосылки картины истории могут иногда черпаться из других социальных наук. Широко

¹ См. напр., R. Wittram. Op. cit., SS. 33 — 46.

² См. напр., R. Flint. La philosophie l'histoire en France. P., 1878.

известно, что К. Лампрехт в конце прошлого века призывал к использованию только что возникшей научной психологии. Правда, по большей части результаты этих наук нельзя непосредственно применять при изучении более далекого прошлого, ибо частные социальные науки, как правило, изучают современную стадию общественного развития и поэтому не все концепции и результаты, полученные ими, переносимы без изменений на прошлые стадии жизни человечества. Историк сам вынужден часто стать еще и экономистом, социологом и т.п. Не имея специальной подготовки, он неизбежно создает дилетантскую политэкономия рабовладения или феодализма, дилетантскую социологию орудий веков или древнего мира. Особые затруднения возникают в областях, в которых невозможно обойтись без специальных знаний по данной отрасли знания. Это относится прежде всего к истории науки и научных учреждений. Обычные историки могут (как им кажется) хорошо написать историю учреждений, скажем, того, что ныне представляет собой Академию наук СССР, но они не могут квалифицированно создавать историю соответствующих наук. Представители же этих наук не владеют основами техники и методологии исторического исследования. Поэтому неизбежна неадекватность создаваемой ими истории своих наук.

Как только историки начинают утверждать нечто о взаимосвязях явлений, событий, они вынуждены принимать некоторые решения проблемы определяющих факторов в моделях общества за послышки. Этим самым их изложение оказывается зависимым от разделяемых ими теорий общества. Суть дела в следующем.

Взаимосвязи включают в себя также влияние одних обстоятельств на другие. Одни факторы становятся определяющими, другие — зависимыми. Модели общества могут содержать разное количество определяющих факторов. Наиболее прост случай, когда $n = 1$. Это — случай вульгарного материализма или вульгарного идеализма. Значительно более сложным представляется дело, когда $n > 1$. Известно, что в русской немарксистской социологии прошлого века значи-

тельную роль играла т.н. теория факторов³. Следует различать два основных случая.

Во-первых, факторы не "взвешиваются", не ставятся в ряд по величине влияния. При таком подходе социально-теоретические предпосылки становятся довольно неопределенными словечками, имеющими больше художественную (а иногда и общеполитическую!), чем научную ценность.

Во-вторых, факторы взвешиваются. С точки зрения содержательного исследования мы должны различать положение, что все факторы равны, от положения, которое приписывает разным факторам разные веса. Доказательство первого варианта не представляется возможным, и в практике исследований историки им не пользуются. Второй вариант — это тот, которому многие историки следуют на практике. Для историков-эклектиков (а таковыми является большинство буржуазных авторов) веса переменны сущностно: в практике исследований то одни, то другие факторы принимаются за более влиятельные.

Идея взвешенных факторов разделяется и марксизмом. При этом марксизм ввел в социальную теорию идею обратной связи: взаимовлияние факторов в условиях обратной связи не исключает правомерности принятия одного из них за доминанту⁴.

Из принятия положения о доминанте вытекает, что стадийные изменения в доминирующем слое принадлежат к необходимым условиям стадийных изменений в остальных слоях общественной жизни. Это, кстати, служит обоснованием марксистской периодизации истории по способам производства.

Число стадий каждого из недомиантных слоев не обязательно должно равняться числу стадий доминантного слоя. Тогда в недомиантных слоях можно различать два типа стадийных переходов. Переходы первого типа соответствуют

³ См. Б.Г. Сафронов. М.М.Ковалевский как социолог. М., 1960, стр. 195-225.

⁴ См. напр., Г.Кlaus. Кибернетика и общество. М., 1967, стр. 48-49, 394-405.

стадиальным переходам доминантного слоя или даже вызваны последними. Переходы второго типа не связаны со стадиальными изменениями в доминирующем слое. Множество стадий недоминантного слоя между двумя последующими переходами первого типа будем называть надстадией. Любой стадии доминантного слоя соответствует одна надстадия, но может соответствовать несколько стадий некоторого недоминантного слоя. Обозначим через x_{ki} число стадий i -той надстадии k -того слоя. Тогда численность y_k всех стадий k -того слоя выражается формулой

$$y_k = \sum_{i=1}^j x_{ki}, \quad (I)$$

где j — численность стадий доминантного слоя⁵.

Доминантной может быть только слой, имеющий наименьшую численность стадий, ибо в противном случае придется утверждать, что некоторые стадиальные изменения в доминанте не обуславливают стадиальных изменений в зависимых слоях. Последнее положение противоречит определению доминанты. Однако, только по числу стадий нельзя узнать, какой слой является доминантой. Как в случае с равенством числа стадий во всех слоях, так и в случае наличия слоя с наименьшим числом стадий, соотношения чисел стадий могут быть случайными, и для доказательства наличия доминанты требуются дополнительные соображения.

Проиллюстрируем приведенные рассуждения схемами на рис. 4.

На схеме ДЗ доминантой принят слой I. Остальные слои приняты за зависимые, однако число стадий слоев 2 и 3 отличается от числа стадий слоя I. Число стадий слоя I на этой схеме равно числу стадий слоя 4 — слой I выбран, следовательно, за доминанту, по каким-то дополнительным обстоятельствам⁶.

⁵ Формула (I) омылена при $x_{ki} \geq 1$.

⁶ В схеме ДЗ используется собственное время системы, которое, естественно, не тождественно календарному времени. В последнем соответствующие переходы между стадиями не обязательно происходят все в одной и той же точке.

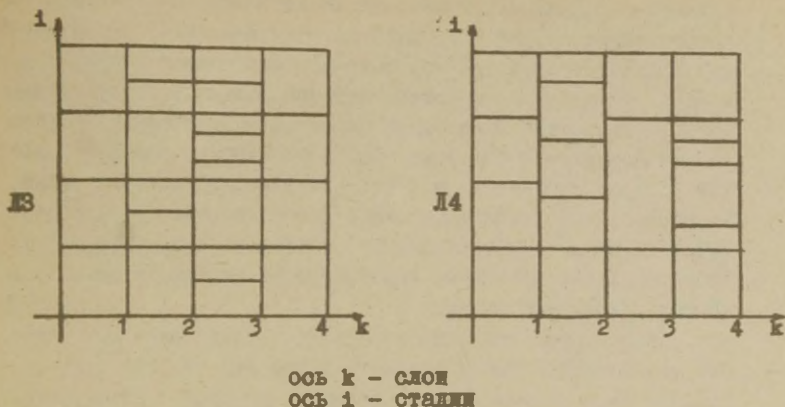

Рис. 4

На схеме Л4 показана картина развития при отсутствии доминанты (или, по крайней мере, единой доминанты за всю историю) хотя наименьшим числом стадий обладает слой 3.

Рассмотрением вопроса о доминанте мы подошли к рассмотрению одного из наиболее важных социально-теоретических предпосылок именно исторического знания. Назовем ее предпосылкой качественного различия.

Дело в том, что на стадии научной историографии в историческое знание явно или неявно входит предпосылка, утверждающая, что в прошлом (вообще в течение различных отрезков времени) жизнь людей "в принципе", "качественно" различалась от жизни людей в настоящем⁷. Историческое изучение английского парламента началось с того момента, когда историки осознали, что английский парламент XIV века не был тем учреждением, которое в Англии конца XIX века называли парламентом. Иногда речь вообще идет о явлениях, учреждениях, аналог которых отсутствует в настоящее время (по крайней мере в стране историка), например, о закупах, телесе, идотах. Если, скажем, историк-марксист признает

⁷ См. М.М. Postan. History and the Social Sciences. - М.М. Postan. Fact and Relevance, p. 20.

наличие в общественной жизни законов общества (аналогично законам природы), то как историк он утверждает, что в разные времена имелись разные законы общественной жизни и, следовательно, в историческое знание входят законоформулировки, годные для применения только к определенным периодам существования общества. При историческом изучении общества предполагается, что типы событий, поведения людей, процессов, учреждений в течение одних периодов могут различаться и некоторые из них действительно различаются от типов событий, поведения людей, процессов, учреждений в другие промежутки времени.

Предпосылка различия означает, что историческое знание всегда относится к какой-то точке или системе отсчета, т.е. к такой системе, по сравнению с которой фиксируются различия в изучаемой системе. Часто системой отсчета принимается действительность, современная историку. Поскольку в течение периода существования научной историографии эта действительность сама менялась, то менялись и системы отсчета. Следовательно, возникла необходимость переисточковывать факты об истории. Однако ни о каком релятивизме при этом речь идти не может. В принципе все равно, какую систему мы изберем в качестве системы отсчета — современную ли историку, более раннюю или более позднюю по отношению к исследуемым явлениям. Важно лишь, чтобы при некоторой системе отсчета и некоторой изучаемой системе можно было бы формулировать истинные утверждения о различиях (и сходствах) этих систем, явлений, процессов. Но если два историка по-разному описывают феодальные поземельные отношения лишь потому, что один из них при сравнении с настоящим исходит от своей — капиталистической — современности, а другой от своей — социалистической современности, т. никакого релятивизма тут нет. Реляционизм — не релятивизм.

Современность как система отсчета входит в исторические исследования чаще всего неявно. Система отсчета, предшествующая или последующая изучаемой системе, наиболее яв-

на входит в исследования в таких случаях, когда изучается переход от одной стадии к другой, например, когда марксисты изучают генезис капитализма или феодализма. Проблема сравнения двух формаций — чисто историческая задача, эмпиритическая проблема для историографии (в отличие, скажем, от экономической науки; изучение экономической истории в этом смысле — часть историографии). К сожалению, ей занимались значительно меньше, чем она этого заслуживает, и многие недоразумения в спорах об общественно-экономических формациях вызваны, по-видимому, именно неумением сравнивать формации.

Г л а в а VII

Входят ли ценностные представления в историческое знание?

Нередко можно встретить утверждения, что историк должен в конечном счете стремиться к имеющим художественный характер изображениям прошлого людей — не к историческим романам, конечно, а к истинным и в то же время художественным изображениям. Проблема эта упирается в проблему ценностей.

В конце XIX века среди философов стало осознаваться, что наряду с гносеологическим подходом к действительности существует еще и аксиологический. В пределах гносеологического подхода мы получаем знания, в рамках аксиологического — утверждаем ценность (красоту или безобразность, доброту или зло, приятность или неприятность) чего-либо.

Единого ответа на вопрос, что такое ценность, не существует не только между философскими течениями, но и в пределах одних и тех же философских лагерей. Имеется два основных варианта аксиологии — абсолютизм и реляционизм. Абсолютисты — это те, которые утверждают, что ценности существуют сами по себе (например, что природа являлась пре-

красной и тогда, когда людей не было, хотя конки уже были). Реалиционности — это те, которые утверждают, что ценности образуются только благодаря наличию сознательных существ.

Решение аксиологических проблем неизбежно совершается за пределами философии истории. Поэтому автор настоящих строк решил лишь вкратце изложить придерживаемое им решение, чтобы сделать понятным последующее изложение¹.

Зададим вопрос: является ли любимым человек, которого никто не любит? Является ли ненавистным человек, которого никто не ненавидит?! Выражения вроде "любимый", "ненавистный", "злодей", "герой" содержат в себе оценку, отношение к кому-либо или к чему-либо. Предмет оценки, оцениваемое лицо можно называть ценностью (положительной или отрицательной) по отношению к оценивавшему. Речь не идет о том, существует ли этот предмет. Выражение "на столе — борщ" утверждает нечто о существовании. Выражение "борщ вкусен" утверждает нечто о моих чувствах, ощущениях (овинина не является вкусным для правоверного магометанина в обычной обстановке). Ценностные представления отличаются от знаний.

Более того, не существует никаких известных способов, при помощи которых можно было бы однозначно вывести ценностные утверждения от знаний². Дело в том, что чувства к кому-либо или к чему-либо не определяются только тем человеком, вещь, по отношению к которому чувствуется, но и тем, кто чувствует. Насильно или не будешь. Следовательно, ценностные представления несводимы к знаниям об их референтах. Следовательно, эстетическое возникает благодаря наличию людей, эстетически относящихся к чему-либо. И эстетика истории возникает потому, что некоторые люди эстетически относятся к истории.

¹ Более подробное изложение вопроса автором, к сожалению, недоступно большинству читателей. Оно дано на эстонском языке в статье: *Marxism ja aksiolooogia*. — *Ajalooline materialism*. Tallinn, 1977.

² См. А.А.Ивин. *Основания логики оценок*. М., 1970, стр. 219-223.

Наука — это получение знаний о референтах знаний и соответствующим образом добытые знания. Ценностные представления о референтах знания не входят в знания. Наука не получает ценностных представлений. Историческая наука не создает ценностных представлений, историческое знание не содержит ценностных представлений³.

Допустимо ли вообще оценивать прошлое, приписывать явлениям прошлого положительную или отрицательную ценность, особенно с нашей современной точки зрения? Ведь прошлая действительность выработала свои стандарты оценок, отношений к чему-либо. Какое право имеем мы судить людей прошлого, которые не придерживались наших ценностных установок, с точки зрения того, что нравится нам, если это не нравилось им? Европейские христианские миссионеры осуждали мораль "туземцев", потому что она не нравилась европейцам, но с какой стати нам обязательно принимать точку зрения колонизаторов? Кроме того, имеет ли вообще смысл оценивать прошлое? Ведь ценностные представления являются критериями при выборе норм. Нормы принимаются для регуляции действий. Но прошлым мы уже управлять не можем (к счастью — с точки зрения моих ценностных представлений). Значит, оценивать прошлое, относиться эмоционально к прошлому — бессмысленно?

Французское Просвещение учило, что существуют естественные права, естественные ценности, и что всякое отклонение от них является не-естественным, противным человеческой природе. С точки зрения Просвещения можно и нужно было осуждать или одобрять действия в прошлом с точки зрения правильных, истинных ценностей. В философии Гегеля произошел отказ от концепции природы человека, ибо человечество рассматривалось как нечто развивающееся. Но абсолютный критерий оценки сохранился. Этим критерием была точка зрения телеологическая, точки зрения конечной

³ Это, естественно, не исключает знания о ценностных представлениях прошлых эпох и их различий от ценностных представлений наших дней. Знание о ценностных представлениях не то же, что ценностное представление ценностных представлений.

стадии развития.

В буржуазной общественной мысли имелось течение, называемое историзмом, учение о том, что каждый народ, каждая эпоха имеет свои стандарты ценностного сознания.⁴ Представители буржуазного историзма не признавали существования абсолютного стандарта оценки (применимого ко всем временам и обстоятельствам) или, по крайней мере, считали, что такой стандарт недоступен человеческому разуму. Некоторые сторонники историзма (Б.Кроче) соглашались на дозволенность оценки прошлого с точки зрения этого прошлого. Так оправдывается инквизиция. Ведь по критериям, принятым во времена взлета инквизиции, такого типа действия считались добром, а не злом — инквизиция соответствовала ценностным критериям своего века⁵.

При своем возникновении историзм выражал интересы германских правящих классов начала XIX в. Как известно, немецкие феодалы в то время вынуждены были "дозволить" переход Германии от феодализма к капитализму. Они только стремились направлять этот переход таким образом, чтобы они сами могли перерасти в господствующий класс новой формации. Осуждение феодального прошлого не было в интересах обуржуазившихся феодалов, но они понимали и необходимость перехода к новому, капиталистическому обществу. Им требовалось учение, которое во имя новых ценностей не осуждало бы одновременно старые.

Французские просветители были идеологами революционной буржуазии. Их естественный человек был человеком буржуазным. Они не собирались защищать старый порядок. Они утверждали положительную или отрицательную ценность тех или иных частей мира со своей — буржуазной — точки зрения, принимая эту точку зрения за общечеловеческую. Историзм оказался реакционным ответом немецкой мысли на Просвещение

⁴ См. А. Stern. Op. cit., pp. 138—201. О буржуазном историзме в целом и ее аксиологических аспектах см. напр. E. Troeltsch. Der Historismus und seine Probleme. Tübingen, 1922; G. H. Nadel. Op. cit.; M. Mandelbaum. History, Man & Reason. Baltimore—London, 1971; W. Besson. Historismus. — Das Fischer Lexikon. Geschichte. Frankfurt am Main, 1961.

⁵ Типичное изложение аксиологического историзма можно найти в изданной впервые в 1908 г. книге Бери: J. V. Burgu. The Ancient Greek Historians. N.Y., 1958, pp. 250 — 252.

(независимо от его позднейших ролей). Идеология французского Просвещения не могла быть приемлемой германскому правящему классу, историзм же удовлетворял потребности последнего. Абсолютные ценности стали искажаться философами-аксиологами для немецкой буржуазии лишь тогда, когда та вынуждена была перейти на оборонительные позиции по отношению к пролетариату. В конце XIX века у буржуазии появилась настоятельная потребность что-то и кого-то осуждать!

Рассмотрение социальных корней историзма не решает, однако, всей философской проблематики, связанной с ней. Наличие различающихся между собой оснований оценок и систем ценностных представлений в наши дни установлено эмпирически. Мы знаем (также эмпирически), что выбор ценностей людьми не обязательно проводится осознанно. Можно ли отсюда заключать, что:

(а) При отсутствии абсолютных стандартов нет оснований для оценки ценностного сознания, которое различается по основаниям своих оценок от ценностного сознания данного субъекта (отдельного лица или совокупности людей);

(б) Отсутствуют любые рациональные критерии утверждать нечто о положительной или отрицательной ценности событий, явлений и т.п.

Положение (а) опровергается довольно просто. Всякое отношение, всякая эмоция, всякая оценка — оценка данного субъекта (индивида, коллектива). Нет никаких оснований для отказа от своих критериев оценки при оценивании оценок других субъектов. Мы "имеем право" оценивать прошлое, исходя из своих точек зрения. Другое дело, если мы хотим понять деяния людей прошлого. Тогда нам нужно знать их оценки, ценностные понятия и представления. Тогда нам нужно уметь использовать их оценки и ценностные представления как бы они сами это делали. Но понимать — не значит оправдывать или осуждать. Предпосылкой рационального отношения и оценивания является понимание, но понимания (знаний) самого по себе мало, чтобы давать оценки.

Что касается положения (б), то следует напомнить, что из утверждения об иррациональности (соотв. неосознанности) некоторых оценок не следует еще утверждение об иррациональности (соотв. неосознаваемости) всех оценок. Лишь тогда нет смысла искать основания рационального оценивания, когда можно установить, что люди ни в коем случае, никогда не способны никого и ничего оценивать рационально (соотв. осознанно). Но ведь иногда люди ведут себя и разумно!

Кроме того, нельзя отождествлять иррациональное, нерациональное и неосознанное. Ненависть феодального крестьянина к помещику была рациональной оценкой с его (и моей!) точки зрения. Для каждого человека, каждого класса, каждой совокупности людей имеются "блага" — условия, необходимые для их существования, а также явления, полезные для их целей^б (но некоторые цели тоже могут характеризоваться как рациональные). Иногда потребности людей и классов антагонистические. Тогда в обществе существует несколько критериев рациональности. Число универсальных критериев рациональности мизерно. Но каждый раз, когда речь идет не о всех людях прошлого, настоящего и будущего, вместе взятых, а об одном отдельном человеке, об определенном классе в определенных условиях, можно находить для него критерии рациональности. Из этого не следует, что он всегда действует рационально! Из этого следует, что мы можем утверждать, что он действовал согласно его условиям рационально или нерационально — по отношению к его личным интересам, потребностям или к потребностям его класса, социальной совокупности. Для историков иногда интересно находить критерии рациональности для классов, групп, отличных от критериев рациональности того класса, к которому принадлежит сам историк. Историческая оценка прошлого именно тут: оценка прошлого с точки зрения настоящего при одновременном понимании различия прошлых и настоящих критериев оценки.

^б О категории полезности см. подробнее G. Klaus. Die Macht des Wortes. В., 1964, SS. 113 - 131.

Итак, аксиологический историзм для нас непримлем. Но стоит ли оценивать прошлое? А почему бы нет! Конечно, ценностные представления служат критериями действий. Но не всегда. Можно — иногда — и любоваться бескорытно (хотя бы красивой вещью). Не из всяких чувств по отношению к чему-либо или к кому-либо вытекает неизбежность нормирования или действия с явлениями, находящимися на месте объектов чувств. Значит, "можно" оценивать и прошлое. Можно не в смысле позволения — сме от позволения не зависит. Можно — в смысле "оправданно", "осмысленно", "стоит".

Является ли делом историка оценивать прошлое, судить и осуждать или оправдывать прошлых людей? Некоторые историки так не считают. В науке не утверждают ценностей. И поэтому создатели историографии как науки не "должны" осуждать или одобрять. А создатели исторической идеологии (все равно, политической ли, эстетической ли, или еще какой-либо другой) — "должны". Они стремятся к оценкам.

Что же касается автора любой книги или статьи, то ему самому решать, выступает ли он в качестве человека науки или человека идеологии, или того и другого. Важно лишь не допустить мистификаций, фетишизма. Важно сознавать — и различать в тексте эксплицитными средствами, — что делается. Когда целью является получение, например, фактического знания, то подменной цели является результат, утверждающий ценность чего-либо. И наоборот!

ПРОЦЕДУРЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Глава I

Введение

Деятельность профессиональных историков — это познание, т.е. создание знаний. Историография — не воспоминания о том, что люди некогда знали о себе, а получение, создание новых знаний о человечестве. Речь идет именно о получении знания, а не о высказывании мнений. Историки отличаются от неспециалистов тем, что стремятся выдвигать доказанные утверждения. Естественно, современники явлений иногда высказывают об этих явлениях истинные мнения. Истинность мнения не зависит ведь от желаний высказавшего данное мнение: марксисты говорят об объективности истины. Но историки стремятся к знанию — к получению таких истинных утверждений, в истинности которых мы можем быть уверены на рациональных основаниях; о которых можно сказать не только, что мы полагаем, что дело обстоит так, но и что мы знаем, что дело обстоит именно так. Познавательная деятельность историка — это доказывание мыслей об истории. Уже со времен Аристотеля известно, что в этом состоит сущностное различие между историками и художниками (напр., писателями). Художник может создавать мысли о том, чего не было. Художник-реалист обычно создает мысли о том, что могло быть (и стремится не противоречить тому, что мы уже знаем). Художник — в качестве художника выдвигает мнения. Художник не доказывает, а показывает. Историк доказывает¹.

¹ "Спорят не тезисы, а аргументы". А.А.Зимин. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси. — Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, стр. 442.

В идеале историк доказывает все. На деле этот идеал, конечно, неосуществим. Во-первых, историки пользуются результатами других наук, оставляя соответствующие доказательства представителям этих специальностей. Во-вторых, отдельный историк пользуется результатами предшествующих историков — отсылает к их доказательствам.

Кроме того, некоторые утверждения вообще не могут быть доказаны с полной уверенностью. Некоторые утверждения историк вынужден выдвигать как гипотезы. Речь идет о научных гипотезах, а не просто о мнениях. Такое гипотетическое знание обладает известной степенью вероятности (и, соответственно, вероятностный характер имеют выводы из него). Но в любом случае имеет силу положение: гипотетическое знание должно быть обосновано методами науки, — методами историографии.

Именно используемые методы познания — методы доказательства и обоснования — придает утверждениям историков характер доказанности, характер знания. Этим методам обучают каждого, кто стремится стать членом сообщества историков. Владение ими является важнейшим условием признания со стороны сообщества и существенным признаком различия между дилетантом и профессионалом. Эти методы и являются предметом изучения в настоящей части, прежде всего с целью указания на специфические только для исторического, а не для всего научного познания характеристики, с целью показать проблемы возникающие именно в связи с самими процессом исторического познания, а не только в связи с конечным результатом такого познания — историческим знанием.

Существует два типа возражений против познаваемости прошлого человечества. Первое — релятивизм, а второе — скептицизм.

Релятивизм достаточно исследован в философской литературе и его опровержения можно находить не только в марксистской, но и в немарксистской философии истории. Заметим здесь только следующее: требование о том, что в каждую

эпоху необходимо переписать все истории заново, не обязательно является релятивизмом! Если историков одной эпохи интересуют иные темы, чем историков другой эпохи, то, естественно, их картины истории различны, хотя их утверждения могут оставаться истинными и адекватными. Релятивизм не есть релятивизм.

Скептицизм в наши дни не имеет серьезных сторонников. Иногда даже встречается утверждения, что скептицизм — только прием философского исследования, который полезен в качестве приема, но к которому нельзя относиться слишком серьезно...² Тогда, по-видимому нельзя относиться слишком серьезно и к защите скептицизма Дж.Мейлендом, тем более, что в книге последнего встречается поразившее своим невежеством утверждения, вроде того, что историки будто бы не осмелятся при установлении реконструктивных фактов на соответствующие остатки прошлого³. Пока не найдено никаких специфических в отношении исторического сознания скептических аргументов (в отличие от общей аргументации скептицизма).

Для марксистов оба эти течения неприемлемы. Им разделяем уверенность практических историков в том, что некоторые их результаты представляют знание о прошлом человечества, и что применяемые ими методы позволяют получать такие знания. Тезис о познаваемости мира естественно включает в себя тезис о познаваемости истории. В ходе исследования действительного процесса познания историками прошлого человечества не возникает сомнений в справедливости данного тезиса.

² См. Н. Fain. Op. cit., pp. 135 - 136.

³ См. J.W. Meiland. Scepticism and Historical Knowledge. N.Y., 1965, p. 193.

Глава II

Познавательная задача в историческом исследовании

§ I.

Кто был напой римским в 1415 году?

Сколько типов городов имелось в Древней Руси?

Почему в средневековой Европе не было (одно) национальных государств?

Почему во Франции XIX века не существовало сенъерриальной системы, а во Франции XII века она существовала?

Почему генезис капитализма в сельском хозяйстве России отличался от генезиса капитализма в сельском хозяйстве США?

В исторических исследованиях могут задаваться все эти вопросы. Все они могут в них решаться. Историческое познание связано с задаванием вопросов.

Одним из редких философов истории, подчеркивавших значение вопросов, — значение проблем в историографии, — был Р.Дж.Коллингвуд^I. Для него задавание вопросов — фундаментальная характеристика исторического познания, равно как и всякого научного познания (сам он при этом ссылался на Бэкона). По Коллингвуду, научная историография противостоит рассказыванию легенд и историографии ножниц-и-клея именно своим проблемным характером. Рассказчик легенд сказывал или писал о том, что он уже знал, для других; в научной историографии рассмотрение некоторого предмета начинается задаванием вопросов о нем — вопросов, ответы на которые еще не известны никому. В историографии ножниц-и-клея историк только выяснял истинность высказываний в письменных источниках, очитал рассказ других от

^I См. R.G. Collingwood. Op. cit., Introduction § 2, Pt. I § 2, Pt. V § 3 (viii) — (x), pp. 9, 18, 269 — 282.

ошибок и лжи; в научной историографии историк задавал вопросы — не другому человеку, а самому себе. Решение каждого из этих вопросов вело к постановке нового вопроса: важно не только иметь некоторую совокупность вопросов, но и задавать их в определенной последовательности.

Таким образом, историческое исследование для Коллингвуда явилось задаванием вопросов и доказательством ответов на них. Одни вопросы явились "вспомогательными", при помощи их историк рассуждал, другие — "основными", в них заключалась проблема историка. При этом проблема, которую историк ставил, всегда была осмысленной — историк надеялся ее решить, имея на то основания. Когда историк ставил проблему, он уже имел некоторое представление о том, какого типа свидетельства ему понадобятся, чтобы решить ее.

Конечно, Коллингвуд прав, подчеркивая, что научное знание — это результат целенаправленного поиска, а не стихийного и пассивного накопления опыта. Мысли, являющиеся научным знанием, относятся не только к предметам, о которых думают и высказывают, но и к задачам исследования. Научное исследование начинается с постановки задач исследования, а не с формулировки результатов исследования. Можно говорить о реляционизме, соотносительности некоторого научного знания к познавательным задачам этого же научного исследования: правильность результатов исследования заключается не просто в истинности выдвинутых высказываний, но и в том, что те являются решением определенной научной задачи.

Две основные формы постановки задач исследования — тема и проблема. В начале исследовательской деятельности обычно сформулирована тема, но не всегда — проблема. Тема — название некоторой области явлений или характеристика познавательных действий, предпринимаемых с некоторыми объектами. В ходе самого исследования тема может "уточняться" — суживаться, расширяться, видоизменяться. Это — нормальное явление, ибо познание следует за "материалом", определяется объективной действительностью, а не наоборот. Ценны

же для науки не темы, а полученные результаты².

От темы следует отличать проблему. Проблема — это вопрос, вопросительное предложение³. Научное знание — ответы на вопросы.

Историки обычно формулируют только темы. Формулировка проблем в их трудах — явление редкое, но все же встречающееся. Так, Н.М. Дружинин написал крупное исследование на тему "Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева в России XIX века"⁴. В нем различение темы и проблематики проводится даже путем разбивки текста на соответствующие разделы⁵. Проблемы Н.М. Дружинина ставятся как в виде вопросительных предложений, так и в виде требований⁶:

"Выяснить взаимные отношения между государственной властью и феодально-эксплуатируемой земледельческой массой!"

"Как изменялся социально-экономический лик деревни под влиянием закономерных хозяйственных процессов?"

"Как реагировали на эти процессы сами трудящиеся массы и эксплуатировавшее их государство?"

Заметим, что требования сравнительно легко преобразовать в вопросы, начинающиеся вопросительным словом "как".

Иногда историки обосновывают необходимость разработки какой-нибудь темы ("история крестьянства", "история

² Дать название содержанию полученных знаний целесообразно только апостериори, а не априори, ибо в начале работы результаты ее неизвестны, и любое их название бессодержательно.

³ См. напр. З. Папковский. Проблемы, вопросы и общие принципы их постановки. — "Вопросы философии" 1968 № I, стр. 35-36; F. Loewer. Interrogativlogik. В., 1968, SS. 17 - 18.

⁴ См. Н.М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. I, М.-Л., 1946, т. II, М., 1958.

⁵ См. Н.М. Дружинин. Цит. соч., т. I, стр. 3-6.

⁶ См. Н.М. Дружинин. Цит. соч., т. I, стр. 5.

фабрик и заводов", "история культуры", "история некоторой страны, области"). Проблемы в таких трудах обычно не решаются и даже не ставятся. Нельзя сказать, что "раскрытие" подобных тем не имеет никакого значения. "Раскрываться" они могут прежде всего реконструктивно, иногда эмпирически. Если в историографии отсутствует реконструктивная картина участка времени-пространства-общественных явлений, обозначаемого подобной темой, то труды на эту тему непременно доставят значимое новое знание. Но если такие труды уже имеются, то объем нового знания, которое может быть получено, представляется небольшим (за исключением случая, когда в результате исследования опровергается истинность большинства положений, ранее принятых за знание).

От самой проблемы следует отличать название проблемы⁷. Название проблемы часто нельзя однозначно преобразовать в вопросительное предложение; тогда применение названия проблемы служит способом подмены проблемы темой. Так, "проблема возникновения общероссийского рынка" может быть преобразована в вопрос: "Когда возник общероссийский рынок?", "Почему возник общероссийский рынок?", "Каковы были этапы возникновения общероссийского рынка?", "Что возникло раньше - общероссийские рынки на отдельные виды товаров или общероссийский рынок на несколько видов товаров вместе?" и т.п.

Научные проблемы обычно делятся на два подвида⁸. Первый подвиd - назовем соответствующие проблемы исследовательскими - включает в себя проблемы, стратегия решения которых неизвестна. При поиске ответов на исследовательские проблемы ученый должен сперва открыть методы решения, а затем уже получить само решение. Творческая деятельность человека при решении исследовательских проблем имеет методическое и иногда даже методологическое значение. Даже если само предложение им решение позво

⁷ См. З. Папковский. Цит. соч., стр. 35-36.

⁸ См. И.О. Вайль. Объект, проблема и модель. - Метод моделирования и некоторые философские проблемы истории и методологии естествознания. Таллин, 1975, стр. 23-24.

будет найдено недостаточным или, может быть, ложным, получение им нового метода, создание им нового подхода остается его вкладом в развитие познания. Так, независимо от истинности конкретных результатов, переход от рассмотрения примеров огораживаний к рассмотрению всей их совокупности (с применением простейших статистических приемов обработки материала) привел к изменению уровня познания в историографии данной тем.

От исследовательских проблем следует отличать рецептурные — это такие проблемы, стратегия решения которых уже известна, хотя ответы и неизвестны. Для решения рецептурных проблем требуется известное умение, владение техникой, приемами научной работы, обладание искусством применять известные и наличные приемы исследования. Лица без дарований и без специальной подготовки не умеют решать даже рецептурные проблемы. Творчество ученого при решении рецептурных проблем относится прежде всего к области применения исследовательской техники (приемов мышления). Так, чтобы проводить реконструктивные исследования, нужно владеть техникой критики источников — отдельные исследования будут различаться по своим объектам, но не по методике.

Корректная формулировка научных проблем в виде вопросительных предложений не всегда может быть сделана в начале исследовательской деятельности по некоторой теме. В готовом тексте изложения итогов исследования действительно можно формулировать проблемы в начале текста (а также в начале каждого раздела текста), но это еще не значит, что последовательность их фактического придумывания совпала с последовательностью их воспроизведения в конечном тексте. Формулировка проблем — результат раздумий над исследуемым материалом (хотя не только этих раздумий) и не может быть осуществлена без знакомства с соответствующим материалом.⁹

⁹ Слова "тема" и "проблема" могут встречаться и в административных текстах: в планах научной работы учреждения (напр. в СССР), в заявках на получение дотации от некоторого частного или государственного фонда (в капиталистических странах). Административная терминология может не совпадать с философской или научной.

§ 2.

Как придумывать вопросы? Люди еще не создали устройств (обычно называемых машинами) для получения любых вопросов, тем более для генерирования любых вопросов об истории. В обозримом будущем историки не могут надеяться, что машины будут вместо них формулировать все вопросы для решения в ходе исторических исследований¹⁰. Машины для генерирования всех и любых вопросов не созданы потому, что нет общего набора правил (алгоритма) генерирования всех и любых вопросов, или по крайней мере только всех и любых исторических вопросов. Соответственно, методолог не может предоставить историкам свода правил продуцирования вопросов, который можно запомнить, изучить и применять. Методолог может лишь давать советы, которыми историки могут пользоваться, придумывая¹¹ вопросы. Сделаем это путем указания на несколько типов порождения проблем.

Самой историографией создаются историографические проблемы. В трудах предшественников некоторого исследователя можно иногда наблюдать споры, находить постановки вопросов, решениями которых новый исследователь не удовлетворен, обнаружить решения, которые являются условиями задания новых вопросов — таких, какие еще не могли задаваться авторами предшествующих трудов. На историографический метод порождения проблем указал уже Коллингвуд¹².

Среди историков существует традиция (не всегда видоизменяемая на деле — и не всегда поддерживаемая издательствами) предварять свои работы очерком "историографии проблемы". Историки, которых Коллингвуд назвал историками ножиц-и-клея, часто затруднялись писать такие очерки, ибо в беспроблемной исторической литературе можно было только давать рефераты трудов предшественников. В проблемной ис-

¹⁰ Для общего случая это признается сторонниками таких машин. См. F. Loewer. Op.cit., SS. 93 - 99. Машины для задания запрограммированного круга вопросов в запрограммированных случаях, конечно, можно создавать, и они успешно создаются.

¹¹ Вопросы нельзя открыть ни в природе, ни в истории: вопросы нужно придумывать. Вопросы придумывают — выдумывают — люди, в т.ч. ученые историки.

¹² См. R.G. Collingwood. Op.cit., Pt.V § 3 (x), p.280.

топографией дело обстоит проще. В ней историографический очерк должен содержать обзор проблем, уже поставленных в связи с исследуемой темой и краткий обзор имеющихся решений. Если при этом проблема порождается историографически, то такому историографическому очерку естественно примыкает текст о проблемах исследования в данном труде.

Эмпирические (и прикладные) проблемы часто являются следствием предшествующих исследований. Предположим, что пишется история городов какого-то региона. Предположим, далее, что сначала проводится несколько "монографических" исследований, каждое из которых посвящено одному из городов данной области. Когда все или большинство этих исследований проведены, то можно ставить новые вопросы, например:

Сколько типов городов имелось в данной области (по тем или иным совокупностям признаков)?

Какова была динамика¹³ городов каждого типа (по тем или иным признакам)?

Как распределялись города между отдельными типами?

Почему города именно таких типов оказались устойчивыми (имели нулевую динамику)?

Почему города именно таких типов оказались неустойчивыми (имели положительную или отрицательную динамику)?

Каковы средние значения признаков города в данной области (и каковы стандартные отклонения от средних значений)?

Как изменения в одном городе влияли на другие города данной области?

Историография рассматриваемой темы состоит, таким образом, из совокупности монографий об отдельных объектах (в данном случае — городах) и из "обобщающего", "сводного" труда. В последнем ставятся проблемы, относящиеся ко многим объектам сразу — после их решения можно ставить и проблемы относительно неповторимых черт отдельных объектов рассмотрения, а не заниматься реферированием уже вышедших монографий.

¹³ Динамика может быть и положительной, и нулевой, и отрицательной.

Затем можно начать новые исследования и ставить проблемы относительно взаимодействия городов и не-города данного региона, городов данного региона с другими регионами. Все эти вопросы опять-таки можно решать путем монографических исследований, которым последует "обобщающий" труд, т. е. труд, который ставит и решает проблемы, относящиеся к нескольким объектам, каждый из которых ранее изучался в отдельности¹⁴.

Вопросы могут порождаться и теоретически. Так, вопрос: "Почему генезис капитализма в сельском хозяйстве России отличался от генезиса капитализма в сельском хозяйстве США?".. порожден теорией генезиса капиталистической общественно-экономической формации и является вопросом прикладного типа. Ответ на него требует открытия тех факторов, которые вызывают определенный вид генезиса капитализма. Сам термин "капитализм" является при этом теоретическим термином, осмысленным только в связи с теорией, к которой он принадлежит (в данном случае это теория марксизма). Естественно, теоретические вопросы возникают не только при рассмотрении прикладных ситуаций, но и внутри самих теорий.

Полезно различать исторические и вне-исторические проблемы. Историческими проблемами будем называть такие, ответ на которые является историческим знанием, т. е. включает послышку качественного различия. Пример исторической проблемы: "Почему во Франции XIX века не существовало сеньеральной системы, а во Франции XII века она существовала?" Все проблемы, которые не принадлежат к историческим, назовем вне-историческими проблемами. Решения вне-исторических проблем выступают как вспомогательные результаты по отношению к решениям исторических проблем¹⁵.

¹⁴ Когда приступают к решению проблем о нескольких объектах, то может оказаться недостаточным знание, полученное в "монографических" исследованиях отдельных объектов. Тогда потребуются дополнительные исследования.

¹⁵ Любой результат является вспомогательным или основным по отношению к чему-либо, а не по своей природе. Хотя положение это тривиально, его полезно помнить, чтобы избежать спекулятивных рассуждений и натурфилософии.

Иногда одна и та же проблема допускает как исторические, так и вне-исторические решения. Дело в том, что теория любого общественного явления, которая абсолютно абстрагируется от факта развития общества, не может быть адекватной действительности. Тем не менее, она не должна обязательно содержать указания на развитие общества или его частей в составе всех выдвигаемых в ней утверждений. Не всякие изменения и не все процессы, происходящие в обществе, являются развитием. При изучении функционирования некоторого общественного явления достаточно лишь зафиксировать место этого явления в ряду развития.

Рассмотрим, например, вопрос: "Почему в европейское средневековье не было национальных государств?" Ответ на него может включать указание на ситуацию, когда имелись национальные государства и на причины наличия таких государств в этой ситуации, затем на ситуацию, при которой этих государств не было, а затем включать в себя анализ различия, разницы этих двух ситуаций (общественных систем). В таком случае мы имеем дело с явным историческим знанием. Но можно ограничиваться указанием, что в классическом феодализме нет наций и, соответственно, национальных государств. Теперь ответ является историческим неявно (через термин "феодализм" вводится система отсчета). Но проблему можно и легко переформулировать так, чтобы получить вопрос и без неявной ссылки на систему отсчета, напр.,: "Почему в Европе XI-XV вв. не было национальных государств?" Тогда для ответа на нее придется прибегать к теории функционирования некоторого типа обществ (особенно к теории государственности этого типа обществ). А теория эта может в значительной своей части быть теорией функционирования общества и не прибегать для обоснования своих положений к теориям других эволюционных типов общества. Тогда ответ на проблему будет вне-историческим. Историки нередко занимаются в отношении прошлых обществ тем, чем в отношении современных обществ занимается экономисты, политологи, социологи... Историками они называются часто исходя не из гносеологических обстоятельств, а на основе традиций административного, социального деления сообщества ученых.

Г л а в а III

Историческое познание как результат обработки источников

§ I.

"История пишется по документам," — заявляли в конце прошлого века французские историки Ланглуа и Сеньобос. "Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории"¹. Цитаты эти нельзя понимать слишком узко — для Ланглуа и Сеньобоса документами являлись не только письменные, но и вещественные памятники прошлого². Хотя широта их взглядов в то время не разделялась всеми историками, тем не менее приведенные фразы характеризуют стиль мышления любого профессионального историка: без источников нет научной историографии. Чтобы стать знанием, утверждения историков о прошлом должны обосновываться ссылкой на источники знания, на свидетельства о прошедшем. В специализированном, техническом языке профессиональной историографии все, на основании чего делает выводы о фактическом положении дел, называется источниками. Историк исследует источники, пользуясь определенными рациональными приемами, а в результате исследования возникает историческое знание. В этом смысле историография — исследование источников и только источников³.

Разумеется, дело является отнюдь не простым. Видный польский историк Ежи Топольский показал, что в любом историческом исследовании присутствует то, что он назвал

¹ Ланглуа и Сеньобос. Цит. соч., стр. 13.

² См. Ланглуа и Сеньобос. Цит. соч., стр. 50.

³ Роль источников в историческом познании в советской философской литературе обстоятельно рассматривался в Г.М. Иванов. Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973. Там же имеется обширная библиография.

внеисточниковым знанием⁴. Во-первых, указал Топольский, каждый исследователь, приступая к изучению источников, уже что-то знает об истории. Исследователь обладает не только знанием отдельных фактов, имеющих отношение к его задачам исследования, но и тем, что Топольский называет кодом информации: знанием лингвистическим, терминологическим и т.п. На определенных этапах исследования (постановка задачи, установление причинных связей) внеисточниковое знание доминирует над источниковым знанием; на других же этапах доминирует источниковое знание или они являются равнозначными видами знаний⁵.

Кроме того, внеисточниковое знание — это и знание, полученное другими науками. В свое время Лангдуа и Сеньобос писали, что исторически существование дьявола гораздо более доказано, чем существование Писистрата: до нас не дошло ни одного слова современника о том, что он видел Писистрата, а тысячи "очевидцев" заявляли, что видели дьявола. Мало найдется исторических фактов, подтвержденных таким громадным числом самостоятельных свидетельств. Но, мы признаем Писистрата и отвергаем дьявола — существование последнего противоречит законам всех "точных" наук⁶.

Таким образом, даже при реконструктивном познании утверждение "источники и только источники", возведенное в абсолют, теряет смысл. Но то, что добавляется к источникам, это — знание, а не домыслы!

Реальный историк не исследует просто историю как таковую. Он решает определенную исследовательскую задачу, привлекая для этого источники. По отношению к поставленной задаче остальные знания исследователя являются внеисточниковыми (это подчеркивается Топольским). Даже на реконструктивном уровне к этим остальным знаниям принадлежит не только знание фактов, но и знание методики, знание того, как анализировать источники.

⁴ См. Е.Топольский. О роли внеисточникового знания в историческом исследовании. — "Вопросы философии", 1973 № 5.

⁵ См. Е.Топольский. О роли внеисточникового знания в историческом исследовании, стр. 80–81.

⁶ См. Лангдуа и Сеньобос. Цит. соч., стр. 167.

Ситуация в принципе не изменится, если мы будем рассматривать не отдельного историка, а совокупность всех историков вообще. Совокупность всех историков занимается не одной проблемой, а многими — потенциально даже всеми. Получение "исторических" знаний всеми историками в целом основывается на принципе "источники и только источники" — но не только на нем. Сознательно или несознательно, но любой историк и все сообщество историков вынуждены в большей или меньшей мере пользоваться знанием, полученным в природо-ведческих (напр., физика, химия, биология) и в формальных (напр., математика, логика) науках. Остальное научное знание в целом служит тем "мешком", откуда "вынимается" внеисточниковое знание совокупной научной историографией.

Все внеисточниковое знание, конечно, не в состоянии заменить источники. Так, при помощи внеисточникового знания можно пытаться отвечать на вопросы: пел ли австралопитек? какова была технология строительства египетских пирамид? Но если мы не имеем источников, указывавших на то, что австралопитек на самом деле пел, то самое большее, что можно установить, это то, что он мог петь. Если у нас имеются источники, свидетельствующие о том, какова на самом деле была технология строительства пирамид, то всякие рассуждения о том, что при тогдашних технических возможностях наиболее рациональными были бы иные методы строительства, при ответе на данный вопрос теряют смысл. Если мы знаем, как строили пирамиды, то неважно, что их можно было строить и по-другому.

§ 2.

Историческое познание имеет дело не просто с источниками. Одним из важнейших требований научного метода в историографии является требование привлечь к решению любой задачи все относящиеся к делу источники.

Требование учета всех имеющихся источников по теме направлено прежде всего против произвола исследователя. Ведь часто случается, что одни свидетельства подтверждают,

другие же отвергают выдвинутый историком тезис. Совершенно произвольные утверждения в науке опровергаются относительно легко, так как они вообще не опираются на источники. Даже неспециалист в данной узкой отрасли познания может указать на их неправильность. Но утверждения, опирающиеся на частичное знакомство с источниками, опасны: они создают видимость научности.

Следует различать четыре основных случая:

а. Прямая фальсификация – автор некоторого утверждения знает источники, которые его опровергают, но скрывает свое знакомство с ними. Такие работы в гносеологическом смысле стоят вне науки.

б. Недоброкачество исследования – автор не знает о противоречащих его положениям источниках, поскольку не предпринял соответствующих усилий по привлечению всех возможных источников по данной теме. Такие работы в гносеологическом смысле стоят где-то между наукой и обобщенным сознанием: в них отсутствует профессиональность.

в. У автора не было разумных оснований искать источники, противоречащие его точке зрения. Так, некоторый документ мог совершенно случайно сохраниться в делах, относящихся к жизни народов, столь далеких от исследуемых, что практически не было никакой возможности его там обнаружить. Кроме того, со временем растут знания по вспомогательным дисциплинам, а также возможности привлечения наук о природе к анализу того или иного источника. Некоторые предметы могли не являться источником в условиях одной техники исследования и являться – в условиях другой⁷. Работы этого типа принадлежат к числу научных (в гносеологическом смысле), ибо автором были выполнены требования научного метода (в разумном приближении к идеалу).

г. Одни утверждения лучше всего согласуются с одной частью источников, другие – с другой частью. Кроме того может быть отличное от них утверждение, которое с первой частью источников согласуется хуже, чем первое утверждение,

⁷ Последнее имеет особенно большое значение в археологии.

со второй частью хуже, чем второе, однако со всем комплексом источников — лучше, чем все остальные. В этом случае научно оправданным является принятие в качестве наиболее достоверного то утверждение, которое лучше всего согласуется со всем комплексом источников по данной теме.⁸

Однако, требование привлечения всех источников по теме не всегда выполнимо. Источников может оказаться так много, что обзреть их одному человеку не под силу. Таково положение при изучении истории последних нескольких столетий. Тут имеются два выхода.

Первый выход — коллективное исследование. При коллективном исследовании массового материала весь массив источников делится на части по одному и тому же принципу, а обработка источников должна вестись также исходя из одних и тех же принципов. Заметим, что участники коллективного исследования — не технические работники, а квалифицированные историки (или, по крайней мере, лица, обучающиеся приемам исторических исследований — например, студенты старших курсов).

Второй выход — выборочное ознакомление с материалом. В теории статистики основания выборочных исследований разработаны к настоящему времени достаточно подробно и проверены на вполне достаточном опытном материале, чтобы ими можно было пользоваться без опаски совершить грех против идеала научности. При соблюдении требований общенаучного метода нет никаких оснований сомневаться в возможности выборочно-статистического обследования материалов, не относящихся к нашим дням.

§ 3.

Пожалуй, центральным требованием методики обработки источников является требование критического подхода к ис-

⁸ Эта характеристика относится, например, к достоинствам Шахматовского метода при анализе древнерусских летописей. См. об. этом А.А.Зимин. Цит. соч., стр. 431-433.

точникам. Уже на уровне здравого смысла можно задавать вопрос: обманывает ли данный автор или говорит правду? Но установление истинности сообщаемых в письменном источнике сведений — лишь наиболее тривиальное требование критического метода (впрочем, тривиальностями тоже нельзя пренебрегать). Напомним, что Р.Дж.Коллингвуд связывал возникновение современного исторического метода не с тем, что историки стали выяснять, что в источнике истинно, а с т.н. методом филологического критицизма⁹. В ходе филологического критицизма историки (по Коллингвуду) установили наличие в источнике более ранних и более поздних (соответственно — более или менее достоверных) частей, а затем стали выяснять, как точка зрения автора привела к определенным искажениям даже в более достоверных частях его изложения. Добытые таким образом сведения историк использует для воссоздания действительной картины истории. Начиная с работ Бартольда Нибура, историков интересует, какие предпосылки автор письменного источника считал само собой разумеющимися. Выяснение этих предпосылок позволяет получать сведения, независимые от достоверности эксплицитного текста письменного источника¹⁰.

В этом также смысле деления источников на традиции и остатки. Как правило, традиции менее достоверны, чем остатки самого исследуемого процесса. Кроме того, из остатков можно узнать и такое, что никогда нельзя узнать из традиции, а именно несформулированные предпосылки участников того или иного исторического процесса, характеристики самих явлений исследуемого прошлого. Достоверность знания о доплатоновской греческой философии именно поэтому так мала, что мы знаем о ней из традиции, а не по целостным сочинениям самих авторов. Дело не только в том, что в те времена отсутствовал обычай совершенно точно цитировать, но и в том, что изложение взглядов автора А автором Б является интерпретацией взглядов автора А со стороны Б, а не

⁹ См. R.G. Collingwood. Op. cit., Pt. III § 9, p. 130.

¹⁰ О Б. Нибуре см. напр. Е. А. Косминский. Цит. соч., стр. 318-320; R.G. Collingwood. Op. cit., Pt. III § 9, p. 130; T.R. Tholfsen. Op. cit., p. 152.

взглядами А. Судить же о характере этой интерпретации, не имея прямого текста А, весьма затруднительно¹¹.

Более того, при интерпретации любого источника следует учитывать характер источника как целого. Источник создан с определенной целью (летопись написана в поддержку или против того или иного правителя), может следовать определенному формуляру (жалованная грамота), может отражать развитие исследуемого. Так, источником о взглядах Маркса является все написанное им. Но взгляды Маркса развивались: отдельные тексты следует интерпретировать в соответствии с этапами такого развития. Черновой набросок имеет меньшую силу, чем изданный текст (если в последнем нет цензурных искажений) или чистовой, отправленный, вариант письма, если мы устанавливаем "аутентичный" текст. Но черновой набросок важен, когда мы задаем вопрос, как Маркс пришел к таким мыслям (в том числе: от каких мыслей отказался)¹².

Более того, любой источник, согласно критическому методу, требуется рассматривать в его "истории": выяснить происхождение источника, цели его создания, роль его в жизни своей современности. Те же требования относятся и к рассмотрению совокупности источников. А при рассмотрении происхождения источника необходимо отдельно рассматривать происхождение тех его частей, которые имеют собственную эволюцию (напр., формуляра).

Кстати, от того, что некоторое событие упоминается во многих текстах, оно не становится более достоверным даже тогда, когда рассказы о нем более или менее совпадают. Речь

¹¹ О проблемах реконструктивного доказательства при изучении древнегреческой философии см. напр., К.К.Зельин. О методах и перспективах исследования ранней греческой философии. - "Вестник древней истории", 1972 № 2.

¹² Об источниковедческих принципах анализа творчества К. Маркса см. напр., А.Граммш. Тюремные тетради. - А.Граммш. Избранные произведения, т. III. М., 1959, стр.74-78. В качестве нескольких примеров исследовательских работ, безупречных в методике источниковедения по этой теме можно назвать J.Zeleny. Die Wissenschaftslogik bei Marx und "Das Kapital". В., 1968; L.Sève. Analyses marxistes de l'aliénation. - Philosophie et religion. P., 1974.

идет здесь не только о примере с дьяволом, а и о том, что один автор может попросту списать у другого (или, более вежливо, цитировать другого без ссылки). При разновременных источниках, фиксирующих традиции, всегда важно выяснять происхождение этой традиции. Это делало знаменитым уже первое крупное произведение Л. Ранке¹³.

Изучение явлений, используемых в качестве источников, в настоящее время выделилось в специальную дисциплину — источниковедение. Профессиональность историка выражается, кроме прочих обстоятельств, и во владении им источниковедческой техникой, в знании результатов источниковедения (по отношению к своим исследовательским задачам).

§ 4.

Что такое — источник?

Было время, когда источниками считались только повествовательные тексты (хроники, летописи) и прочие литературные произведения. Затем в качестве источника стали рассматривать любой написанный текст. В настоящее время вообще нет предмета, который не мог бы служить источником (и не только в археологии!). Значительные успехи в исследовании Древней Руси достигнуты именно в результате объединенного рассмотрения письменных и "вещественных" источников. Лучшими источниками истории производительных сил всегда будут средства труда.

Некоторый предмет становится источником тогда, когда он привлекается в процессе познания в качестве такового. Привлекается он потому, что служит свидетельством по вопросу, интересующему историка. Потенциально источниками могут служить все предметы, которые могут использоваться для решения задач исследования, поднятых тем или иным историком (в прошлом, настоящем, будущем). Поскольку все вопросы, которые будут задаваться историками будущего, в настоящее время неизвестны, нельзя перечислять все те ве-

¹³ Речь идет о L. Ranke. *Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1495 - 1535*. Berlin, 1824.

ни, которые будут служить источниками. Практически это и не важно. Практически важно, чтобы история не ограничивал себя заранее при выборе предметов, которые допускаются в число источников. Ибо в принципе, для всех возможных случаев, такого ограничения сформулировать нельзя.

Создает ли исторический процесс источники¹⁴?

Как правило, предметы не создаются для того, чтобы служить историческими источниками, но в некоторых случаях в историческом процессе могут создаваться именно источники. Люди и совокупности людей (напр., правительства, общественные организации) в некоторых случаях заинтересованы в том, чтобы обеспечить определенное отношение к себе и в будущем. Они могут стремиться к увековечению памяти о себе. Тогда могут преднамеренно создаваться предметы только, для прежде всего как исторические источники.

Следствием появления профессиональных историков было становление совокупности людей, заинтересованных в сохранении предметов, могущих служить источниками. Но, как было указано, любой предмет может стать источником. Сохранять же все предметы нет возможности. Кто должен вести квалифицированный отбор предметов (книг, газет, домов, машин, пальто, стульев и т.п.), подлежащих сохранению? Естественно, профессионалы. Но тогда отбор вещей на сохранение будет отражать общественное мнение профессиональных историков каждой эпохи о том, какие вопросы будут задаваться историками будущего, что будет интересовать историков будущего... Однако историки будущего отбор проводить не могут. По-видимому, придется помириться с тем, что какие-то важные части источников о человечестве XX века для будущего теряются, точно так же, как утеряны некоторые важные для нас части источников, скажем, о XI веке н.э.

¹⁴ Тема эта намечена в качестве исследовательской задачи напр. в О.М.Медушевская. Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х — начала 30-х годов. — Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, стр. 193.

Если отбор проведут не профессиональные историки, то сохраняющиеся вещи будут прекрасным источником о том, что общественное мнение проводивших отбор считало важным в своей жизни. Но опять же — нет никакой гарантии, что вопросы историков будущего ограничатся только тем, что мы в настоящее время считаем наиболее важным.

К счастью, некоторые предметы сохраняются (и могут в будущем стать источниками) не потому, что их для этой цели хранили, а по разным другим причинам. Следовательно, для создания доброкачественных источников для историков будущего (если таковые будут) достаточно лишь позаботиться, чтобы не каждый предмет уничтожался.

§ 5.

Критический метод был разработан прежде всего для получения знания, называемого в этой книге реконструктивным. Поскольку реконструктивное знание представляет собой основу, фундамент всех остальных уровней исторического знания, то методы реконструктивного познания представляют собой фундаментальную технику добывания фактического знания об историческом процессе.

Что открывает историк в результате реконструктивного познания? Что он узнает нового, такого, что люди еще не знали?

Прежде всего, напомним указание Коллингвуда — историк в наши дни не пишет историю при помощи ножниц и клея, вырезая из источников истинные кусочки и склеивая их в единую последовательность. Историк задает свои собственные вопросы, а не следует задачам, поставленным создателем предмета, служащего для него источником. Отвечая на свои вопросы, историк получает совершенно новое знание: историография не является воспоминанием о забытом.

Реконструктивное познание сходно тому, что раньше называлось географическим открытием. Географические открытия прошлого стирали белые пятна на карте. Так и историк реконструирует своего рода карту прошлого, стирает

в каждом новом произведении белые пятна, или исправляет ошибки прежних карт. В какой-то момент оказывается, что вся карта составлена. Тогда можно перейти к составлению карты более крупного масштаба, к нанесению на карту более мелких деталей. И можно составлять карты не только общие (смешанные), но и специализированные — экономические, политических образований и т.п. Правда, типология специализаций исходит не от историка (работающего на реконструктивном уровне), а от философов или представителей других общественных наук — или же из представлений обывденного сознания своего времени.

Особую роль в таких открытиях играют новые источники. Обнаружение нового источника не всегда — крупное научное открытие. Новый источник по некоторой теме может ничего не добавлять к существующему знанию, или, в лучшем случае, увеличивает лишь нашу уверенность в этом знании. Но бывают открытия другого рода. Новые источники могут относиться к белым пятнам на карте. Или же они могут вынудить нас к исправлению существующих карт прошлого. Значимость источника — в роли того знания, которое опирается на этот источник.

К новым знаниям может привести и развитие методики анализа источников, скачки в развитии источниковедческой техники. Так, различия Шахматова и Шлецера в исследовании первоначального русского летописания определяются именно различиями метода (переходом, в формулировке А.А. Зимина, от источниковедения факта к источниковедению системы фактов)¹⁵. Применение радиоуглеродного анализа при датировке предметов нанес значительный удар многим традиционным в западноевропейской археологии представлениям¹⁶.

Конечно, в ряде случаев истории просто "осваивают" источники. Сообществу историков часто известно наличие определенных собраний источников (напр., архивных фон-

¹⁵ См. А.А. Зимин. Цит. соч., стр. 429-431.

¹⁶ См. об этом, напр., C. Renfrew. Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. Harmondsworth (Middlesex), 1976 (1st ed. L., 1973).

дов), но они "не подняты", т.е. с ними в исследовательских целях еще не знакомились. Продолжая нашу картографическую аналогию, можно сказать, что в таком случае отчет экспедиции уже представлен, но карту еще не вычертили. Заметим, что в результате такого "освоения" карта прошлого в конце концов может существенно измениться, поскольку белне пятна стираются...

Г л а в а I V

Проблемы эмпирического исторического познания

§ I.

Отличается ли философская проблематика эмпирического познания в историографии чем-нибудь от той же проблематики в других науках?

Распространено мнение, что историческому познанию недоступен эксперимент: как правило, историки практически не могут экспериментировать (в обычном смысле этого слова) над историческим процессом и, к тому же, подобные эксперименты трудно обосновать с точки зрения марксистской морали (впрочем, то же относится и к ряду других этических учений). Это не значит, что историки совсем не могут экспериментировать. Археологи в ряде случаев успешно применяли эксперименты для восстановления трудовых процессов прошлого, выясняли при помощи экспериментов ответы на вопросы о производительности древнего труда или об особенностях тех или иных изделий. Однако, существенным способом эмпирического познания в историографии эксперимент, естественно, не стал. Но существенным способом познания эксперимент не является и в некоторых отраслях естествознания (геология, космология).

Эмпирическое познание в историографии заключается прежде всего в обработке реконструктивно добытых фактов. Деятельность эта аналогична обработке отдельных результа-

тов наблюдения в ряде других наук. В этом смысле эмпирическая познавательная деятельность в историографии не существует в "чистом" виде — как отделенная во времени и пространстве от других ступеней и переходных между ступенями видов познавательной деятельности. Тем не менее, выделение эмпирической познавательной деятельности оправдано — как по целям этой деятельности, так и по применяемым специфическим приемам.

Существует два основных типа эмпирических исследований в историографии. Это — нахождение регулярностей и исследование частных случаев. Заметим, что и тем, и другим занимаются в других науках, как в фундаментальных, так и в прикладных. Речь может идти, таким образом, только о специфических дополнительных чертах исторического познания по сравнению с чертами, общими для всего эмпирического познания, а также о том, что некоторые приемы и черты особо характерны для исторического познания, либо их применение представляет специфические трудности.

Новое, которое открывается в ходе эмпирического исследования, это, во-первых, новые типы явлений (вкл. новые виды отношений), и, во-вторых, новые особенности, т.е. свойства, отношения, характерные лишь для одного из единичных объектов (напр., отдельной страны)^I. Новым эмпирическим знанием может оказаться также результат доказательства принадлежности некоторого объекта к известному типу объектов. Так, утверждение о принадлежности Киевской Руси к феодальной формации необходимо было доказать путем (реконструктивного) выяснения производственных отношений Киевской Руси, а затем проведения идентификации этих отношений с феодальными производственными отношениями. Последняя процедура и принадлежит к собственно эмпирическим, но как и во всех исследованиях част-

^I Тривиально, что наряду с особенностями существуют и общие черты: иначе нет смысла говорить об особенностях. Но, чтобы утверждать, что некоторая черта является именно особенностью, а не общей чертой, следует провести исследование, доказывающее истинность такого утверждения.

ных случаев, она требует реконструктивного исследования под определенным углом зрения. Как известно, подобное исследование было в советской науке в свое время проделано Б. Грековым. Ныне доказано, что познавательные задачи и используемые приемы, а также методы аргументации, применяемые историками в ходе исследования частных случаев (напр., при обосновании идентификации явления с некоторым общим - классификационным - наименованием) аналогичны познавательной деятельности в прикладном естествознании (напр., в медицине)².

§ 2.

Существенным примером эмпирического исследования является сравнительное исследование. Историками уже делаются попытки проведения таких исследований. Задача сравнительного исследования - выяснить схожее в явлениях и выяснить различное в явлениях. Тривиально, что для доказательства наличия общих или же только индивидуальных черт у того или иного явления требуется исследовать не только это явление, но и некоторое другое явление. Так, в ходе сравнения на схожесть выясняется наличие схожих систем (составных частей и структур) или их компонентов, наличие схожих изменений, процессов, последовательностей, причин. Соответственно, можно выяснять и различия.

Например, Е. В. Гутнова в одном из своих исследований задает вопрос: был ли рост городов и городского сословия причиной возникновения сословных монархий в европейское средневековье? Она указывает, что сословные монархии возникали и там, где росли города, и там, где города не росли. Следовательно, необходимо найти какой-то другой фактор, вызвавший рост сословной монархии

² См. R. Karlman. Evidencing Historical Classifications. - Studia Historica Upsaliensia 80. Uppsala, 1976.

и общий всем странам, где этот процесс происходил. Этот фактор, по мнению Е.В.Гутновой, заключался в некоторых изменениях экономического базиса Западной и Центральной Европы, связанных прежде всего с появлением товарного производства и развития внутреннего рынка (эти изменения, в свою очередь, могли обусловить и рост городов)³.

Результатом сравнительного исследования является типология явлений, скажем, типология древнерусских городов или типология путей перехода сельского хозяйства от феодализма к капитализму. Напомним, что типы отнюдь не должны быть взаимоисключающими, а могут иметь форму пересекающихся классов. Кроме того, типология может содержать иерархии: иногда типы можно делить на подтипы (классы на подклассы).

Создание типологий означает создание новых понятий. Создание понятия заканчивается созданием наименования — нового термина. Историками иногда употребляется выражение "термин является правильным" (термин является неправильным)⁴. Выражение это неудачно, ибо сами термины (имена) не могут быть правильными или неправильными. Что историки имеют в виду, когда говорят о правильности (неправильности) терминов? Имеются в виду концепции, утверждения, стоящие за этими терминами. Так, когда в указанном месте Е. В.Гутнова критикует некоторых историков за "неправильный" термин ("сословная монархия"), то на деле она критикует их за то, что определенные историки видели в сословной монархии равноправный союз трех сословий под председательством короля, или даже союз короля с народом⁵. Но тут речь уже идет о понимании явления, а не о понимании термина. Термин — это слово, созданное отдельным исследователем для обозначения чего-либо. Соответствующее явление может отсутствовать: тогда мы говорим о том что термин(и) понятия, которому сопутствует термин) является пустым.

³ См. Е.В.Гутнова. Возникновение английского парламента. М., 1960, стр. 566.

⁴ См. напр., Е.В.Гутнова. Возникновение английского парламента, стр. 566.

⁵ См. Е.В.Гутнова. Возникновение английского парламента, стр. 564-565.

Утверждения, использующие этот термин, являются безреферентными, их истинность — бессмысленной. Концепция, содержащая наряду с истинными также и безреферентные утверждения, неадекватна действительности, не является знанием. Что же касается термина, то можно говорить о его неправильном употреблении, например, в случае, когда термин определен одним способом, а в тексте употребляется другим способом или же, когда происходит подмена понятия при сохранении термина.

Особым видом исторических типологий является выделение стадий, т.е. типов, отличающихся, помимо прочих характеристик, своим местом в некоторой последовательности. Так, определенные наборы характеристик принадлежат к обществам феодальной формации, другие — к обществам капиталистической формации. Такая типология и служит исходной понятийной сеткой при решении задач прикладного характера как, например, уже упомянутая задача — определить формационную принадлежность некоторого общества. Точно так же можно поставить и задачу: к какому типу феодальной монархии в их последовательной типологии принадлежало то или иное государство Европы в те или иные годы Средних веков? Когда марксисты утверждают: "Это — феодально", "Это — капиталистическое", то подобные выражения предполагают определенную типологию обществ и выяснение, путем сравнения обществ, принадлежащих к разным типам, к которому из них принадлежит определенная черта (свойство, вообще — явление)⁶.

Сама по себе типологизация, т.е. построение понятий путем классификации, дает сравнительно мало нового знания и в ряде наук является средством, которое преобладало на ранних этапах их развития. Но тем не менее типологизация

⁶ Проблемы, связанные с типологизацией последовательностей из систем в историографии, в советской философии изучались, напр., в В.Я.Израйель. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975, стр.49-61; В.А.Ильин. Асинхронность исторического процесса и проблема его периодизации. — Вопросы социологии и общественной психологии, вып. 2. М., 1971. О проблемах, поднятых в статье В.А.Ильина говорилось также выше, в ч. II гл. VI.

является познавательным шагом, которым нельзя пренебречь. Создание типологий является предварительным условием постановки многих новых познавательных задач. Так, типологизация является условием при постройке теорий, а именно при создании моделей. Типологии фиксируют общие факты, подлежащие N-объяснению теориями. Типологии являются предварительным условием изучения частных случаев, ибо, когда нет общего случая, нет и частных. Далее, создание типологий позволяет ставить задачи изучения взаимовлияния явлений на новом уровне. Так, можно ставить вопрос, каковы характеристики взаимоотношений государств, принадлежащих к одному типу (подтипу) государств, и каковы характеристики взаимоотношений государств, принадлежащих к различным типам (подтипам) государств. В более общем виде следует различать задачи изучения взаимодействия

а) явлений, принадлежащих к одному слою общества и типу общественных феноменов (напр., отношения между феодальными монархиями с сословным представительством);

б) явлений, принадлежащих к разным слоям общественной жизни (например, отношений экономики с политикой в рабоче-владельческой стране). Могут ставиться задачи изучения таких отношений для каждого типа в одном слое по отношению к каждому типу в другом слое — напр., связь экономики с политикой в фашистском государстве, в буржуазно-демократическом государстве и т.п.;

в) явлений, принадлежащих к одному слою общества, но к разным типам в пределах этого слоя (напр., отношения между буржуазно-демократическими и фашистскими государствами, отношения между феодальными и буржуазными государствами и т.п.).

Заметим, что хотя при решении формальных задач все признаки, на основе которых проводится классификация, могут приниматься за равнозначимые, историкам стоит держаться предположения, что они могут быть и не равными. Кроме того, историки исходят и из принимаемых ими концепций общества (истории) как целого. Это особенно важно для случаев, когда проводится выделение этапов в последовательности типов общества в целом (напр., при периодизации). Поскольку история — изучение последовательностей, различий по сравнению с точкой (системой) отсчета, то значимыми стано-

вятся также те черты общественных систем, которые вызывают (причиняют) переход к следующим этапам исторического процесса.

Совокупным результатом типологических исследований является эмпирическая картина исторических процессов: упорядоченная по времени последовательность множеств из типов общественных явлений.

§ 3.

Средством фиксации регулярностей является формализация - выражение повторяющегося, общего на каком-то "формальном" языке, предназначенном для более точного обозначения явлений, чем обиходный язык. Часто применяется в этих целях язык математики.

Использование средств математики, прежде всего в виде простейших статистических процедур, началось в историографии уже в прошлом веке. Так, хорошо известно, что Моммзену удалось показать, где набирались римские легионы, путем статистической обработки погребальных надписей (сначала нужно было надписи собрать в "Корпус"). Проблема английских огораживаний стала решаться статистически как раз в самом конце XIX и в начале XX в. (труды Лидема и Гая)⁷. Методы математической обработки материалов, применяющиеся историками в наши дни, конечно, гораздо тоньше этих первых попыток подсчитывать проценты. В ряде стран существуют группы историков, активно применяющих т.н. математические методы⁸.

Математика может использоваться в эмпирическом исследовании прежде всего как источник понятий. Чтобы выяснить, имела или не имела место некая регулярность, необ-

⁷ Критика В.Ф.Семеновым в первую очередь Гая относится не к применению статистического метода взамен монографий об отдельных манорах (тем более, что В.Ф.Семенов тоже пользовался статистическим методом), а к истолкованию результатов своих исследований Гаем. См. В.Ф.Семенов. Цит. соч., стр. 29-33 и гл. IV.

⁸ Обзор проблем, с указанием основной литературы, связанных с применением математики в историографии, см. К.В. Хвостова. Методологические проблемы применения математических методов в исторических исследованиях. - "Вопросы истории", 1975 № II.

ходимо сначала обладать понятием о ней. Так, предположим, что исследование взаимоотношения величины налога и размера имущества выясняет, что никакой однозначной взаимосвязи между ними не было. Но отсутствие строго функционального отношения между двумя множествами не означает еще отсутствия между ними всякого отношения. Например, средняя величина имущества может оказаться в связи со средней величиной налога⁹. Если единственный вид связи, известный некоторому автору, — строго функциональное (взаимно-однозначное) отношение, то, конечно, отсутствие этого отношения им будет приниматься за отсутствие всякого отношения.

Математика, далее, предоставляет в распоряжение историка и процедуры для фиксации регулярностей, "методы счета". Выше уже упоминалось о подсчете процентов — об установлении распределения того или иного признака в общей совокупности. Последовательности цифровых показателей можно представить как функции (имея время в качестве одного — может быть даже единственного — аргумента).

Во всех этих случаях историк отбирает некоторые математические средства, отождествляет отдельные понятия математики с характеристиками исторических явлений (изложенными не на языке математики), а затем занимается подсчетом. Ряд историков специализируется на поиске математических формул и процедур, пригодных для отражения той или иной типовой ситуации (напр., для выражения величины экономического или прочего неравенства между группировками людей). У.Тодд выдвинул практически единственным средством такой формализации применение теории игр¹⁰. На деле, конечно, многие эмпирические задачи историков успешно решаются другими методами.

Подсчет и нахождение формул, становится необходимым при решении многих прикладных задач. Например, для ответа

⁹ В отношении налогов и имущества в поздней Византии такое исследование с вычислением коэффициентов корреляции в целях показа влияния отдельных видов имущества на величину налогообложения проведено в кн. К.В.Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в Поздней Византии (XIV-XV вв.). М., 1968, гл. II § 3.

¹⁰ См. W.Todd. Op. cit., Pt. 2.

на вопрос: было ли некоторое решение правительства оправданным? мы должны выяснить возможные альтернативы действия и полезность каждой альтернативы, чтобы их потом сравнить. При этом полезность альтернативы может складываться из некоторых частных полезностей. Естественно, выделение самих альтернатив не относится к подсчету, а должно оправдываться иными способами. Кроме того, подобные рассуждения приводят к конструированию гипотетических миров и те должны быть достаточно оправданы^{II}. Наконец, при истолковании полученного результата необходимо помнить, что он будет отвечать на вопрос о наиболее выгодном пути, но не о том, по каким мотивам на деле был выбран определенный путь (соотношение действительного и наиболее выгодного выбора снова может стать предметом исследования).

Приведем пример. Работавший в Швеции историк А.Лойт при исследовании редукции имений в Эстонии в XVII в. поставил среди прочих задачу изучения того, как шведская корона распоряжалась редуцированным имуществом. Начинает он это исследование с выяснения возможных в те времена альтернатив. В ходе рассмотрения этих альтернатив одна из них оказывается неприменимой в условиях данной ситуации и исключается из дальнейшего анализа. Затем А.Лойт выясняет полезность для короны проведения в жизнь той или иной альтернативы, а наконец строит таблицу рангов предпочтительности каждой альтернативы по каждому показателю полезности. Сумма рангов дает наиболее целесообразный вариант. В данном случае шведским королям был выбран как раз этот вариант (отдача имений в аренду). Лойтом рассматриваются также проблемы политического воздействия различных способов распоряжения редуцированными именами на Швецию того времени^{I2}.

^{II} Как это делать, см. T.A.Climo, P.G.A.Howells. Op. cit.

^{I2} См. A.Loit. Kampen om feodalröntan I. - Studia Historica Upsaliensia 71. Uppsala, 1975, s. 231 - 269.

Теории и критические теории в историческом
познании§ I.

Если мы будем теории экономической науки называть экономическими теориями, теории социологии — социологическими, теории политической науки — политологическими, то теории исторической науки по аналогии можно назвать историческими. Теперь попытаемся ответить на вопрос; чем исторические теории отличаются от теорий других общественных наук?

Вопрос этот нельзя решить только путем ссылки на класс референтов понятия "историческая теория". Вполне может быть, что никаких гносеологических отличий между историческими и вне-историческими теориями нет. Тогда эти два класса теорий выделены не по свойствам соответствующих теорий, а по свойствам их референтов. И тогда термин "историческая наука" будет обозначать раздел единой науки, относящийся к определенным частям общества (при этом мы предполагаем, что такую часть общества можно и стоит выделять из других частей общества).

Вполне может быть, что историки пользуются только теориями других наук. Тогда историческая наука не представляет собой особой фундаментальной науки, а является либо частью других фундаментальных наук, либо — прикладной наукой. При решении прикладных задач естественно, что приходится пользоваться теориями из разных отраслей науки — или из разных наук.

Для философов не так уж важно, является ли историческая наука самостоятельной или нет. Для сообщества историков это очень важно — его существование оправдано только в том случае, если историческая наука признается в качестве самостоятельной науки. Наличие самого сообщества, конечно, еще не доказывает, что имеются гносеологические основания утверждать самостоятельность того, чем

сообщество занимается, в качестве особой науки. Существующее в сознании общества деление наук может быть институциональным по происхождению. Разные сообщества могут давать одному и тому же разные имена^I.

Но теории, специфические для исторической науки и гносеологически отличающиеся от теорий других наук, все же возможны. В ч. II гл. VI я присоединился к мнению, что одной из специфических черт научной историографии является предпосылка качественного различия. Отсюда следует, что теории экономики, современные историку, не обязательно пригодны для описания экономики прошлых народов. Сказанное относится также к социологическим, политологическим и пр. теориям. Если историография включает предпосылку качественного различия, то исторической теорией стоит называть теорию, которая фиксирует различия в системах, которые принадлежат к ее референтам. Ею стоит называть и теории, указывающие на переходы от системы одного качества к другой. И, наконец, историческими теориями стоит называть теории, содержащие законы исторической науки.

Во избежание языковых неурядиц, вытекающих из многозначности слов, введем дополнительную терминологию. При возникновении аналогичной проблемы в отношении природы говорят о законах природы и законах науки. В отношении общества будем говорить о законах истории, когда речь идет об общественных процессах. И будем говорить о законах исторической науки, либо о законоформулировках, либо о формулировках закона, когда речь идет о выражениях, при помощи которых фиксируются в познании законы истории.

Напомним, что закон истории может считаться открытым только тогда, когда в науке об истории создана законоформулировка. Философ может часто ограничиваться доказательством существования законов истории; такие доказательства возможны даже тогда, когда не существует ни одной законоформулировки о законах истории. Для историка этого недостаточно. Изучать законы истории, процессы истории как закономерные и т.п. можно только при условии создания законоформулировок. Знание фиксируется и существует в формулировках, в языковых выражениях. Физическое знание пользуется

^I Ср. применение названий и реальное содержание наук "этнография", "этнология", "культурная антропология" в разных государствах.

ся при построении физических теорий физическими законоформулировками. Если историки не пользуются историческими законоформулировками, то они не создадут теорий в том же смысле как физики (или экономисты).

Историкографическими законоформулировками (не экономическими, не социологическими, не политологическими, а именно историкографическими) будем называть такие законоформулировки, в которых имеется ссылка по крайней мере на две различные общественные системы. Такими являются, например, формулировки о необходимой последовательности стадий развития².

В марксистской философии часто различают законоформулировки функционирования (в дальнейшем: Ф-законоформулировки) и законоформулировки развития (в дальнейшем: Г-законоформулировки)³. Соответственно будем различать Ф-законы и Г-законы. Ф-законоформулировками пользуются обычно вне-исторические общественные науки. В гл. VI будет говориться как ими могут пользоваться историки без того, чтобы ввести дополнительно подкласс историкографических Ф-законоформулировок.

Займемся теперь Г-законоформулировками. В общем виде Г-законоформулировку \mathcal{G}_1 можно записать следующим образом: $\mathcal{G}_1: (A \rightarrow B) \Leftarrow c$, где А и В — две последующие друг за другом системы (т.е. для начального момента t_A существования А и для начального момента t_B существования В имеет место $t_A < t_B$), а с — условия, при которых развитие имеет место⁴. Знак \Rightarrow обозначает "если..., то". Поскольку Г-законоформулировки всегда содержат ссылку на две различные системы, то в вводимой системе понятий их вполне обоснованно можно называть историкографическими законоформулировками.

² "Законы" стадий считал специфическими для историографии законоформулировками еще М.Кохэн (1880—1947). См. M. R. Cohen, *The Meaning of Human History*. LaSalle (Ill.), 1961, p. 119.

³ См. напр., А.С.Мамзин, В.П.Рожин. О законах функционирования и законах развития. — "Философские науки", 1965 № 4.

⁴ На значение включения условий указал Дж.Пассмор. См. J. Passmore. *Rev.*: M. Mandelbaum. *History, Man, and Reason*. — "History and Theory", vol. XII No. 4, p. 418.

Несколько особое место занимают законоформулировки, которые будем называть ФГ-законоформулировками. ФГ-законоформулировки — это выражения вида: $fg_1: (A \rightarrow \cap(A, B)) \leftarrow c$, где c может сводиться только к наличию системы A , а $\cap(A, B) \neq 0$. По отношению к системе A ФГ-законоформулировка является одновременно внутренней и внешней, ибо определяет последовательность некоторых классов объектов. Таковы определенные законы товарного производства или же капиталистического способа производства, сформулированные К.Марксом в "Капитале".

Два типа законоформулировок различает и М.Мандельбаум⁵. Он выделяет функциональные и дирекциональные (направленные) законоформулировки. Мандельбаум полагает, что о дирекциональных законоформулировках стоит говорить лишь тогда, когда они не сводимы к функциональным (напр., второй закон термодинамики). Он указывает, что само установление последовательности не является еще установлением дирекционального закона науки, потому что последовательность систем может вызываться действием функциональных по отношению к этой системе законов. Он признает, что принятие дирекциональных законоформулировок все же допустимо в общественных науках, потому что функциональные законы закрывают одни и открывают другие возможности развития.

Как указывал М.Мандельбаум, подтверждение дирекциональных законоформулировок составляет определенную проблему. Чтобы речь шла о формулировках законов, их необходимо как-то отличать от простой фиксации регулярностей. Выход, предложенный им, заключается в поиске наличия сформулированной последовательности в обществах, отличных от того, на примере которого впервые была выработана законоформулировка. Это может оказаться весьма трудоемким, если речь идет о законах большой общности или протяженности. В случае с теорией общественно-экономических формаций советские историки занимались подтверждением соответствующих законоформулировок в течение многих лет.

⁵ См. М. Mandelbaum. History, Man & Reason, pp. 113-126.

§ 2.

Как создать историческую теорию? Никакого общего ответа на этот вопрос, содержащего алгоритм построения исторических теорий, давать нельзя⁶. Научное творчество не осуществляется по заранее сообщенным ученому правилам, допускающим однозначное толкование. Все, что мы можем делать, — это указывать на свойства и строение искомой теории, то есть точнее формулировать цель действий по созданию теории.

Исходными при построении исторических теорий могут стать теории функционирования общества или его частей. Пусть нам, например, даны теории функционирования общества, относящиеся к двум стадияльно различным типам общества. Сравнение обеих теорий приводит к выяснению сходных и различных черт соответствующих типов общества. Скажем, если мы "вычтем" теорию А из теории Б, то остаток является совокупностью теоретических утверждений о различиях общества Б по сравнению с обществом А⁷.

При отсутствии одной из теорий функционирования, историк должен ее создать, если не сможет перепоручить это специалисту из другой науки. Так, при изучении экономической истории историк должен иногда превращаться в экономиста, создавать теорию экономики хотя бы феодализма. Чтобы делать это квалифицированно, он должен знать некоторые экономические теории и уметь при помощи их мыслить. В этом смысле теоретическая историография предполагает существование других теоретических наук об обществе.

Однако, даже наличные теории функционирования могут оказаться недостаточными для осуществления целей историка. При создании исторических теорий особый интерес представляет включение в них формулировок о ФГ-законах (если таковые можно открыть), но в теории функционирования не-

⁶ Кстати, индуктивизм как концепция происхождения теоретического знания среди историков все еще не дискредитован.

⁷ Разумеется, для такого вычитания придется сперва формулировать обе теории на одном языке.

которых общественных систем такие формулировки могут оказаться несущественными. Если объект исторической науки представляет собой объединение объектов всех остальных общественных наук, то предмет ее не тождествен предметам этих остальных общественных наук.

Научные теории, как известно, не формулируются непосредственно в отношении реальности, охватываемой ими, а относятся к моделям⁸. Моделью, по Л.О.Вальту, мы будем называть реально существующий или воображаемый предмет, исследование которого дает нам информацию о другом объекте (прототипе, оригинале)⁹. При этом модель должна содержать "свободные отношения": она характеризуется не только аналогичностью к уже известным чертам оригинала, а и возможностью получать путем ее исследования новые утверждения об оригинале¹⁰. Заметим еще, что частями мысленных моделей часто являются т.н. абстрактные объекты ("материальная точка", "потребительная стоимость")¹¹.

Из сказанного следует, что построению теории должно предшествовать конструирование модели. Эти могут быть моделями функционирования общества или его частей. Будем называть их функциональными моделями (Ф-моделями). Они могут быть также моделями развития общества или его частей. — такие модели будем называть генеративными моделями (Г-моделями). Модели, на которых даются ФГ-законоформулировки, будем называть ФГ-моделями.

При построении исторических теорий Ф-модели могут, по-видимому, в известных пределах заменять теории функционирования. На самом деле, при изучении сходства и различия разных типов общества результаты могут соотноситься с Ф-моделью общества стадияльного типа А без того, чтобы иметь развернутую теорию общества этого типа. Полезно, если при этом для общества стадияльного типа Б (где $B \neq A$), имеется

⁸ См. также напр., S. Toulmin. The Philosophy of Science. L., 1967, pp. 21 - 36, 150 - 153.

⁹ См. Л.О.Вальт. Цит. соч., стр. 17.

¹⁰ См. Л.О.Вальт. Цит. соч., стр. 18-19.

теория функционирования, хотя в крайнем случае и в этом, наверно, нет необходимости.

Классическим примером ФГ-теории, построенной на основе ФГ-модели некоторого стадийного типа определенной части (слоя) общества является "Капитал" К.Маркса. Классическим примером, когда теоретическое рассмотрение вопроса исходит из Ф-моделей последовательных стадий общества, является получение результатов о характере переходной между двумя стадиями системы между феодализмом и капитализмом, проведенное в работе В.И.Ленина "Развитие капитализма в России" (особенно начало главы III)¹².

Введем теперь понятие "квази модель". Квази моделью будем называть список некоторых объектов, дополненный указанием на то, между какими из них допускаются некоторые отношения. Квази моделью, например, является список признаков, насчет которых утверждается, что каждая из них находится в корреляционной связи с некоторым или некоторыми другими признаками.

Квази модели дают нам определенное знание, ибо сообщают, какие компоненты системы могут существовать и какие не могут. При их помощи можно типологически различать явления, служащие оригиналами некоторых квази моделей. В то же время предсказательная сила квази моделей весьма мала, так как с их помощью нельзя выводить утверждения о значениях одних переменных на основании утверждений о значениях других переменных. Теориеподобные построения относительно квази моделей будем называть квазиториями¹³.

¹¹ См. Логика научного исследования. М., 1965, стр. 126-127, 170-171.

¹² См. В.И.Ленин. ПСС, т. 3.

¹³ От квази моделей будем отличать модельные схемы, которые допускают квантификацию отношений и, следовательно, предсказание значений принятых за зависимые переменных, но для которых пока не найдены операциональные интерпретации, позволяющие проводить измерения характеристик оригиналов. Теориеподобные построения на основе модельных схем будем называть теоретическими схемами.

Квазимодели широко представлены в современной прикладной социологии. Историки при переходе к теоретическому познанию пока пользуются чаще также квазимоделями и квазиториями, чем моделями и теориями. Концепции историков и споры вокруг концепций нередко представляют борьбу взглядов по применимости или неприменимости некоторых квазимodelей и квазиторий к явлениям, выделенным в качестве их оригиналов. Так, исследование развития аграрной структуры средневекового общества Западной Европы можно вести, исходя из положения об "исконности" вотчины и о марке, как явлении производном, но также исходя из классической общинной теории¹⁴.

§ 3.

Что открывает теоретик? Он "открывает" — изобретает — теории некоторого класса объектов. Возможно, что для этого класса объектов раньше не существовало теории. Тогда новизна результатов — в получении первой теории данного типа явлений. Но новизна может заключаться и в изобретении новой теории взамен существующей — естественно, такой теории, которая лучше охватывает эмпирические факты.

Теоретическое открытие может также заключаться в построении новой модели как основы теории (и теорий) некоторого класса объектов. Так, одна из существенных черт работы В.И.Ленина "Империализм как высшая стадия капитализма" состоит именно в построении модели определенной стадии капитализма. Как известно, В.И.Ленин зафиксировал в ней систему тех признаков, которые были наиболее характерными для исследуемой им стадии (а также, например, использовал эту модель при объяснении политики империалистических государств). Заметим, что теоретическое открытие может начаться или заключаться также в введении новых абстрактных объектов, на основе которых возможно создание модели.

¹⁴ Подробное рассмотрение современного состояния вопроса см. М.А.Барт. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973, гл. II.

Теоретические открытия находятся в несколько иной связи с предыдущими теоретическими результатами, чем эмпирические и особенно реконструктивные открытия. В реконструктивном познании предполагается, что все историки, добросовестно пользующиеся одним и тем же методом, получают одинаковые результаты. Старые познавательные результаты могут быть недостаточны только потому, что в свое время еще не были доступны некоторые приемы исследования или источники. Реконструктивное и даже эмпирическое знание пользуется идеалом кумулятивного знания.

Этот идеал не может быть применен к теоретическому познанию. Теории заменяют, а не только дополняют друг друга. Реальные теоретические изыскания исходят не только из фактов, но и из предыдущих теорий (или из неудовлетворенности ими)¹⁵.

Все же теоретическое творчество не произвольно. Теории строятся для научного объяснения эмпирически установленных регулярностей. Теоретическое построение, которое не может объяснить ни одной регулярности, теорией не является. Теория, которая лучше *N*-объясняет некоторые регулярности, некоторые общие факты, лучше теории, которая их хуже *N*-объясняет¹⁶. Теория, которая *N*-объясняет больше фактов, лучше теории, которая *N*-объясняет меньше фактов.

Труд теоретика не похож на труд традиционного исследователя исторических процессов. Теоретик, как правило, не занимается архивными изысканиями, а пользуется фактами, добытыми другими. Он размышляет над этими фактами и вырабатывает к ним новый подход, изобретает термины. При этом он создает научные, а не эмоциональные или художественные тексты. Конечно, теоретику полезно знать, как историки работают на реконструктивном и эмпирическом уровнях, уметь самому на них работать, но основное в его занятиях не работа на более "низких" уровнях познания. Теоретик открыва-

¹⁵ Хотя новое теоретическое открытие обесценивает старые результаты, но это ни в коем случае не относится к оценке ума и вклада авторов предыдущих теоретических открытий.

¹⁶ "Лучше" и "хуже" могут быть заменены на выражения "более строго", "менее строго", "более вероятно", "менее вероятно" или на прочие не-ценностные понятия.

ет не новые факты, а новое понимание фактов.

Опыт других наук говорит, что не каждый ученый может быть теоретиком. Крупными теоретиками могут быть лишь единицы. Впрочем, в этом нет ничего оскорбительного для остальных ученых.

§ 4.

Почему одни исторические теории или квазитории принимаются историками, а другие не принимаются? Почему некоторые историки вообще не принимают теорий? Приведенные вопросы относятся к теме "принятие теории". Ниже мы покажем, что основой принятия теорий, особенно исторических теорий, могут служить разные типы обстоятельств.

Конечно, исторические теории принимаются или отвергаются по крайней мере иногда по познавательным соображениям. Профессионалы способны принимать решения, исходя из познавательных мотивов. Теории служат для научного объяснения фактов и принимаются или отвергаются потому, что они научно объясняют или не объясняют некоторые факты. Следует указать, что неспособность теории N-объяснять некоторые факты не означает еще ее неспособности объяснять другие факты науки. Теория может быть принята для объяснения фактов одной предметной области и в то же время отвергнута при объяснении фактов другой предметной области. Теории истории политической жизни "западных демократий" не годятся в качестве теорий истории политической жизни СССР и однотипных с ним государств. Теория социалистической революции не годится для объяснения буржуазной революции.

Однако теории вырабатываются в рамках определенных парадигм и надпарадигм мышления. Любая историческая теория имеет своей предпосылкой квазимодель общества и его истории, построенную по некоторым методологическим принципам. Она не должна непосредственно логически следовать из соответствующей общей квазитории, но она должна быть с ней совместима (не противоречить ей, принимать ее в качестве предпосылки). Не всякие теории истории совместимы с марксизмом. Но при решении отдельных вопросов не исключена

возможность появления нескольких марксистских, но не согласующихся друг с другом частных теорий. В таком случае одна из них в ходе проверки может оказаться более адекватным отражением реальности, чем остальные (по одному или по нескольким признакам, напр., по охвату объектов в поле исследования, по мере приближения теоретически предсказанных значений переменных к их эмпирическим значениям и т.п.).

Мотивы и обстоятельства принятия теорий не ограничиваются чисто гносеологическими соображениями. Обществу не все равно, каковы теории о нем, и это влияет на принятие их обществом, общественными группировками и отдельными людьми. Отдельным людям теории истории тоже не равноценны, потому что они — часть общества, о котором идет речь в теориях истории. Обстоятельства принятия или непринятия этих теорий, вытекающие из того, что сами принимающие или отвергающие принадлежат к предметной области (в широком смысле) теорий истории, будем называть социологическими.

Теория может приниматься или не приниматься потому, что она нравится — или не нравится — по сугубо личным соображениям. Она может нравиться человеку, которого я ненавижу, которому завидую, которого считаю глупом — или, наоборот, может не нравиться ему. Она может нравиться мне — или не нравиться — из-за того, что я обладаю определенным характером, определенным мировоззрением, из-за того, например, что мне не нравится отказ от своих взглядов. Заметим, что люди не всегда знают свои действительные мотивы, которые часто имеют бессознательный характер. Заметим также, что истинная и совершенная теория исторического процесса может нравиться по совершенно корыстным мотивам. Истинность¹⁷ теории не зависит от обстоятельств ее принятия либо непринятия.

Любой человек — член какой-либо совокупности людей, например, семьи, государства, профессии, социально-экономического класса, является покупателем, продавцом и т.п. Как таковой, он выполняет социальные роли. А те, в свою

¹⁷ Термином "истинность" мы здесь пользуемся в значении достаточного соответствия теории и реальности, к которой теория относится.

очередь, влияют на его мышление, особенно на его мышление об обществе. Следовательно, социальная принадлежность, а в антагонистических обществах в первую очередь принадлежность к определенному экономическому классу, также определяет обстоятельства принятия или непринятия отдельным человеком той или иной теории общества или истории общества.

Социальные группировки, социальные совокупности не могут существовать, если им нравятся идеи, вредные их существованию. Исторические теории, явно вредные существованию некоторого класса, не могут нравиться большинству членов этого класса. Идеологические представители такого класса иногда пытаются придать своему социологическому непринятию одних и принятию других исторических теорий гносеологические обоснования: такая процедура называется марксистами возникновением идеологических иллюзий.

Предположим, что существует экономический класс, господствующий в некотором обществе, деятельность которого по сохранению себя как класса противодействует переходу к следующему стадийному типу общества. Тогда этому классу враждебны теории истории, утверждающие развитие общества или переходящий характер всякого общественного строя. Естественно, что такой класс враждебен к таким теориям истории. В современном обществе, согласно анализу марксистов, положение класса, к которому относится это рассуждение, занимает буржуазия, а место соответствующих теорий истории занимает марксизм. Отсюда вытекает непринятие буржуазией марксистских исторических теорий и ее стремление к явно антимарксистским теориям или квазитеориям истории¹⁸. Конечно, общественные механизмы буржуазного общества поддерживают таких теоретиков, которые по всевозможным личным обстоятельствам (иногда совершенно честно) годятся в теоретические и идеологические представители класса буржуазии.

¹⁸ Р. Эшкрафт показал, что успех Маркса и неудача Вебера в создании теории по одному конкретному вопросу зависели от их отношения к господствующим ценностным установкам их общества. См. R. Ashcraft. Marx and Weber on Liberalism as Bourgeois Ideology. - "Comparative Studies in Society and History", vol. 14 No. 2.

Нельзя только забывать, что в капиталистическом обществе существуют и антикапиталистические социальные группировки, и они поддерживают антикапиталистических теоретиков истории. А борьба между этими двумя лагерями рождает множество переходных учений, иногда какуше компромиссных или "стоящих над этой борьбой".

При невозможности, или во всяком случае при какушей невозможности построить научную теорию истории, экономически выгодную господствующему классу, среди его представителей из профессиональных мыслителей начинает распространяться непринятие парадигмы теоретического мышления — непринятие парадигмы научной деятельности, допускающей теоретическое знание в данной отрасли. Ведь если теории совсем недопустимы, то этим их поиски уже заранее объявляются деятельностью бессмысленной и стоящей вне науки. Враждебность буржуазных историков к парадигме теоретического мышления в историографии объясняется их местом в буржуазном обществе.

Впрочем, не всякий противник парадигмы теоретического мышления является защитником буржуазии. Выше уже указывалось, что у отдельных историков всегда имеются личные обстоятельства принимать одни и отвергать другие идеи. Так, неумение теоретически мыслить (из-за отсутствия соответствующего образования, дарований или еще чего-либо) тоже порождает иногда враждебность к парадигме теоретического мышления. Если человек не умеет отождествлять предметы и общие имена, если он не умеет обобщать, то, естественно, он не может теоретически мыслить.

§ 5.

Теории необходимы для эмпирического познания. Они позволяют делать эмпирически больше, чем без них. Во-первых, теории указывают, какие регулярности, какие типы явлений, процессов, последовательностей надо искать. Так задачи эмпирического исследования возникают из теорий. Но, во-вторых, теории нужны и для истолкования эмпирических результатов.

Так, в статистике хорошо разработана техника исчисления коэффициентов корреляции и регрессии. Возможны бесконечные эмпирические исследования, устанавливающие индивидуальные величины этих коэффициентов. Только имеют ли эти метры и килограммы таблиц смысл для историографии?!

Теория позволяет предсказывать отдельные соотношения. От теории требуется, чтобы она указывала, каковы будут значения, скажем, коэффициентов корреляции при одних условиях, каковы — при других. Если результаты измерений совпадают с теоретическим предсказанием, то тогда эмпирическое знание приобретает иную значимость, чем раньше. При помощи его подтверждается теория, которая затем может применяться для Н-объяснения изучаемых процессов.

Предположим, мы изучаем динамику экономического (или социально-политического, или культурного) неравенства в обществе. Можно измерять значения неравенства для данного общества в разных временных точках. Можно даже составлять уравнения, описывающие эту динамику. А что дальше?

Другое дело, если мы имеем соответствующую теорию. Из теории должно быть выводимо предсказание характеристик изучаемого общественного неравенства, их изменения. Из теории следует, например, критерии, какие распределения считать признаком "сильного" неравенства, какие — "слабого". При прикладном исследовании возникают дополнительно задачи объяснения, почему изучаемое общество является "типичным" — либо "нетипичным".

Задачи теоретического изучения могут вполне возникать и в результате эмпирических исследований. Предположим, историки занимаются типологизацией помещичьих имений в данной стране за определенный промежуток времени. Предположим, далее, что эта типологизация приводит к распределению имений на два основных типа, при небольшом количестве имений, не относящихся ни к одному из этих типов. Тогда возникают уже теоретические вопросы: почему именно имения этих типов оказались наиболее распространенными? Почему имения с другими характеристиками не оказались распространенными?

эмпирического знания бывает по крайней мере двух больших типов. Во-первых, — это "логические" связи (теория Н-объясняет эмпирические факты; теоретические понятия — абстракции от эмпирических, а эмпирические — конкретизации от теоретических и т.п.). Во-вторых, — это познавательные связи, взаимное генерирование новых задач исследования, взаимное использование результатов, полученных на другом уровне, для решения исследовательских задач на собственном уровне.

Эмпирические и теоретические исследования в историографии еще достаточно редки. Поэтому всякое обсуждение их с точки зрения теории познания носит в настоящее время предварительный характер. Так, трудно выяснить специфику историографии (если таковая имеется) для каждой из рассмотренных ступеней познания и знания и для их взаимосвязей. Соответствующий эмпирический материал отсутствует ввиду недостаточного развития историографии.

Г л а в а VI

Научное объяснение в историческом познании

§ I.

Что такое — "объяснение"? Ответ на поставленный вопрос является предварительным условием последующего рассмотрения: читателю должны быть понятны слова, используемые автором. А термины целесообразно определять так, чтобы, рассматривая вопросы по существу, не нужно было бы отвлекаться в споры о словах.

Каково правильное употребление слова "объяснение"? С точки зрения ЛП-парадигмы правильным употреблением слова "объяснение" является употребление, зафиксированное исследователем (автором некоторого текста), который превратил это слово в термин. С точки зрения А-парадигмы, правильным является обычное употребление этого слова (и языково равноценных выражений) людьми, которые данное слово употребляют. В отличие от ЛП-парадигмы, в А-парадигме допускается

многозначность слова, если таков обычай.

Утверждать, что слова и способы рассуждения имеют правильное или неправильное употребление сами по себе, вне зависимости от их действительного использования, можно в пределах объективного идеализма, но не марксизма. Вне лингвистического обычая некоторой части общества не существует правильного употребления любого слова, в т.ч. слова "объяснение".

Существует ли понятие "объяснение"? С точки зрения А-парадигмы, понятие "объяснение" — это способ употребления данного слова. То же относится и к понятию "историческое объяснение". Эмпирически установлено, что существует много способов использования слова "объяснение"¹. Реакционисты (У.Дрей и др.) показали то же в отношении понятия "историческое объяснение". Однако, если таких способов употребления много, то единого понятия нет, существует множество (может быть — близких) понятий. Если они далеки друг от друга, — если во всех этих понятиях нет общей части, — то в пределах философии нет смысла пользоваться одним-единственным понятием "объяснение". Соответственно, не будет и единой логики объяснения. Отсюда, кстати, вытекают представления некоторых сторонников А-парадигмы о "трудности" понятия "объяснение".

С точки зрения ЛП-парадигмы, понятие "объяснение" (соотв. "историческое объяснение") введено Хемпелем². Само по себе это понятие никаких трудностей до сих пор не вызывало. Трудности возникали лишь при выяснении области его применимости.

В дальнейшем нам потребуется такое понятие объяснения, которое относилось бы к некоторым процедурам естественных наук. Воспользуемся понятием Н-объяснения. Н-объяснениями будем называть такие рассуждения, которые опи-

¹ См. A.W.Collins. Op. cit.; J.R.Martin. Explaining, Understanding, Teaching, p. 25.

² Оставим пока в стороне сложный вопрос приоритета. Впрочем, ЛП-парадигма допускает и другие конвенции, лишь бы сама конвенция была зафиксирована и не менялась без эксплицитного предупреждения.

сводится следующей логической формулой — основной формулой Н-объяснения:

$$\frac{\{L_1, \dots, L_n\}}{\{C_1, \dots, C_n\}}, \quad (2)$$

где $\{L_1, \dots, L_n\}$ — совокупность законоформулировок, а $\{C_1, \dots, C_n\}$ — совокупность условий (напр., значения, подставляемые в переменные, входящие в формулировки законов науки), и E — предложение о фактическом положении дел, логически выводимое из законов науки при данных условиях. Приведенная формулировка восходит к трудам Хемпеля, но сама концепция научного объяснения возникла до этих трудов; впрочем, на это указывает и сам Хемпель³. Применялись процедуры, называемые тут Н-объяснениями, задолго до описания их философами⁴.

Определенные трудности вызывает понятие законоформулировки. Автор этих строк предпочитает точке зрения Хемпеля⁵ точку зрения Бунге⁶. Согласно Бунге, высказывание следует назвать законом науки (законоформулировкой) тогда и только тогда, если оно истинно апостериорно (т.е. не является истинным логически), если оно в некотором отношении является всеобщим (т.е. не относится к единственному предмету), если оно в данное время в некоторой области удовлетворительно подтверждено исследованиями и если оно принадлежит к некоторой теории (последняя может быть хорошо разработана или оставаться еще незрелой).

³ См. С.Г.Хемпель. *Op. cit.*, pp. 336 - 337.

⁴ См. также R.M.Blake, C.J.Ducasse, E.H.Madden. *Theories of Scientific Method: The Renaissance through the Nineteenth Century*. Seattle (Wash.), 1960, chpt. 4, 9.

⁵ См. С.Г.Хемпель. *Op. cit.*, pp. 339, 377.

⁶ См. M.Bunge. *Arten und Kriterien wissenschaftlicher Gesetze*. — *Der Gesetzesbegriff in der Philosophie und den Einzelwissenschaften*, Hg. G.Kröber. В., 1968, SS. 139-146.

Строго говоря, некоторое Н-объяснение — это выведение описания фактического состояния дел из законоформулировок, т.е. определенная познавательная процедура. Однако вполне допустимо говорить, что при помощи законов (природы, истории) Н-объясняют события, явления (природы, истории). Дело в том, что нас интересует понимание явлений действительности, а Н-объяснение — один из способов достижения такого понимания. Хотя путем Н-объяснения и связываются мысли, лингвистические выражения, некоторые из этих мыслей и выражений можно ставить в однозначные или взаимнооднозначные отношения со своими референтами в действительности.

§ 2.

Объясняют ли историки? Ведущий представитель А-парадигмы У.Дрей не усматривает в поставленном вопросе проблемы. По его мнению, историки ничего другого и не делают, как объясняют⁷. Однако вопрос не решается так просто. Рассмотрим следующую выдержку из работы видного историка прошлого века Ш.Сеньобоса (интересовавшегося также методологическими проблемами):

"Охранение существующего — нормальное явление в жизни человечества и не нуждается в объяснении; с другой стороны, когда данный порядок не меняется, достаточно описать его один раз"...⁸

Оказывается, Сеньобос отнюдь не считает, что все нужно объяснять. По его мнению, объяснению подлежат отступления от регулярностей, а не сами регулярности. Такой подход, конечно, в корне отличается от подхода некоторых других наук (физика!), в которых объяснению подлежат именно регулярности, именно обычное (что не исключает объяснения "необычных" явлений). Сеньобос же довольствуется только описанием обычного, нормального порядка.

Взгляды Сеньобоса могут цитироваться в пользу антипозитивистских утверждений. Однако важно следующее. С точки зрения А-парадигмы необходимо следовать практике историков. Но если в практике историков не все считается заслуживающим объяснения, то тогда перед нами уже возникли

⁷ См. W.Drey. Philosophy of History, p.5.

⁸ Ш.Сеньобос. Цит. соч., стр.ХУ.

проблема: что же объясняется историками? объясняют ли историки вообще?

Ранкеанское знаменитое "как это на самом деле было" также содержит призыв к описанию, а не к объяснению. Естественно, мы можем ставить вопрос, исключают ли описания в историографии объяснения (то, что представителями А-парадигмы называется объяснением). Но ясно, что объяснение не всегда является целью историков, и вопрос о том, объясняют ли историки, является проблемой.

В этой книге нас интересует вопрос, применяют ли историки Н-объяснения. Если те не применяются, то дальнейшее изучение вопроса о Н-объяснениях в истории становится бессмысленным.

Можно считать установленным, что Н-объяснения в историографии применяются. Известный польский историк Е.Топольский убедительно показал, что Н-объяснения присутствуют имплицитно, а иногда и эксплицитно, в работах ряда историков - и марксистов, и не-марксистов⁹.

Явным образом Н-объяснения присутствуют, например, в марксистской теории общественно-экономических формаций. В ней ориентированный граф последовательности формаций объясняется введением закона соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил и принципа, по которому переход осуществляется в сторону таких производственных отношений, верхняя грань соответствия которых выше верхней грани соответствия некоторого другого типа производственных отношений. Условиями в экспланансе являются факт изменения производительных сил и величины граней соответствия (подробнее см. ч. IV).

Итак, изучение проблем, связанных с Н-объяснениями в историографии, осмыслено. Другое дело - вопрос о месте и распространенности этих объяснений. Почему явные Н-объяснения в трудах историков настолько редки, что могло возникнуть представление об их полном отсутствии?

Относительно малая распространенность Н-объяснений в историографии объясняется относительно малой распространенностью их экспланандумов. Н-объясняют ампирическое зна-

⁹ См. J. Topolski, Świat bez historii, str. 222-235; eiusd. Lévi-Strauss and Marx on History.

ние, а историография больше всего добывала реконструктивное знание. Н-объясняют не отдельное действие индивида, взятое само по себе, а общественные системы, их свойства, характеристики, их изменение. Н-объясняют события, явления, действия как представители некоторого рода событий, явлений, действий в условиях определенной системы общества¹⁰. Н-объяснений в историографии не было, потому что не было, чего Н-объяснять. Отсутствие экспланандумов для Н-объяснений, в свою очередь, объясняется при помощи ссылки на законоформулировки о развитии историографии — как на гносеологические, так и на социально-экономические законоформулировки. Наконец, поскольку при решении прикладных задач необходимо пользоваться и другими видами Д-объяснений, а прикладные задачи тоже свойственны большей части существующей историографии (что опять может быть объяснено и даже Н-объяснено), то и это снижает распространенность Н-объяснений в историографии.

§ 3.

Какие Н-объяснения применяются в историографии? Существует проблема классификации-выделения видов применяемых историками Н-объяснений. Эмпирические исследования должны выяснить, какие из выделенных классов являются пустыми, какие — полными, какова распространенность Н-объяснений, принадлежащих к тому или иному классу и т.п. (При условии создания соответствующих теорий науковедения все эти результаты могут в свою очередь Н-объясняться). Но в настоящей работе мы займемся только созданием самой классификационной схемы, т.е. укажем на признаки, по которым можно будет выделять разные классы Н-объяснений в историографии и дадим классам названия.

¹⁰ Е.Топольский показал, что Маркс пользовался Н-объяснениями, когда рассматривал развитие общественных систем, и Д-объяснениями через мотивы, когда рассматривал действия отдельных лиц. См. J. Topolski. Lévi-Strauss and Marx on History, p. 206.

Прежде всего, N -объяснения в историографии можно делить по принадлежности используемых законоформулировок к той или иной отрасли знания. Так, если можно говорить об экономических, физических, историографических законоформулировках, то можно говорить и об экономических, физических, историографических N -объяснениях. Будем называть собственными N -объяснениями в историографии такие N -объяснения, которые применяют законоформулировки историографии, а несобственными N -объяснениями в историографии такие N -объяснения, которые применяют законоформулировки других отраслей познания. Наконец, будем называть смешанными N -объяснениями в историографии такие N -объяснения, эксплианансы которых содержат как законоформулировки историографии, так и законоформулировки других наук.

Далее, мы можем делить N -объяснения, применяемые в историографии, по тому, являются ли используемые в их эксплианансах утверждения существенными для историографии или нет. Под существенными для историографии утверждениями будем понимать утверждения или системы утверждений, содержащие предпосылку качественного различия. Соответственно, будем называть историческими N -объяснениями такие, эксплианансы которых содержат предпосылку качественного различия. Будем называть вне-историческими такие N -объяснения, эксплианансы которых не содержат этой предпосылки.

Классификация N -объяснений, могущих быть примененными в историографии в настоящей книге далее разворачиваться не будет. Приведем теперь несколько примеров изучения введенной классификации.

Утверждение А. Все собственные N -объяснения в историографии принадлежат к историческим N -объяснениям.

Доказательство тривиально следует из определения в гл. У § I законоформулировки историографии как утверждения, содержащего ссылку на две различные системы.

Утверждение Б. Пересечение класса несобственных N -объяснений в историографии и класса исторических N -объяснений не обязательно является пустым.

Для доказательства напомним, что в N -объяснение входят условия $\{C_1, \dots, C_j\}$. Если предпосылка качественно-

го различия в некотором Н-объяснении Ж заключена в формулировке условий, то по определению исторических Н-объяснений Ж принадлежит к ним. Но если Ж не включает ни одной законоформулировки историографии (а включает, например, только законоформулировки экономической науки), то оно принадлежит к несобственным Н-объяснениям.

Приведенные в качестве примеров утверждения А и Б показывают, что классификации можно изучать в определенной мере самостоятельно от изучения классифицируемых явлений. Само по себе изучение классификаций иногда представляет логический и теоретико-познавательный интерес.

§ 4.

Займемся теперь изучением исторических Н-объяснений в историографии. Изучать объяснение — это не то же, что доказывать его существование. Изучение самого объяснения не следует также сводить к эмпирическому изучению области определения понятия "объяснение". В ходе изучения объяснений мы будем определять формулы, описывающие некоторые подмножества исторических Н-объяснений, а также рассмотрим возможности упрощения полученных формул в зависимости от целей того или иного исторического исследования.

Для чего стоит изучать исторические Н-объяснения? Для того, например, чтобы предоставлять историкам средства познавательной деятельности. Введение разных формул — это создание новых мыслительных форм, которые послужат образцами для историков, желающих Н-объяснять. Основная формула Н-объяснения недостаточна в качестве такого образца вследствие своей неспецифичности: она охватывает как исторические, так и вне-исторические Н-объяснения. Заметим, что одной из задач философии (и формальных дисциплин типа логики или математики) является создание новых форм мышления для использования их в процессе познания и формулирования знания (а не только экспликация и кодификация уже существующих форм).

В настоящем параграфе обратим внимание на структурные исторические Н-объяснения, т.е. такие, которые Н-объясняют некоторое событие (предложение о нем), исходя из определенных Ф-законоформулировок. Чтобы структурное Н-объяснение было историческим, оно должно включать в экспликансе ссылку на систему отсчета. Как это сделать, покажем ниже.

Введем некоторые обозначения. Пусть $K = \{k_1, \dots, k_n\}$ - некоторое множество законоформулировок о системе отсчета. Пусть $D = \{D_1, \dots, D_m\}$ - некоторое множество условий о системе отсчета. Пусть, далее, $L = \{L_1, \dots, L_j\}$ - некоторое множество законоформулировок об изучаемом классе систем (напр., об обществах, принадлежащих к капиталистической общественно - экономической формации), а $C = \{C_1, \dots, C_j\}$ - некоторое множество условий об отдельном изучаемом объекте (напр., данные об объеме производства, ценах, занятости и пр. в Великобритании за 1860 г.). Определим еще $A = K \cup L$ и $B = D \cup C$.

Назовем теперь структурным историческим Н-объяснением такое Н-объяснение, которое описывается формулой:

$$\begin{aligned} & C_A \text{ K } \cup (K \cap L) \\ & \underline{C_B \text{ D } \cup (D \cap C)}, \end{aligned} \quad (3)$$

Е

где $C_X Y$ - дополнение^{II} к множеству Y в множестве X . Формулу (3) будем называть основной формулой структурного исторического Н-объяснения.

Заметим, что при изучении природы обычно отсутствует необходимость в структурных исторических Н-объяснениях, поскольку исследуются объекты, в которых наличны одни и те же законы природы в течение всего существования объекта. Однако если допустить крамольную мысль о том, что некогда имелись в наличии другие законы природы, то тогда может представлять интерес и историческое Н-объяснение природных явлений. При изучении же общества естественно, что од-

^{II} Множество элементов X , не принадлежащих некоторой его части Y , называется дополнением к Y в X .

ни законы общества имеются в наличии в одной формации, а другие - в другой.

В некоторых случаях исторического Н-объяснения интерес может представлять не весь эксплананс, а только некоторая его часть. Тогда основная формула структурного исторического Н-объяснения может быть упрощена, например, так:

$$\frac{C_A \cup (K \cap L)}{C} \quad (4)$$

E

или так (для случая $L = K$):

$$\frac{L}{C_B \cup (D \cap C)} \quad (5)$$

E

§ 5.

Как было указано в гл. У, законоформулировки развития всегда содержат ссылку на то, что может рассматриваться в качестве системы отсчета. Поэтому Н-объяснения в историографии, пользующиеся Г-законоформулировками, всегда являются историческими Н-объяснениями. Введем теперь класс генеративных исторических Н-объяснений. Будем называть генеративными Н-объяснениями в историографии такие Н-объяснения, в которых используемые в экспланансе законоформулировки являются Г-законоформулировками, а перечисляемые в экспланансе условия содержат ссылку на существование обстоятельств, достаточных для обеспечения развития.

Пусть $L = \{E_{1,k} : (A \rightarrow B) \leftarrow c_k, \text{ где } k = 1, 2, \dots\}$ и $C = \{c_k, \text{ где } k = 1, 2, \dots\}$. Тогда генеративное историческое Н-объяснение наличия некоторой стадии развития будет выглядеть следующим образом:

$$\frac{L}{\frac{A, C}{B}} \quad (6)$$

Иногда требуется исторически H -объяснить не само наличие стадии развития B , а наличие некоторой ее части $M \subset B$. Тогда в число условий, фиксируемых в экспланансе, входит не вся стадия A , а некоторая ее часть $M \subset A$:

$$\begin{array}{l} L \\ \underline{M \subset A, C} . \\ N \subset B \end{array} \quad (7)$$

Это рассуждение можно сузить до H -объяснения наличия отдельного элемента $b \in B$:

$$\begin{array}{l} L \\ \underline{M \subset A, C} . \\ b \in B \end{array} \quad (8)$$

Иногда ставится задача исторически H -объяснить наличие различий между частями, т.е. экспланандум имеет вид $N \subset B$, $Q \subset B$. Тогда соответствующее генеративное H -объяснение строится следующим образом:

$$\begin{array}{l} L \\ \underline{(M \subset A; P \subset A), C} ; \\ N \subset B, Q \subset B \end{array} \quad (9)$$

при этом если $M \neq P$, то $N \neq Q$.

Хемпель (исходя из взглядов Нагеля) построил в свое время формулу генеративного H -объяснения так, что в ней указывалось более двух стадий развития¹². В его формуле, однако, оставалась неуточненной форма закона развития — не рассматривался вопрос, имеет ли номическая связь между двумя стадиями какие-то отличия, достаточные для формулирования особого типа номологических высказываний.

В настоящей главе до сих пор изучался случай с двумя стадиями, которые для удобства обозначались разными буквами. Рассмотрим теперь общий случай генеративного H -объяснения в историографии. Примем L_i^j за множество всех законов развития от стадии i до стадии j , а C_i^j за множество условий перехода от стадии i к стадии j и A_i за начальную стадию. Тогда формула генеративного H -объяснения наличия стадии A_j выглядит следующим образом:

¹² См. С. G. Hempel. Op. cit., pp. 447 - 450; E. Nagel. The Structure of Science. L., 1974 (1st ed. L., 1961), pp. 567 - 568.

$$\frac{L_i^j}{A_j} \cdot \frac{A_i, C_i^j}{A_j}, \quad (I0)$$

где $j > i$.

Для случая двух непосредственно следующих друг за другом стадий имеем вместо (I0) запись:

$$\frac{L_i^{i+1}}{A_{i+1}} \cdot \frac{A_i, C_i^{i+1}}{A_{i+1}}. \quad (II)$$

§ 6.

До сих пор рассматривались такие Н-объяснения, которые являются эквивалентными основной формуле Н-объяснения (2). В то же время представляет интерес и ознакомление с другими процедурами, имеющими отношение к Н-объяснениям. Дело в том, что не на всех ступенях развития научной мысли удается, а иногда и нецелесообразно, пользоваться обычными Н-объяснениями. Это имеет особое значение для понимания историографии — в ней редки явные законоформулировки. Кроме того, в историографии не всегда принято говорить об общеизвестном¹³. В исследовательских монографиях и статьях часто, например, неявно предполагается знакомство читателя с предметом и основными фактами. Этим обычаям историков отличаются, скажем, от обычаев математиков: последние всегда ссылаются на исходные определения и применяемые обозначения. Точно так же в историографии зачастую не формулируется процедура вывода одних утверждений из других.

¹³ Поскольку на деле не всегда ясно, что является общеизвестным, то такую процедуру нельзя одобрять. Кроме того, на практике мысли неотделимы от формулировок мыслей, и разные авторы могут на деле принимать за исходное различные формулировки "общеизвестного". Но изучая историографию, мы должны учитывать действительные, тем более распространенные процедуры историков, даже когда мы их не одобряем.

Будем называть частичными Н-объяснениями в историографии такие рассуждения, в которых явно формулируются только некоторые элементы или части эксплананса Н-объяснения, но которые при достигнутом ко времени их формулирования уровне науки могут быть доведены до Н-объяснений. Так, если мы будем рассматривать формулу (3), то частичные Н-объяснения могут, например, описываться формулой

$$\frac{C_A \quad K}{C_B \quad D} \quad (12)$$

E

или формулой

$$\frac{L}{E} \quad (13)$$

или формулой

$$\{L_k\} \quad (14)$$

$$\frac{\{C_{j-1}, C_{j+1}\}}{E}$$

Если принять за исходное формулу (8), то частичное Н-объяснение может, например, описываться формулой

$$\frac{M \subseteq A}{b \in B} \quad (15)$$

Когда ведутся исследования прикладного типа (исследования не абстрактных объектов, а непосредственных объектов реальной действительности), то историков обычно интересует именно частичное Н-объяснение — такое, которое фиксировало бы в экспланансе тот фактор, из-за которого экспланандум принимает заинтересовавшийся их вид, "при прочих равных обстоятельствах". К. Хемпель в свое время требовал явного названия таких "прочих равных факторов"¹⁴. Однако для прикладной ситуации это невозможно, так как некоторые свойства реальных объектов всегда неизвестны. Тем не менее, наши утверждения не будут лишены познавательного значения. Это не значит, что прикладные ситуации можно рассматривать произвольно. Указывая на реальные объекты, мы тем самым указываем на все их свойства, в том

¹⁴ См. С. G. Hempel. Op. cit., p. 167.

числе и на еще не известные нам. Одновременно мы исключаем некоторые возможности, ибо они исключены самими свойствами изучаемых вещей. В теории, рассматривающей абстрактные объекты, положение иное. Там требования Хемпеля оправданы. Но теория неизбежно упрощает прикладные объекты.

Итак, частичные Н-объяснения познавательны корректны и могут рассматриваться в качестве процедур вывода. Доведение их до Н-объяснений является излишним, при условии, что не возникает спора об обоснованности некоторого конкретного частичного Н-объяснения.

Однако, в историографии встречаются и такие рассуждения, которые при существующем ко времени их формулирования уровне познания нельзя восполнить до Н-объяснений, но которые все же напоминают Н-объяснения. Определим один тип таких рассуждений. Будем называть эскизными объяснениями такие рассуждения, в которых говорится о необходимости или случайности некоторых событий (явлений) или же о необходимости или случайности их связей с некоторыми другими событиями (явлениями), но которые не восполнимы при достигнутом ко времени их формулирования уровне науки до Н-объяснений. Познавательный статус эскизного объяснения — тот же, что и у гипотезы.

Дело в том, что отношения между предметами мы можем наблюдать и непосредственно (соответственно: фиксировать реконструктивно)¹⁵. Эскизное объяснение приписывает таким связям характер необходимости (в т.ч. причинности) или случайности. Опыт человечества и отдельной личности дает всегда известное основание принимать одни из таких гипотез и отвергать другие. Тем не менее, полной уверенности в правоте подобных рассуждений мы не имеем; они принимаются интуитивно.

Правда, в науке нужно стремиться ко все большему знанию, но это не значит, что в каждый данный момент можно пренебрегать уже достигнутым. Эскизные объяснения все же лучше простой фиксации фактов или самообмана, возникающего

¹⁵ На этот факт, в связи с отношениями происхождения, обратил внимание, например, Х.Фэйн. См. Н. Fain. Op.cit., p.298.

тогда, когда ценностные представления принимаются за обобщения внутри знания. Хотя эскизные объяснения - гипотезы, но они - правоподобные гипотезы, опирающиеся на имеющийся опыт в отличие от фантастических домыслов. Не будучи еще достоверным знанием, они могут им стать в будущем.

Первый тип эскизных объяснений - это такие эскизные объяснения, которые в посылках содержат условия, но не содержат законов. Чтобы указать на гипотетический характер связи посылок и следствий в эскизных объяснениях, введем между ними знак " - - - - ". Приведем несколько примеров строения эскизных объяснений первого типа. Аналогичное формуле (3) эскизное объяснение будет выглядеть так:

$$\frac{C \quad D \quad U \quad (D \cap C)}{E} \quad (16)$$

Аналогичное формуле (12) эскизное объяснение будет выглядеть следующим образом:

$$\frac{C \quad B \quad D}{E} \quad (17)$$

А аналогичное формуле (II) эскизное объяснение будет иметь следующий вид:

$$\frac{A_i, C_i^{i+1}}{A_{i+1}} \quad (18)$$

Второй тип эскизных объяснений, - это такие, которые вместо законоформулировок подставляют в формулы N-объяснения квазимодели. Обозначим квазимодели готическими буквами. Аналогичное формуле (3) эскизное объяснение второго типа будет выглядеть так:

$$\frac{C_{\alpha} \mathfrak{L} \cup (\mathfrak{L} \cap \mathcal{L})}{E} \quad (19)$$

где \mathfrak{L} - квазимодель системы отсчета, а \mathcal{L} - квазимодель изучаемой системы, и $\alpha = \mathfrak{L} \cup \mathcal{L}$.

Аналогичное формуле (II) эскизное объяснение будет выглядеть так:

$$\mathcal{L}_i^j \frac{A_1, C_1^j}{A_j}, \quad (20)$$

где \mathcal{L} - квазимодель последовательности стадий (напр., типов общества).

Наконец, заметим, что не только в Н-объяснениях, но и в других процедурах, которые достаточно схожи с Н-объяснениями, чтобы их можно было называть "объяснение", могут использоваться не только полные, но и частичные объяснения¹⁶.

§ 7.

Должны ли историки Н-объяснять?

Если историки хотят знать "все", т.е., если они стремятся знать как можно больше, то, оставаясь рациональными, они должны стремиться к открытию законов - создавать законоформулировки, и Н-объяснять при помощи законоформулировок фактические утверждения. Заметим, что Н-объяснения - способ проверки законоформулировок. Этим самым Н-объяснения превращаются в способ подтверждения (или опровержения) теорий. Люди могут создавать различные связи мыслей, которые имеют те же логические характеристики, что и научные теории. Тем не менее, не всякий теориеподобный результат спекулятивного размышления - научная теория. Научными являются теории, способные Н-объяснять эмпирические факты - и не только те, на основе которых такие теории были созданы, но и факты, полученные после выработки теорий. При помощи Н-объяснений предотвращается эмпирически неоправданное теоретизирование, решаются вопросы о научной плодотворности введения тех или иных обобщений и абстракций. В то же время применение Н-объяснений не растворяет историографию в других науках, ибо вполне возможны

¹⁶ См. L. Nordenfelt. Op.cit., e.g., pp. 54-60, 111-114.

специфические для историографии виды Н-объяснений — исторические Н-объяснения.

Если историки хотят ограничиваться знанием "второго сорта", то, конечно, они могут не применять Н-объяснений. Для марксистов этот путь неприемлем. Ведь даже оставаясь на реконструктивной ступени, нельзя совсем избегать обращения к Н-объяснениям (особенно к несобственным Н-объяснениям).

Если историки главную свою цель видят в установлении ценностей, например, в выяснении неких имманентных общественным явлениям ценностей (таковые могут быть только минимыми), если они рассматривают историографию как средство "гуманистического" либерального (читай: буржуазного) воспитания, то Н-объяснения, действительно, им излишни — как и многое остальное из современной историографии. Однако это не исключает науки о развитии общества, в котором будут Н-объяснять. Сейчас — в конце XX века — только такая наука может создавать рациональный фундамент ценностному сознанию.

ЧАСТЬ IУ

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИОГРАФИИ И ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

Глава I

Введение

Теория общественно-экономических формаций является одной из центральных в марксистском учении об обществе^I. Основные ее положения хорошо известны и излагаются во всех учебниках по марксистской философии. Общеизвестна также методологическая важность этой теории для обществоведения — именно она является парадигматической предпосылкой всего марксистского обществознания в пределах отдельных общественных наук.

Основные положения марксистской теории общественно-экономических формаций к настоящему времени научно вполне обоснованы. Их проверка была проведена более чем полувековой работой советских историков по исследованию прошлого всего человечества. За последние 30 лет, наряду с советскими, историк с точки зрения теории формаций изучало большинство восточноевропейских историков и также некоторые "западные" историки. Если сюда прибавить еще все попытки опровергнуть марксизм и полемику марксистов против антимарксистов, то с полным правом можно сказать: редко когда научная теория прошла столь интенсивный процесс проверки. "Но отстаивая эту теорию, — справедливо писал С.П.Трапезников, — мы не должны закрывать глаза на реальные творческие проблемы, с которыми сталкивается теория формаций в применении к истории и

^I Объемистый, но отнюдь не полный список литературы последних десятилетий по этой теме приводится в подстрочных примечаниях цитированной книги В.Я.Израитель.

современности"². Решению таких проблем может содействовать и теория познания.

Дальнейшее теоретико-познавательное и методологическое рассмотрение учения об общественно-экономических формациях имеет смысл если оно не сводится просто к повторению уже сделанного. Поэтому в настоящей части мы стремимся:

а) дать экспликацию теории общественно-экономических формаций с целью анализа конкретного случая исторического познания и знания;

б) содействовать формулированию положений теории общественно-экономических формаций мыслительными средствами современной науки;

в) содействовать дальнейшей разработке теории общественно-экономических формаций (напр. при помощи уточнения постановки проблем для конкретно-научного исследования, выяснения критериев решения спорных проблем и т.п.).

Имея в виду указанные задачи, в гл. II и III настоящей части будут рассматриваться ответы на вопросы, связанные с самим понятием "формация". В гл. IV и V будут рассматриваться вопросы и ответы на них о порядке, последовательности формаций — как с точки зрения фиксации этого порядка, так и с точки зрения объяснения тех или иных порядков средствами теории формаций. Наконец, в гл. VI изучается сфера применимости теории общественно-экономических формаций и соответствие этой теории современному уровню социальных наук.

При чтении настоящей части читателю следует все время помнить, что в ней не строится, не излагается и не доказывается теория общественно-экономических формаций. В ней приводится теоретико-познавательное исследование теории общественно-экономических формаций, строится метатеория формаций. Когда квантовая физика изучается теорией познания, то результатом такого изучения является не определенная физическая теория, а — некоторые философские положе-

² С.П.Трапезников. Развитие общественных наук и повышение их роли в коммунистическом строительстве. — "Вопросы философии", 1967 № II, стр. 8.

ния. Когда проводится гносеологическое (методологическое) исследование теории общественно-экономических формаций, то результатом являются определенные гносеологические концепции, точки зрения. Результатом не является сама теория формаций (независимо от того, входит ли последняя в философию или не входит — философия, будучи рефлексией, может и себя изучать гносеологически).

Г л а в а II

Понятие общественно-экономической формации

§ I.

Само слово "общественно-экономическая формация" в трудах К.Маркса и Ф.Энгельса появилось довольно поздно. Так, в известном письме Анненкову Маркс говорил просто об общественных формах¹. В "Манифесте Коммунистической партии" говорится просто об обществах². Но в 1858 г. Маркс в письме Энгельсу уже использует выражение "общественная формация"³.

В 1859 г. слово "формация" появляется в ставшем позднее знаменитым Предисловии к работе "К критике политической экономии". Правда, в этой работе термин еще не устоял окончательно. Сравним следующие отрывки:

I. "В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить; как прогрессивные эпохи экономической общественной формации"⁴.

2. "Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предистория человеческого общества"⁵.

¹ См. К.Маркс — П.В.Анненкову, 28.II.1846. — Соч., т. 27, стр. 402.

² См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Манифест Коммунистической партии. — Соч., т. 4, стр. 424, 435.

³ См. К.Маркс — Ф.Энгельсу, 2.4.1858. — Соч., т. 29, стр. 258.

⁴ К.Маркс. К критике политической экономии. — Соч., т. I3, стр. 7.

⁵ К.Маркс. К критике политической экономии. — Соч., т. I3, стр. 8.

В случае I. говорится об общественной формации, называемой экономической, и охватывающей несколько последовательных способов производства. Во втором случае говорится о формации, называемой буржуазной, и явно охватывающей только один способ производства. В более поздних работах К. Маркса и Ф.Энгельса понятие "формация" все более явно связывается с обществом, охватывавшим только один способ производства. Интересно отметить, что в т.н. IУ томе "Капитала" экономической общественной формацией назван и коммунизм⁶.

Указывать на эти обстоятельства следует потому, что некоторые авторы писали о формациях, исходя из предпосылки, будто бы у Маркса имелась четкая концепция разделения формаций на первичное (архаичное) и вторичное, причем каждая из упомянутых охватывала бы несколько способов производства⁷. Однако, хотя аргументация этой точки зрения М.А. Виткиным и опирается на ссылки на тексты К.Маркса или Ф. Энгельса, она пренебрегает большинством основных требований источниковедческого анализа. Конечно, термин "формация" не так уж часто встречается на страницах произведений К.Маркса или Ф.Энгельса — термин "способ производства" встречается чаще. Но обратимся хотя бы к I тому "Капитала". Это — опубликованная пожизненно работа К.Маркса (значит — отредактированная им значительно более тщательно, чем рукописные работы в виде писем, а тем более набросков). Это — работа, которую К.Маркс сам считал важной, и всякое изучение мысли К.Маркса и Ф.Энгельса показывает, что она таковой является. В "Капитале" К.Маркс не придерживался схемы первичной и вторичной формаций. Протицируем хотя бы следующий отрывок:

"Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, например, общество, основанное на рабстве, от общества наемного труда"⁸.

⁶ См. К.Маркс. [Теории прибавочной стоимости]. — Соч., т. 26, ч. III, стр. 416.

⁷ См. напр. М.А.Виткин. Восток в философско-исторической концепции К.Маркса и Ф.Энгельса. М., 1972.

⁸ К.Маркс. Капитал, т. I. — Соч., т. 23, стр. 229.

Впрочем, сходные мысли высказываются еще в ряде мест этого произведения⁹. К. Маркс же до самой смерти считал, что он придерживается взглядов, изложенных им в "Капитале". Крутое изменение терминологии, естественно, нашло бы более эксплицитное выражение в опубликованных им произведениях.

Традиция употреблять слово "формация" для обозначения общества, охватывающего только один способ производства, окончательно установилась к концу XIX века. Так, В.И. Ленин уже с первых своих произведений - и именно на основании анализа "Капитала" - употреблял слово "формация" как раз для обозначения общества, охватывающего один способ производства¹⁰. В.И. Ленин также показал, что речь идет не просто о слове, а о наличии определенного понятия¹¹. Налицо оказался сложившийся специфически марксистский термин - общественно-экономическая формация.

§ 2.

Обычно общественно-экономическая формация определяется как некоторый исторический тип человеческих обществ. Данный подход к определению понятия формация может быть разъяснен и уточнен.

Во-первых, под общественно-экономической формацией понимается совокупность черт, общих ряду человеческих обществ. Под формацией понимается, следовательно, общая часть, пересечение некоторых обществ. Это пересечение можно называть и типом общества, и инвариантом в разных обществах.

Во-вторых, речь идет о пересечениях, генеративно упорядоченных: предполагается, что из одной формации может возникать другая (одна формация порождает следующую).

В-третьих, необходимо подчеркнуть, что в пересечение человеческих популяций, называемое формацией, входят и определенные отношения между людьми, а также вещи и мысли

⁹ См. К. Маркс. Капитал, т. I. - Соч., т. 23, стр. 247, 372, 611.

¹⁰ См. В.И. Ленин. Что такое "друзья народа"... . ПСС, т. I, стр. 132-133.

¹¹ См. В.И. Ленин. Там же, стр. 132-143.

людей. Пересечение это является "системой". Некоторые авторы любят при этом пользоваться термином "социальный организм"¹². Я не считаю этот термин целесообразным. Если пользоваться терминами "социальный организм" и "биологический организм", то, естественно, необходимо пользоваться также термином "организм", определенным нетривиальным образом (т.е. не как лишь объединение понятий "социальный организм" и "биологический организм"). Пока такого термина никто не предложил (он ведь должен при этом различаться от понятия "система"). Кроме того, понятие "социальный организм" невольно вызывает аналогии с биологическими организмами, однако в биологии говорят и о популяциях. Те не являются организмами, но могут являться системами. Почему формацию тогда называть именно социальным организмом, а не социальной популяцией? Экспликативная сила термина "организм" при разъяснении понятия "общественно-экономическая формация" оказывается не выше экспликативной силы таких понятий, как "система"¹³. Приведенные возражения не относятся, впрочем, к использованию выражения "социальный организм" в текстах, написанных на быденном языке с метафорическим, а не научном использованием слов.

§ 3.

Как еще в прошлом веке подчеркивалось В.И. Лениным, понятие "формация" относится к системе из частей, принадлежащих к разным слоям общественной жизни, а не только к экономике¹⁴. Повидимому, основными из этих слоев являются экономическая, административно-политическая и духовная деятельность людей (включая средства деятельности). В немарксистской социологии стало привычным говорить о том, что существуют и некоторые специфические "социальные" отношения, которые не являются, например, ни экономическими, ни

¹² См. напр., Ю.И. Семенов. Категория "социальный организм" и ее значение для исторической науки. - "Вопросы истории", 1966 № 8.

¹³ Возражения против термина "социальный организм" см. также в В.Я. Израитель. Цит. соч., стр. 106-107.

¹⁴ См. В.И. Ленин. Что такое "друзья народа"... . ПСС, т. I, стр. 138-139.

политическими. Обычно они на деле оказываются духовными и социология превращается в социальную психологию. Действительно — каковы же отношения, которые не являются ни экономическими, ни административно-политическими, ни духовными?

Речь может идти о трех типах отношений. Либо мы говорим о том, что является общим для всех общественных отношений. Тогда мы говорим о социальных отношениях в отличие от биологических, химических и т.п.¹⁵ Либо мы говорим об отношениях между отдельными слоями общественной жизни, например, об отношениях между производственными отношениями и политическими отношениями. Либо мы говорим о том, что является общим для отношений, принадлежащих к нескольким, но не ко всем слоям общественной жизни. Тогда под социальными отношениями понимаются отношения, полученные путем каких-то операций из отношений, выбранных за исходные. В настоящей книге термин "социальное" используется в противопоставлении к терминам "биологическое", "химическое" и т.п. словам, обозначающим то, что марксистами обычно называется формой движения материи.

Рассматриваемое трехслойное строение общества можно графически изобразить при помощи блок-схемы Л5 на рис. 5, где Е обозначает экономическую деятельность, А — административную, а М — духовную деятельность (все вместе с соответствующими средствами):

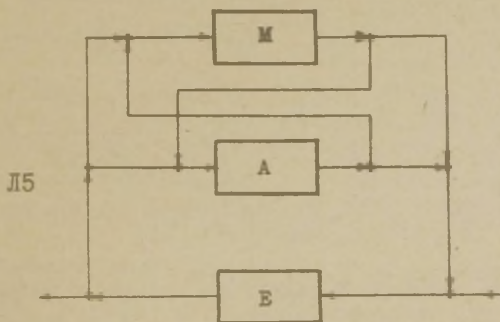

Рис. 5

¹⁵ Ср. употребление слова "социальное отношение" в К. Маркс. Морализирующая критика и критицирующая мораль. — Соч., т. 4, стр. 301.

В схеме Л5 определяющим, независимым элементом является экономическая жизнь людей. Учение о формациях исходит из общемарксистской предпосылки о том, что экономика всегда являлась и является основным условием всех остальных общественных явлений. В этой связи, кстати, полезно напомнить, что классики марксизма и в своих поздних работах считали, что экономика, в т.ч. производительные силы, является основой всех человеческих обществ:

"Плодосменное хозяйство, искусственные удобрения, паровая машина, механический ткацкий станок неразрывно связаны с капиталистическим производством, как и орудия дикаря и варвара - с его производством. Орудия дикаря обуславливают его общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия - капиталистическое общество"¹⁶.

И далее Энгельс упрекает Каутского: "Твой взгляд приводит к заключению, будто производство только теперь определяет общественный строй, но не определяло его до капиталистического производства, так как орудия не совершили еще никакого грехопадения"¹⁷. Это написано именно в то время, когда по мнению М.А.Виткина Ф.Энгельс придерживался концепции о "довешной" социальности¹⁸!

Модельная схема Л5 позволяет также иллюстрировать различие общественных отношений между отдельными слоями человеческой жизни и общественных отношений внутри отдельных слоев (блоков). Формация образуется слоями и межслойными связями¹⁹.

¹⁶ Ф.Энгельс. - К.Каутскому, 26.6.1884. - Соч., т.36, стр.146.

¹⁷ Там же, стр. 146.

¹⁸ См. М.А.Виткин. Цит. соч., стр. 81. Данное письмо Ф. Энгельса, кажется, осталось неизвестным М.А.Виткину, поскольку оно не упоминается в его библиографии (хотя данный том сочинений упоминается); см. М.А.Виткин. Цит. соч., стр. 108. Примеры более ранних высказываний подобного рода см. напр. К.Маркс. Ницета философии. - Соч., т. 4, стр.133, 134, 135, 143-144. Ф.Энгельс. Коммунисты и Карл Гейнцен. - Соч., т. 4, стр. 273-274.

¹⁹ Схемы, аналогичные Л5, могут быть кибернетически интерпретируемые. См. напр. Г.Клаус. Кибернетика и общество, гл. I, III. Тогда в нашем распоряжении оказывается формальный аппарат описания строения формации, аналогичный описанному в О.Ланге. Введение в экономическую кибернетику. М., 1968. К сожалению, в общем случае мы не умеем измерять состояния входов и выходов отдельных блоков, поэтому наличный аппарат пока бесполезен.

Сама экономика в марксистском учении о формациях интерпретируется как способ производства – как инвариантная в разных экономических общностях система из производительных сил и производственных отношений. При этом способ производства рассматривается не как система из двух совершенно равноправных частей, а как система, в которой доминантой является техническая, "вещественная" сторона. Напомним в связи с этим известнейшее высказывание К.Маркса (при этом опубликованное им самим в составе текста, целью которого, по его собственным словам, было дать краткое изложение его взглядов):

"В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил"²⁰.

И дальше:

"На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции"²¹.

Вышеуказанное показывает неприемлемость для марксиста взглядов Б.Хайнднесса и П.Хэрста, согласно которым доминантой в способе производства являются не производительные силы, а производственные отношения²². Кстати, эта трудность вынуждает их при объяснении смены некоторых формаций в качестве причинных факторов отдавать предпочтение не развитию производительных сил, а надстроечным явлениям²³. Отметим, что Хайнднесс и Хэрст не разделяют распространенного преимущественно среди французских исследователей включения в способ производства политических и идеологических форм и структуралистского представления о нематериальных закономерностях, детерминирующих экономику²⁴.

²⁰ К.Маркс. К критике политической экономии. – Соч., т. I, 3, стр. 6.

²¹ Там же, стр. 7.

²² См. В. Hindness, P. Q. Hirst. Pre-Capitalist Modes of Production. L., 1977 (1st ed. 1975), pp. 11 – 12.

²³ См. В. Hindness, P. Q. Hirst. Op. cit., pp. 280, 285–286.

У нас нет терминов для обозначения — аналогично термину "способ производства" — инвариантных в разных обществах административно-политических или духовных систем. Соответствующие отрасли науки пока только возникают. Между тем, из теории формаций следует существование таких инвариантных в разных обществах систем.

Основной идеей теории формаций является идея соответствия между собой инвариантных систем каждого слоя общественной жизни — соответствия инварианта государства инварианту экономики (т.е. способу производства), инварианта духовной жизни — инварианту экономики и инварианту государства. Принцип соответствия может быть истолкован, однако, двояким образом — как закон совместимости инвариантов и как принцип регулятивности в отношениях инвариантов²⁵.

Условимся говорить о совместимости между собой инвариантных систем различающихся слоев общественной жизни, когда оба элемента соответствия принимают значения, при которых возможно существование второго из них. В принципе (в первом приближении) отношение совместимости описывается биективной функцией. Закон совместимости утверждает, что если имеется некоторый способ производства, то может иметь место только некоторый тип государства (вообще — административной жизни) и т.п. Например: если имеет место

²⁴ См. B. Hindness, P. Q. Hirst. Op. cit., pp. 9-14, 19, 63 - 70, 73 - 78. Обзор исследований структуралистов и зарубежных марксистов (в первую очередь французских) в связи с вопросами о строении формации и о характере дофеодалных обществ можно найти, например, в: B. M. Peřinbař. Homo Africanus: Antiquus or Oeonomicus? - "Comparative Studies in Society and History", vol. 19 No. 2.

Обстоятельная библиография зарубежных работ по вопросам общественно-экономических формаций, включающая сведения об основных французских трудах, имеется в: B. Hindness, P. Q. Hirst. Op. cit., pp. 342 - 347.

²⁵ Связи между отдельными слоями в марксистской литературе изучаются уже давно. Так, подробно рассматривались взаимоотношения между производительными силами и производственными отношениями, между базисом и надстройкой, между общественным бытием и общественным сознанием. Различение регулятивности и совместимости в советской литературе, относящейся к соответствию производительных сил — производственных отношений, исследовано в Э. Н. Лооне. Методологические заметки о теории общественно-экономических формаций, стр. 168-171. Ср. также М. А. Селезнев. Социальная революция. М., 1971, стр. 250-261. О распространении этого анализа на взаимоотношения базиса и надстройки см. Э. Н. Ло-

капиталистический способ производства, то может иметь место только "капиталистическое" государство.

В недоминантных слоях к некоторой формации причисляется та надстадия, которая соответствует образующей формации стадии доминанты - способа производства. Этим допускается сохранение условия, согласно которому стадии каждого слоя выделены по критериям, относящимся к самим слоям. Ведь если мы выделяем стадии недоминантных слоев только по взаимоотношениям их с доминантой, то, принимая принцип соответствия, все равно, сказать ли, что капиталистическое государство обслуживает капиталистический способ производства или сказать, что государство называется капиталистическим, поскольку оно обслуживает капиталистический способ производства. О внутренней жизни такого государства, о его собственных признаках (напр. строении) в обеих формулировках ничего не говорится, будто бы одна и та же государственная машина способна обслуживать разные способы производства! Между тем, из закона совместимости вытекает, что это не так, что не всякий вид государства способен "обслуживать" капиталистический способ производства, т.е. одни государства по "внутренней природе" неспособны быть в соответствии с капиталистической экономикой, а другие - способны²⁶.

Мы не можем, конечно, предполагать, что изменения во всех слоях общественной жизни наступают одновременно. Мы не можем даже предполагать, что изменения доминанты (способа производства) обязательно наступят до изменений в других слоях общественной жизни (речь идет об изменениях, в результате которых совершается переход от одной стадии к другой). Все это не противоречит закону совместимости если допускает состояние временного "конфликта" между разными слоями; однако - такой конфликт не может в каждом отдельном случае продолжаться неопределенно долго! Закон совместимости. Цит. соч., стр. 178. Методы формализации отображения рассматриваемых соответствий разработаны, напр., в Г. Клаус. Кибернетика и общество, стр. 52-102, 394-419.

²⁶ Следовательно, социализм (коммунизм) не совместим с любым государственным аппаратом, например - с капиталистическим. См. В.И. Ленин. Государство и революция. - В.И. Ленин. ПСС, т. 33.

тимости утверждает, что,

ЕСЛИ

в пределах одного слоя совершается стадийный переворот, эквивалентный переходу от одного способа производства к другому,

ТО

либо в остальных слоях совершается такой же переворот, либо в слое, в котором совершался переворот, совершается обратный переворот, либо гибнет данное общество.

Изменения в пределах каждого слоя могут совершаться и по внутренним и по внешним причинам. Но если отсутствуют экономические условия для замены одного способа производства другим, то формация ни в коем случае не сменится.

Закон совместимости необходимо отличать от принципа регулятивности (взаимовлияний). Принцип регулятивности утверждает, что в пределах, устанавливаемых доминантным строением формации, изменения в каждом слое влияют на изменения в других слоях. Все остальные слои выступают регулятором по отношению к способу производства. На экономику влияет деятельность государства — и характер общественной мысли. Но и сама экономика тоже влияет на деятельность государства или характер общественной мысли!

Регулятивность может выступать как внутриформационная и как межформационная. В первом случае изменения в одном из слоев вызывают изменения в некоторых других слоях общественной жизни, однако без перехода любого слоя через границу, отделяющую стадии данной формации от стадий некоторой другой формации. Во втором случае изменения в одном слое вызывают переход этого слоя в стадию, стоящую по ту сторону границы формации, а изменившееся состояние такого слоя становится по крайней мере частичной причиной перехода всего общества через формационную границу. Заметим, что изменения недоминантного слоя никогда не будут полной причиной смены формации. Для обо-

их случаев имеют силу и обратные утверждения (отсутствие изменений в одном из слоев препятствует изменениям в других слоях)²⁷.

Подводя итоги, можно сформулировать следующее определение:

будем называть общественно-экономической формацией (кратко: формацией) систему, состоящую из одного и только одного способа производства и из всех тех и только тех инвариантных явлений в остальных слоях общественной жизни, которые совместимы только с этим способом производства и находятся в отношениях взаимодействия между собой и со способом производства.

Г л а в а III

Проблемы понятийного аппарата теории формаций

§ I.

На том же уровне абстракции, на котором находится понятие "общественно-экономическая формация", создается целое семейство понятий, основывающихся на нем. Пожалуй, первым стоит упомянуть ступень формации. Ступенью капиталистической формации является, например, империализм (в том значении этого слова, которое было введено В.И. Лениным^I). Ступень формации — это стадия внутри формации, стадия в развитии способа производства, наступление которой влечет за собой стадийные изменения в других слоях общественной жизни. В развитии всех формаций обычно выделяют ступени возникновения, классического функционирования и упадка. Но это не значит, что всегда необходимо держаться такой трехчленной схемы. Никто не доказал, что формации должны иметь три и только три ступени, нет принци-

²⁷ Все указанные случаи обычно объединяются под терминами "ускорение развития" и "торможение развития", хотя не ясно, что означает термин "развитие", когда его употребляют для обозначения изменений, не влекущих за собой смену стадий.

^I См. В.И. Ленин. Империализм как высшая стадия капитализма. (Популярный очерк). — В.И. Ленин. ПСС, т. 27.

пиально никаких препятствий для введения в некоторой формации, скажем, четырехчленной схемы (с двумя стадиями "классического" функционирования).

От понятия "ступень формации" следует различать понятие "вариант формации". Так, мы говорим о восточном феодализме и о западном феодализме. Варианты выделяются в пределах одной и той же стадии — или в пределах формации или в пределах ступени формации.

Как в случае с вариантом формации, так и в случае со ступенью формации речь все время идет о частях одной и той же формации. Империализм — это все тот же капитализм. Таким образом, ступени или варианту формации присущи все признаки данной формации, и еще некоторые дополнительные признаки. Любые утверждения, имеющие силу для данной формации имеют, естественно, силу и для любой ее ступени или варианта. Но кроме них, для любой ступени формации и для любого варианта формации имеют силу еще некоторые специфические множества высказываний, не относящиеся к другим ступеням или вариантам.

Если одни понятия мы получаем, рассматривая части формации, то другие понятия можно получить, принимая сами формации как части, входящие в какие-либо более "широкие" образования. Так, можно ввести понятие "комплексная формация". Комплексной формацией можно назвать формацию, частями которой являются формации, объединенные в одно целое посредством регулярных и достаточно интенсивных связей так, что существование каждой из частей предполагает существование другой части. Предположим, в товарно-рыночном способе хозяйствования могут участвовать хозяйства, основанные на рабовладении и хозяйства капиталистические. Тогда мы имеем комплексную рабовладельческо-капиталистическую формацию. В качестве комплексной формации можно рассматривать и общество, в базисе которого производственные отношения одного типа господствуют во внутренней экономической жизни, а производственные отношения второго типа — в экономических взаимоотношениях с остальным миром².

² См. о них В.В.Крылов. Характерные черты социально-экономических процессов в обществах развивающихся стран. — "Вопросы философии" 1976, № 9, стр. 98.

Понятие комплексной формации осмыслено при условии, что ее можно отличать от состояния перехода из одной формации в другую. Повидимому, такое различие можно делать исходя из концепции стабильности. Мы имеем дело с комплексной формацией тогда, когда система из двух формаций является относительно стабильной (в структурном, а не в конъюнктурном смысле), и переходным состоянием, когда одна часть вытесняется другой частью.

Строго говоря, переходные состояния вообще не принадлежат ни к одной формации³. Противоположное утверждение привело бы к истинности высказывания: "Переход от одной формации к другой совершается мгновенно". Историки-марксисты на практике не придерживаются взгляда, что указанное высказывание является истиной. На это имеются серьезные эмпирические причины. Утверждение о мгновенности переходов означает, что все действия всех людей могут измениться строго одновременно и в то же время мгновенно. Такое утверждение в общем случае явно ложно. Поэтому теоретически полезно различать два состояния общества — состояние формационности (принадлежности к формации) и состояние революционности (принадлежности к революции, к переходу от одной формации к другой). Конечно, в учебниках иногда начало новой формации приурочивается к известному дню (и почему не к секунде?!) — прежде всего в заголовках. Что в подобных случаях имеется в виду, — это совершение в такой день (в такой час) некоторого решающего изменения, обеспечивающего переход данного общества от старой формации к новой. А

³ Среди советских историков важность признания особых переходных стадий подчеркивается в А.И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному. — "Вопросы истории", 1967 № 1. См. также отчет об обсуждении его доклада на ту же тему в З.С. Самодурова. Актуальные проблемы ранней истории феодальной формации. — "Вопросы истории", 1966 № 9, стр. 161. Всеобщий характер переходных периодов утверждается в В.Я. Израитель. Ит. соч., стр. 87. Самостоятельным явлением переходные периоды признаются в W. Seyfarth. Die Spätantike als Übergangszeit zwischen zwei Gesellschaftssystemen. — "Zeitschrift für Geschichtswissenschaft", 1967, Hf. 2.

затем в тексте всегда явно показывается, что переход отсюда еще не завершился ни на следующий день, ни даже на следующий год после решающего события. Мы, марксисты, пользуемся понятием скачка от одного качества к другому. К которому качеству принадлежит скачок? Ни к старому, ни к новому. (Иногда говорят — одновременно к обоим; но этого мало, потому что в состоянии, именуемым скачком, происходит нечто, не имеющее места ни в старом, ни в новом качестве).

От комплексных формаций полезно отличать то, что можно обозначить словом "надформация"⁴. Надформацией будем называть выделенное по некоторым признакам множество формаций. Так, все формации с эксплуатацией человека человеком (в марксистском понимании этого слова) составляют одну надформацию.

Заметим, что по приведенному определению в надформацию может входить и только одна формация (а не обязательно несколько). Положим, для выделения надформаций взято два признака: получение регулярного прибавочного продукта и эксплуатация. Тогда налицо три надформации: первая охватывает первобытно-общинный строй (регулярного прибавочного продукта нет, эксплуатации нет), вторая включает рабовладельческую, феодальную и капиталистическую формацию, а третья — коммунистическую⁵. Кстати, при характеристике формации, которая является единственной частью надформации, необходимо всегда иметь в виду различие между формационными и надформационными характеристиками. Использование последних необходимо, но вместе с тем еще недостаточно для описания некоторой формации.

⁴ Термин "надформация", наряду с термином "подформация", имеется в В.Я. Израйтель. Цит. соч., стр. 29.

⁵ Я пока отвлекаюсь от всех спорных вопросов номенклатуры и характеристик отдельных формаций, включая оценку достижений науки последних десятилетий, и использую традиционные в 1940-х — 1950-х годах схемы.

§ 2.

Зададим вопрос: как понимать выражение "изменение формации"? Для начала полезно напомнить о проводимом в некоторых произведениях историков различении между "структурными" и "конъюнктурными" изменениями⁶. Вторые совершаются при постоянстве "структурного" состояния. Конечно, исследователь всегда может выбирать нечто за структуру, и то, что в случае одного выбора является структурным изменением, может в другом случае оказаться конъюнктурным. Тем не менее, никаких оснований для релятивизма или субъективизма тут не имеется. Субъективно может быть выбран масштаб (измеряем ли мы в метрах или в километрах), однако сама величина изменений не зависит от масштаба.

Вернемся теперь к понятию "изменение (изменения) формации".

Во-первых, изменение формации — это замена ее другой, или то, что марксисты называют социальной революцией. По отношению к такому изменению все изменения в пределах формации являются конъюнктурными.

Во-вторых, изменение формации — это переходы от одной ступени данной формации к другой или от одного варианта к другому (словечко "или" показывает, что и то и другое может происходить одновременно). В этом смысле переход к империализму — изменение капиталистической формации. "Сущность" формации не меняется, но что-то существенное меняется. По отношению к переходу от одной формации к другой внутриформационные стадийные и вариантыные переходы являются конъюнктурными — но именно по отношению к социальным революциям!

Конечно, внутри каждой формации могут иметь место конъюнктурные изменения, характерные всем или нескольким стадиям или вариантам данной формации. При капитализме таковыми, например, являются кратковременные колебания цен, а для нескольких стадий капитализма — экономические циклы.

⁶ См. напр. К.В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в Поздней Византии, стр. 14–15.

Естественно, внутри каждого варианта или каждой ступени также могут иметь место конъюнктурные изменения — изменения, в ходе которых ступень или вариант формации не меняется.

Наконец, отметим следующее. Как известно, в части литературы существует известное нежелание рассматривать переход от первобытно-общинного строя к классовому обществу, например к рабовладению, как социальную революцию. Такие авторы вроде бы признают определение социальной революции как перехода от одной формации к другой, и все же их нечто смущает. Дело, конечно, не в одном неумении мыслить теоретически (или даже эмпирически). Корнем трудности, интуитивно осознаваемой этими авторами, является именно то, что в данном случае происходит и нечто другое, чем смена одной формацией другой. В введенной терминологии это выразить просто: происходила такая смена одной формации другой, которая одновременно являлась и сменой одной надформации другой. Сказанное легко применить к экспликации того, что мы называем всемирно-исторической значимостью социалистической революции.

§ 3.

Рассмотрим два выражения:

(А) "капитализм";

(Б) "Англия (т.е. английское общество) в 1848-1868 гг."

Чем они различаются? Ведь английское — и все британское — общество в указанные годы было капиталистическим. Но в выражении (А) называется формация, в выражении (Б) некоторое индивидуальное⁷ общество.

⁷ Я пользуюсь словом "индивидуальное", а не "конкретное". Конечно, если этого пожелают, термин "конкретное" можно применять не только гносеологически, не только по отношению к мыслям, но и онтологически, по отношению к материальным вещам. Однако мне такое словоупотребление кажется насильственным. Признавая конкретные вещи, общества, нужно признавать и абстрактные вещи, общества. Но что такое абстрактная вещь? В мышлении абстракция получается в результате отвлечения от чего-то и представляет новую мысль. Но как это применить по отношению к вещам?

Рассмотрим теперь два высказывания, бесспорно, одного из крупнейших марксистов (они взяты из сочинения полеми - ческого, и я опускаю те части текста, где речь идет не об интересующих нас в данном контексте проблемах):

(В) "Теперь - со времени появления "Капитала" - материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, и пока мы не будем иметь другой попытки научно объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации - именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т.п. - ... до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки"⁸.

(Г) "Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что обще всем им"⁹.

И в цитате (В), и в цитате (Г) ясно различается, с одной стороны, понятие формации, а, с другой стороны, понятия "страна", "народ", "быт страны" и т.п. В одном случае речь идет об общей части нескольких таких образований, в другом - о каждом из таких образований как с общими, так и с отличающимися свойствами, чертами, отношениями и т.п. Выражения (А) и (Б) явно не могут быть тождественными для автора цитат (В) и (Г). Для оформления разницы выражений (А) и (Б) мы и вводим, с одной стороны, понятие формации, а с другой стороны, понятия, вроде "индивидуальное общество", "государство", "страна".

Интересно отметить, что это различие не всегда осознавалось советскими философами. Рассмотрим следующую цитату:

"Итак, общественно-экономическая формация - это определенное исторически конкретное общество, т.е. общество на данном этапе его развития. Общественно-экономическая формация включает в себя все общественные явления в их ор-

⁸ В.И. Ленин. Что такое "друзья народа"... - В.И. Ленин, ПСС, стр. 139-140.

границесом единстве и взаимодействии на основе способа производства¹⁰.

Но ведь В.И. Ленин как раз писал о том, что формация не включает в себя все общественные явления — например то, что отличает одну капиталистическую страну от другой. Если формация — конкретное общество, то Англия 1850 г. — одна формация, 1875 г. — вторая, 1900 г. — третья, то же относится и к Германии и т.д., а понятие формации теряет свой смысл.

Различие между рассмотрением формаций и рассмотрением отдельных обществ (Англии в 1852 г., России в 1878 г., Древних Афин в 432 г. до н.э.) — это разница в уровне обобщения¹¹. При помощи понятия "формация" Маркс указывал на более общие явления, чем при помощи понятия "Франция Луи Бонапарта". Создав понятие общественно-экономической формации, Маркс создал теоретический, "абстрактный" объект наподобие тех, которые используются в естественно-научных теориях.

Обратимся теперь к выражению, иногда повторяемому историками (преимущественно в устных разговорах): "Чистых формаций нет". Выражение это — явно ложное. Если признавать комплексные формации, то все формации делятся на чистые и комплексные. Если не признавать комплексные формации, то тогда имеются только чистые формации.

Другое дело, как ответить на вопрос: "К какой формации принадлежит данное индивидуальное общество?" Это — вопрос о том, отнести ли данное общество целиком к одной формации или нет. "Чистой формацией" в этом смысле можно называть формационно однородное индивидуальное общество. Были ли такие общества? По-видимому, были. Скажем, Прибалтику в XVIII в. н.э. или большинство западноевропейских стран в XII—XIV вв. н.э. можно относить к феодальной фор-

⁹ В.И. Ленин. Что такое "друзья народа". — В.И. Ленин. ПСС, стр. 139—140.

¹⁰ В. Келле, М. Ковальзон. Исторический материализм. М., 1962, стр. 39. Критика этого взгляда имеется в В.Я. Израитель. Цит. соч., стр. 29.

¹¹ Наличие в данном случае необходимости концептуального различения уровней рассмотрения осознается в В.Я. Израитель. Цит. соч., стр. 15. Однако им это различие не доводится до терминологического.

мации, а США 1900 г. н.э. или Нидерланды 1870-х гг. н.э. можно без излишних натяжек относить к капитализму. Наконец, большую часть времени своего существования, согласно существующим точкам зрения, человечество провело в рамках первобытно-общинного строя. Практически, во всяком случае, можно находить формационно однородные общества.

Однако, отрицать вообще формационно неоднородные индивидуальные общества не следует. Всем марксистам должно быть знакомо понятие "социально-экономический уклад": в ряде случаев формационную принадлежность индивидуального общества нельзя определять без учета многоукладности прежде всего экономики¹². Многоукладность экономики порождает многоукладность идеологий — и даже административно-политической жизни. Конечно, государство обычно выражает интересы (потребности) лишь одного господствующего класса одного из всех наличных в данном обществе укладов, хотя на уровне политических движений все классы и группировки всех укладов могут влиять на государство и характер политической жизни. Но даже в случае с государством вопрос не так прост — достаточно хотя бы напомнить проблему проникновения русской буржуазии в царский государственный аппарат в 1861-1917 гг.¹³.

Наличие в индивидуальном обществе многоукладности служит основой постановки проблемы его формационной идентификации прежде всего следующим образом¹⁴:

¹² Уклады не следует смешивать с вариантами. Многоукладность в некотором отдельном обществе — не то же, что многовариантность формации и многовариантность в формационно однородном обществе. Такое смешение, повидимому, налицо напр. в А.Я.Гуревич. Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, стр. 15-18.

¹³ См. об этой и близких к ней проблемах в В.Ф.Романов. О социально-экономической основе Российского самодержавия эпохи империализма. — "Вопросы истории", 1976 № 5.

¹⁴ В трудах советских историков проблема формационной принадлежности обществ с разноструктурными компонентами ставилась, например, в Е.М.Штаерман. К проблеме структурного анализа в истории. — "Вопросы истории", 1968 № 6, стр. 37.

- (1) имеем ли мы дело с комплексной формацией? или
(2) имеем ли мы дело с переходом от одной формации к другой? или
(3) можно ли определить ведущий, господствующий уклад? или
(4) имеем ли мы дело с "конгломератом", недостаточно связным обществом?

Явно, что признание комплексной формации может совмещаться с признанием многоукладности на уровне индивидуальных обществ. При этом, в отличие от случая, выделенного в вопросе (4), уклады эти должны быть "органически" связаны. Ведь многие завоеватели прежних времен создавали силой оружия огромные империи, которые функционировали как единое целое только в одном-двух аспектах, да и то не особенно успешно — они распадались довольно быстро (с точки зрения истории, конечно, не отдельной человеческой жизни). Империя Александра Македонского явно различается от общества США первой половины XIX в., хотя в обоих существовала многоукладность. Но США первой половины XIX в. можно выдвигать в качестве образца комплексной формации (с несколькими укладами): существовал единый рынок на многие предметы первой необходимости, валютные поступления от экспорта продукции рабовладельческих хозяйств поддерживали финансовую систему, необходимую также для северного капитализма и т.д.

Наличие нескольких укладов в переходных ситуациях, по-видимому, дополнительных разъяснений пока не требует. Более сложной представляется проблема определения "ведущего", "господствующего" уклада¹⁵. Если у нас имеются основания выделить один уклад многоукладного общества в качестве ведущего, господствующего, то мы можем это общество относить к той же формации, к которой принадлежат явления ведущего уклада (хотя оговаривая, какие еще уклады в нем существо-

¹⁵ Внутри индивидуальных обществ может и не быть "господствующего" уклада. См. напр. В.В.Крылов. Цит. соч., стр.98.

вали). Но проблема состоит как раз в том, каковы те обстоятельства, которые могут служить рациональным основанием выделения одного из укладов в качестве ведущего¹⁶.

В случае с переходным обществом дело обстоит проще. Ведущим является там уклад, который определяет ход развития всего индивидуального общества в целом. Значит, уклад, относящийся к следующей формации, становится ведущим до того, как охватывает 50% населения или 50% производимого продукта. В случае с конгломератом ведущего уклада в принципе быть не может, ибо конгломерат не функционирует как одно целое.

§ 3.

На уровне индивидуальных общественных образований могут быть выделены и обозначены понятиями явления, не являющиеся формациями и тем не менее охватывающие несколько сфер человеческой жизни. Примеры просты: "Англия", "античный полис", "Средиземноморье". Соответственно могут быть вычленены и исследованы системы явлений, например, "международные отношения".

Подобное вычленение является чисто реконструктивным. Люди на практике своего времени выделяют некоторые явления (производят "эмпирические абстракции" П.Боллхагена) и дают им имена¹⁷. Можно попытаться создавать и эмпирические термины, например "регион", "цивилизация"¹⁸. Такие термины выражают некоторое общее, имеющееся в нескольких

¹⁶ Этот вопрос легче решать на уровне теории одной формации. Так, рассмотрим экономику, в которой имеются и капиталистические и мелкотоварные хозяйства. Первые можно назвать экономически ведущими постольку, поскольку они определяют ценообразование на рынке (обмен по ценам производства, а не непосредственно по стоимостям) и тем самым — ход воспроизводства.

¹⁷ См. К. Маркс. Замечания на книгу А. Вагнера. — Соч., т. 19, стр. 377.

¹⁸ См. напр. М. А. Барг, Е. Б. Черняк. Регион как категория внутренней типологии классово-антагонистических формаций. — Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972.

индивидуальных обществах. Это общее — не обязательно только формационные характеристики (в том числе принадлежность к варианту, ступени, надформации).

Теперь возникает вопрос, можно ли создать единую систему теоретических понятий, учитывающих индивидуальные характеристики отдельных обществ. Можно ли, например, выделить некоторую многослойную часть человечества в качестве единственной исходной единицы исследования, независимо от формационной принадлежности данной части? Существуют ли такие исходные универсальные единицы или даже только одна исходная универсальная единица ("социальный организм", "соцлун").

Из теории формаций следует, что поиск подобных единиц осмыслен прежде всего в пределах одной формации. В пределах надформации, а тем более в пределах всего человечества в течение всего его существования такая единица окажется настолько бедной признаками (если она вообще существует), что навряд ли будет обладать какой-либо познавательной ценностью. Данный вывод подкрепляется фактическими результатами исторических исследований. Возьмем, например, суверенное государство. Это понятие хорошо обозначает явления, принадлежащие к капиталистической формации. Но как обстояло дело в условиях феодализма? Даже если мы отвлекаемся от иммунитета, концепция суверенитета не так просто применима к феодальным государственным образованиям хотя бы средневековой Европы. Чем была Священная Римская империя германского народа? А ганзейский союз? Или чем были русские княжества перед татарским нашествием? Явно что концепция государственного суверенитета, выработанная в буржуазном праве, тут неприменима. Неприменима потому, что разные формации, будучи качественно отличными друг от друга, отличаются по основным чертам своих политических, государственных явлений. Соответственно, понятия, выработанные для обозначения ситуации в пределах одной формации, часто непригодны для обозначения ситуации в другой формации.

Конечно, такие понятия, как регион, обосновано применимы для обозначения явлений, принадлежащих к разным формациям. Но попробуем дать характеристику региональной спе-

цифики просто Средиземноморского региона (на всем протяжении его населенности людьми)! Явно, что такое обобщение даст нам очень мало. Но как только мы спустимся с уровня общечеловеческого на уровень одной или нескольких формаций, понятие региона становится полезным, ибо для его образования приходится указывать на характеристики, наборы которых отличаются от характеристик, требуемых для образования понятия "формация".

Более того, на таком уровне сразу становится перспективным изучение региональных отличий и межрегиональных связей. А отсюда открывается путь к созданию теорий, скажем, региональных связей в условиях феодальной формации, или региональных связей в условиях капиталистической формации. По отношению к теориям регионов теория формаций выступает как более абстрактная теория и одновременно как более общая теория. Теории регионов не будут поэтому частными случаями теории формаций, хотя в то же время не должны противоречить теории формаций.

§ 4.

Обратим теперь внимание на следующие вопросы:

- (а) что значит: "исследовать формации"?
- (б) что значит: "исследовать некоторую формацию"?
- (в) что значит: "исследовать индивидуальное общество"?
- (г) что значит: "исследовать специфику индивидуального общества"?

го общества"?

Прежде всего бросается в глаза общее для вопросов (а) ... (г): во всех требуется исследовать нечто. Но в исторической науке исследовать можно на трех уровнях - на реконструктивном, на эмпирическом и на теоретическом. Исследование является познавательно полным, если оно проведено на всех уровнях познания. Отдельный кусок исследования не обязан быть познавательно полным. То, что относится к науке, не относится к одной статье или к одной монографии.

Исследования для ответа на вопросы (а) и (б) являются познавательно полными, если имеется теория формаций и гео-

рии (теория для (б)) отдельных формаций, научно объясняющие эмпирические факты, которые, в свою очередь, соответствуют реконструктивным фактам. Но как исследовать теоретически индивидуальное общество? Ведь создание самостоятельной теории для одного индивидуального общества лишено смысла: такая теория, по всей вероятности, окажется теорией ad hoc. Эмпирическое исследование одного индивидуального общества тоже затруднительно, ибо нельзя выделить общие черты некоторого общества, не исследуя нескольких обществ. Другое дело, если мы исследуем определенные части индивидуального общества. Их можно исследовать и эмпирически и теоретически.

Но рассматривая индивидуальное общество в целом, можно все-таки ставить теоретические (и эмпирические) задачи. Во-первых, разные теории ведь применимы для N-объяснения разных событий и явлений индивидуального общества. Выходящее за пределы реконструктивного исследование индивидуальных обществ занимается именно применением (а иногда и опровержением) существующих теорий. Во-вторых, чтобы перейти от реконструктивного рассмотрения к другим ступеням исследования, следует изобразить индивидуальное общество не на реконструктивном языке, а какими-то другими средствами. Кибернетики ввели, например, метод блок-схем. Построение блок-схемы индивидуального общества может вполне стать средством такого перевода, следовательно — исследовательской деятельностью, хотя и отличающейся от добывания реконструктивных фактов.

Займемся теперь различиями вопросов (а)...(г). Эти различия можно выразить фразой "различия объекта исследования". Если изучают специфику индивидуального общества, то изучают только то, что отличает данное общество от остальных индивидуальных обществ. Для выяснения специфики, естественно, необходимо изучать и остальные индивидуальные общества! Если изучают просто некоторое индивидуальное общество, то изучают как его специфические, так и общие черты. На реконструктивном уровне именно такое исследование и является единственно возможным.

Если объектом изучения служит формация, а не отдельные общества, то, конечно, основные результаты исследования формулируются на эмпирическом и теоретическом уровнях. Изучение капитализма не тождественно изучению английского капитализма и изучению американского капитализма и изучению всех остальных капитализмов, а является изучением общей части — пересечения — английского, американского и прочих капитализмов. К.Маркс в "Капитале" изучал именно капитализм. Подобным образом, естественно, можно изучать и феодализм или первобытность.

Если объектом изучения служит формация, то возникает проблема, которая не возникала в таком виде при изучении одной формации. Это — проблема связи формаций (именно формаций, а не индивидуальных обществ разной формационной принадлежности). Указав связь необходимо фиксировать эмпирически и объяснять теоретически. Объяснять надо не просто наличие нескольких формаций, а и порядок их появления. Восхваляемый некоторыми структуралистами синхронный (правильнее: акронный!) подход не дает даже возможности ставить подобные вопросы. Однако именно они и характерны для исследований, называемых нами историческими.

Г л а в а IY

Последовательность формаций

§ I.

Зададим теперь вопрос: существует ли между формациями отношения порядка? Все марксисты дадут на этот вопрос утвердительный ответ, признают, что формации возникают (существуют) в определенной последовательности. Это означает, что марксистами не допускается существование любых мыслимых порядков в пределах заданного множества формаций; следовательно — вопросы о порядке появления (существования) формаций познавательны существенны в пределах марксистской теории формаций.

Порядок или последовательность формаций можно формализованно представить путем некоторого графа. Пусть вершины графа будут замещать некоторые формации, а ребра графа будут отмечать переходы от одной формации к другой. Направление ребра будет отмечать направление перехода. Тогда разные формулировки последовательностей общественно-экономических формаций будут различаться друг от друга как графы, не изоморфные друг другу, а каждый из графов будет некоторым ответом на вопрос: "Каков порядок формаций?"

Примем следующие обозначения общественно-экономических формаций (наименования вершин графа):

- Р - первобытно-общинная формация
- А - "азиатская" формация
- С - рабовладельческая ("античная") формация
- Ф - феодальная формация
- С - капиталистическая формация
- И - коммунистическая формация.

Оставим пока в стороне проблему, существовал ли азиатский способ производства (и, соответственно, азиатская формация) - ведь наименованиями, значит и понятиями, можно обозначать и несуществующее (Баба-Яга, Коцей Бессмертный). Некоторые авторы полагают, что можно выделить особую "азиатскую" формацию, поэтому термин необходим при описании их точки зрения, хотя они сами могут ошибаться (т.е. понятие окажется пустым). При необходимости будем в дальнейшем вводить названия и для некоторых других формаций.

Иногда может наблюдаться неопределенность, нерешенность вопроса о наличии дальнейшего развития в виде перехода к новым формациям. Так, специалистами обычно обходится вопрос, является ли коммунизм последней формацией или нет. Речь, конечно, идет не о том, продолжается ли развитие, а о том, продолжается ли смена формаций. Развитие может продолжаться и в виде смены ступеней одной и той же формации. Подобную неопределенность будем отмечать "...".

Рассмотрим теперь некоторые основные последовательности формаций, наличие которых утверждается в трудах марксистских авторов.

К.Маркс в предисловии к своему произведению "К критике политической экономии" сформулировал следующий закон смены общественно-экономических формаций^I:

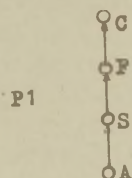

Рис. 6

В этой формулировке речь шла о последовательности формаций, которые возникли к моменту написания указанного произведения, - естественно, что в нем не называется коммунистическая формация. О первобытно-общинном строе классики марксизма стали серьезно писать несколько позже, поскольку в 1850-е и даже в 1860-е гг. о нем не существовало достаточных научных сведений.

В 1940-е и 1950-е гг. общепринятой явилась следующая формулировка последовательности формаций:

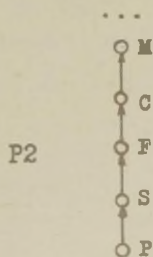

Рис. 7

^I См. К.Маркс. К критике политической экономии. - Соч., т. 13, стр. 7.

Если признать существование азиатской формации, то граф последовательности формаций приобретает вид P3 (см. рис. 8):

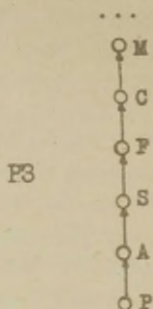

Рис. 8

Графы P2 и P3 отличаются только по количеству вершин, ибо оба представляют собой элементарную ориентированную цепь. По форме - способу связи элементов (т.е. формаций, вершин графа) - P2 и P3 не различаются. Они нетождественны лишь по количеству и по наименованиям вершин. То же самое имеет силу для их соотношения с графом P1. Следовательно, введение азиатской формации само по себе не означает принципиального изменения в этой части теории формаций. Естественно, то же относится и к введению любой другой формации: изменение длины цепи не есть еще изменение формы цепи.

§ 2.

Представление последовательности формаций в виде одной элементарной цепи вызывает, однако, определенные трудности. Дело в том, что поскольку речь идет о некоторой регулярности, в ней не должно быть исключений: наличие исключений означает наличие иной регулярности, разные наборы исключений означают разные регулярности! Феномен пропуска той или иной формации в историческом развитии отдельных

народов означает опровержение той формулировки последовательности формаций, которая не допускает подобного пропуска. Так, германцы и славяне перешли непосредственно от первобытно-общинного строя к феодализму, но ни P2, ни P3 этого не допускают. Либо необходимо доказать, что германцы и славяне прошли рабовладение (а, может быть, также азиатскую формацию), либо — отказаться не только от P2 и P3, но и вообще от элементарных графов.

Правда, есть еще одна возможность. Следует различать возникновение новых отношений в результате саморазвития и при внесении их извне, например, в результате завоевания, а иногда и сотрудничества разных народов². Последовательность формаций — результат саморазвития³. Одно дело, если мы прививаем к яблоне одного сорта ветку с другим сортом, другое дело, если без всякого внешнего вмешательства происходит чудо и на одной и той же яблоне вдруг вырастают плоды двух сортов. Приняв намеченный выход для спасения изображения последовательности формаций в виде элементарного графа, следует доказать, что все случаи пропуска формации, наблюдаемые в истории, были вызваны внесением новых общественных отношений — прежде всего нового способа производства — извне⁴. Кажется, что удовлетворительные доказательства подобного рода отсутствуют.

Можно, конечно, заявить, что утверждение об определенной последовательности формаций не означает того, что

² В случае сотрудничества у некоторого народа наличие желание пропустить одну формацию и перейти сразу к более "высокой", но нет внутренних условий для реализации подобного перехода.

³ Проблема формационного изменения в результате взаимодействия разноформационных обществ называется часто проблемой синтеза. См. напр. Е.М. Жуков. Некоторые вопросы теории социально-экономических формаций. — Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975, стр. 18-19.

⁴ Третья возможность понять пропуск формации рассматривается в гл. У § 2.

каждый народ в своей истории проходит все формации, а только то, что человечество в целом проходит все формации. Но представлением такого утверждения служит уже неэлементарный граф, например несвязной граф P4:

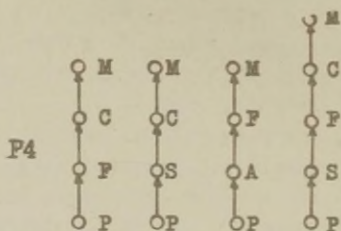

Рис. 9

Все дело в том, что имеется много таких множеств вершин, из которых можно конструировать более одного леса из каждого. Даже если мы примем ограничительную предпосылку, что в порядке, зафиксированном на P3, отдельные вершины могут быть пропущены, но неравенства дальностей вершин от корня каждого дерева должны быть соблюдены, результатом будет несколько вариантов леса. Можно даже сконструировать лес, в котором не будут встречаться в качестве деревьев элементарные цепи P2 и P3, напр. лес P5:

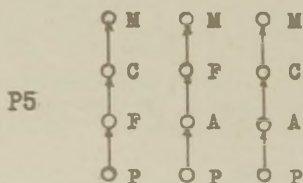

Рис. 10

Имеется еще одна возможность признать феномен пропусков формаций и сохранить изображение последовательности формаций в виде одной элементарной цепи. Это - рассмотрение изображения последовательности формаций как изображения некоторого статистически среднего случая (конечно, статистически следует тогда доказать, что именно такая, а не

иная последовательность является, скажем, арифметической средней). В таком случае мы отказываемся от требования строгой обязательности порядка смены формаций. Позднее мы покажем, что этот выход несовместим с марксизмом.

Несвязной граф не является единственной альтернативой изображению последовательности формаций в виде одной элементарной ориентированной цепи. Можно применять и связные неэлементарные графы. Так, если допустить возможность пропуска любого количества формаций (одного, двух, трех и т. д.), то можно описать следующую последовательность формаций:

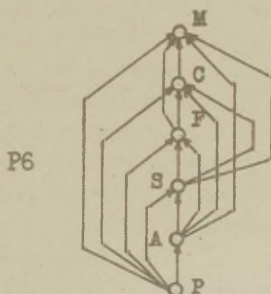

Рис. II 231

Трудности в теории формаций часто связаны с проблемой рабства, с проблемой места и судеб рабовладельческой ("античной") общественно-экономической формации. Кстати, само по себе рабовладение в наши дни не представляет широко распространенного и актуального явления. Поэтому для всех тех, которые вульгарно толкуют концепцию актуальности, изучение рабовладения, - и, скажем, истории Древнего Рима - явно неактуально. Однако в данном случае речь идет о подтверждении или неподтверждении всеобщей применимости марксизма. Если марксистское учение о формациях неправильно в трактовке рабовладения, то, значит, оно в принципе неприменимо для объяснения и осмысления всей истории человечества. Но тогда сразу резко повышались сомнения в отношении ее применимости при рассмотрении настоящего (судьбы капитализма, фашизм, проблемы третьего мира и т.п.). Проб-

дема эмпирической подтвержденности марксизма - в высшей степени актуальная в настоящем проблема. Следовательно, актуальность приобретают любые исследования, связанные с проблемами подтверждения марксизма. Ценность знания не тождественна ценности тех предметов, о которых формулируются знания.

Вернемся, однако, к проблемам рабовладельческой формации.

Трудности возникают уже в связи с переходом от рабовладения к феодализму. Движущие силы перехода от античности к феодализму находились, по-видимому, вне античного общества, которое само не обладало способностью превратиться в некоторую иную формацию - значит, речь идет о тупике в развитии⁵. Следовательно, мы не можем ограничиваться одной элементарной цепью при изображении последовательности формаций, если не хотим ставить рабовладение на последнее место по порядку (что запрещается эмпирическими фактами). Имманентной обществу перехода от античности к феодализму, может быть, вообще не существовало, более позднее появление феодализма отмечается только на внешней обществу шкале физического времени (по-видимому, необратимого в макропроцессах).

Еще одну трудность при рассмотрении рабства вызывает рабство в Америке, прежде всего в США, в XIX веке. Рабство это явно не возникло из первобытно-общинного или даже азиатского строя, ибо было учреждено европейцами, которые находились, по крайней мере, в формации феодальной. Следовательно - оно появилось после феодализма. А в Римской империи или в Древней Греции оно появилось после первобытно-общинного строя (или, может быть, азиатской формации).

⁵ Тупиковые формы развития могут историками признаваться и для обществ иной формационной принадлежности. См. М.П. Павлова-Сильванская. К вопросу об особенностях абсолютизма в России. - "История СССР", 1968, № 4, стр. 84-85.

Имеются ли в феодализме тенденции, которые могут быть истолкованы как развитие в сторону рабства? В Восточной Европе нам известно явление, именуемое "вторичное закрепощение". Там в конце феодализма мы наблюдаем изменение внутрихозяйственных отношений эксплуатации, при которых положение крестьянства приближается почти к рабскому, хотя нигде этого не достигает, несмотря даже на отдельные призывы к фактическому уравнению крепостного и римского раба. Можно объяснить механизмы этого процесса. Но объяснение, почему это так получилось, не отвечает еще на вопрос, что же получилось, что из себя представляет результат.

Если поместить рабство после феодализма, то решение кажется простым: действительно - ведь при вторичном закрепощении движение шло в сторону рабства - крупнотоварного производства и усиления личной зависимости. Котати, существование товарного производства и в области необходимого продукта сближает рабство скорее с капитализмом, чем с феодализмом и интуитивно делает более естественным помещение рабства после феодализма.

Дело все же сложнее. Из вторичного закрепощения нигде фактически не развилось рабства. А кроме того, античное рабство господствовало до феодализма. Заманчивые гипотезы не всегда правильны.

Имеется еще один выход: признание двух рабовладельческих способов производства. Тогда один из них может быть помещен до феодализма, второй - после феодализма. Однако элементарные цепи еще не сохранены, ибо теперь феномен пропуска формации придется объяснить для двух способов производства - ни позднее рабовладение, ни античное рабовладение не были всеобщими явлениями. Явно, что положение рабовладельческой формации представляет настоящую аномалию для неоклассической теории формаций, т.е. для такой теории, которая изображает последовательность формаций при помощи одной-единственной ориентированной цепи.

Смело отказались от попыток изобразить последовательность формаций способами, аналогичными формулировке в виде одной элементарной цепи, Л.С.Васильев и И.А.Стучевский⁶.

⁶ См. Л.С.Васильев, И.А.Стучевский. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ. - "Вопросы истории", 1966 № 5.

Правда, их предложения в журнале "Вопросы истории" не были совсем ясными. С одной стороны, азиатская формация изображается как самостоятельная модель, как самостоятельная единица, с другой стороны, она вроде бы представляет особую смесь рабовладельческой и феодальной формации (комплексную формацию?). Если перевести утверждения Л.С.Васильева и Н.А.Стучевского на язык графов, то получим либо P7a, либо P7б:

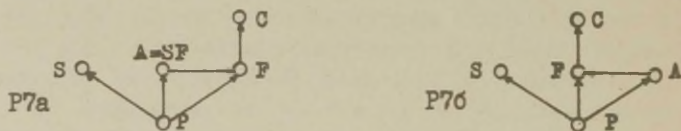

Рис. 12

Принципиальное значение предложений Васильева-Стучевского выходит далеко за рамки спора о существовании азиатского способа производства и азиатской формации. Речь идет об отказе от однолинейной концепции общественного развития, которая допускает только ускорение или замедление процессов, но не допускает выбора между возможностями, принципиально различающимися как по отношению к предыдущей ступени, так и между собой. Вся старая терминология, все мышление старых оппозиций оказывается недостаточным. В неэлементарных связных графах нельзя просто утверждать: либо прогресс, либо регресс. И рушатся представления о необходимости, исключавшей значение выбора. Ведь одно дело, когда выбирает между ускорением или замедлением наступления смерти, и совершенно другое дело, если бы наряду с жизнью и смертью человеку была дана еще другая возможность и от самого человека (или от каких-то других сил) зависело, что будет после жизни — смерть или нечто другое. Представления о линейности (или о существенной линейности) легко укладывались в головы историков XIX в. Но в конце XX в. мы можем и должны задавать вопросы, которые не возникали в XVIII или XIX веке.

Не всегда выбирает сознательно. В прошлом развитие часто происходило стихийно: люди в индивидуальных общест-

вах преследовали свои личные цели, а результатом их столкновений был переход этого общества на один из возможных путей развития. В современности выбор может стать сознательным, например в случае с выбором направления развития со стороны бывших колоний.

Графы P7a и P7б, сконструированные на основании предположений Васильева-Стучевского, не являются единственными возможными ориентированными неэлементарными графами порядка формаций. Таким был уже граф P6. Можно создавать еще несколько таких. Например, если потребовать обязательной симметричности графа, то можно построить близкий к духу P7б граф P8:

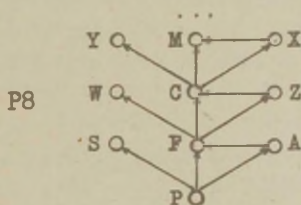

Рис. 13

Если мы хотим избегать введения тупиков развития, то можно, к примеру, сформулировать граф P9:

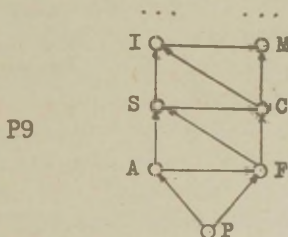

Рис. 14

На примере P9 можно разъяснить существо нескольких проблем, возникающих при применении неэлементарных связанных ориентированных графов. Так, в графе P9 существует несколько путей для достижения одной и той же формации. При этом количество возможных (допустимых) цепей увеличивается по

мере роста расстояния данной вершины от исходной. Множество путей, пройденных разными странами, народами, объясняется сравнительно легко – множеством допустимых цепей. И в то же время P9 отнюдь не допускает любые последовательности: например, исключается последовательность P9AC. Идея регулярности общественного развития сохраняется, этим самым не снимается и вопрос о наличии необходимости общественного развития.

Изучение P9 показывает, что в общем множестве допустимых различавшихся цепей частота появления некоторых вершин (т.е. формаций) будет неравной, и будет также зависеть от количества переходов. Допустим для простоты одинаковую скорость развития. После двух шагов мы получим следующее множество возможных цепей (порядок слева направо): {PAS, PAF, PFS, PFC}. В этом множестве мы получим следующее распределение цепей по наличию в них некоторой вершины:

Цепи, в которых встречается S – 50%

Цепи, в которых встречается F – 75%

Цепи, в которых встречается C – 25%

Цепи, в которых встречается A – 50%

После трех шагов мы получим такое множество возможных цепей: {PASI, PASC, PAFS, PAFC, PFSI, PFSC, PFCI, PFCM} и следующее распределение цепей по наличию в них тех же четырех вершин:

Цепи, в которых встречается S – 62,5%

Цепи, в которых встречается F – 75%

Цепи, в которых встречается C – 62,5%

Цепи, в которых встречается A – 50%.

Кстати, в обоих случаях в прошлом тех или иных обществ наиболее часто встречается феодализм.

Мы можем задавать вопросы и о распределении вершин по некоторым другим основаниям, например выяснять распределение вершин, равноудаленных от исходной вершины и т.п. Правда, пока такая статистика не имеет объяснительной силы, ибо вследствие отсутствия единицы измерения на уровне индивидуального общества невозможна эмпирическая статистика, подтверждающая или опровергающая гипотезы вида графа P9.

Кроме того, в связи с неэлементарными графами, необходимо учитывать, что развитие многих отдельных обществ было прервано воздействием извне, например, завоеванием. Не-

которые возможные цепи могли вообще не осуществиться! Значит, "не было" или "не наблюдалось" не равно утверждению "невозможно было". Утверждение о возможности или невозможности должно обосновываться иными способами, чем ссылка на то, что так не было. Это тем более, что, например, графы Р9 и Р3 не отличаются друг от друга настолько, насколько это кажется на первый взгляд. Вполне мыслимы их преобразования друг в друга. Действительно, если мы удалим из Р9 все замыкающие ребра, то мы его упростим в Р3. Если же мы займемся транзитивным замыканием графа Р3, то мы получим граф Р9. Граф Р3 является как бы частным случаем графа Р9. Следовательно, допуская, что наблюдалась только картина, соответствующая Р3, мы без дополнительной аргументации не можем сказать, выражает ли эта картина единственно необходимую линию развития или только одну из возможных линий развития.

Напомним, что Р9 был сконструирован в целях методологического исследования проблемы последовательности формаций. Ей были приданы определенные черты лишь для того, чтобы явно ставить проблемы или показать как они решаются⁷. Другое дело — истинность того или иного графа, в т.ч. и Р9. Наличие определенной регулярности необходимо доказать, в т.ч. и эмпирически. Но эмпирическое доказательство наличия или отсутствия некоторой регулярности выходит за пределы компетенции философов и может быть выполнена прежде всего силами историков как представителей определенной отрасли науки.

Подтверждение истинности той или другой формы графа может представлять значительные трудности, не осознанные пока историками. Так, в случае если форма графа не индифферентна некоторому набору формаций, можно провести поиск предоказанных формаций. Одним из способов выявления воз-

⁷ Так, проблемы рабовладения в Р9 решены тем, что оно помещено как после азиатской формации, так и после феодализма, но до капитализма. Это решение предполагает, что в период, предшествующий классической античности, у тех же народов можно обнаружить общество, принадлежащее к азиатской формации.

возможностей является поиск реальных изменений и общественных сил, заинтересованных в них, в переходные периоды или в интервалы времени непосредственно перед переходными состояниями. Если, скажем, мы выясним, что реальными тенденциями в позднефеодальном обществе были не рабовладение и капитализм, а мелкотоварное производство и капитализм, то тогда мы опровергнем P9.

Уместно заметить, что пока граф закона последовательности представлялся в форме элементарной цепи, перед историками реально не возникало задачи решать проблему формы графа. Поэтому и недостаточно разработаны соответствующие методы. Любое изменение в переходные периоды просто квалифицировалось как или приводящее к следующей стадии или лишь видоизменяющее предыдущую, - например, как либо феодальное, либо капиталистическое, или либо рабовладельческое, либо феодальное. Но в данном случае историки не стремились доказывать некоторый общий тезис о возможности определенного направления изменений, а исходили из доказанности суждения, что после рабовладения может следовать только феодализм, а после феодализма - только капитализм. Если же отказаться от подобной предпосылки, принять исходную позицию за недоказанную, то ценность более ранних исследований снижается.

Следовательно, в некотором смысле требуется писать историю заново, или, по крайней мере, просмотреть заново, отказавшись от установившихся штампов (хотя новое исследование может вполне привести и к доказательству старой точки зрения!). Дело в том, что теперь, когда серьезно выдвигаются предложения, знаменующие собой отказ от элементарных цепей в качестве формулировки последовательности формаций⁸, практическое обоснование того или другого утверждения связано с необходимостью выбора - выбора одного из

⁸ Наряду с введением дополнительных формаций такой отказ довольно эксплицитно выражается и обосновывается в G. Lewin, *Die ersten fünfzig Jahre der Song-Dynastie in China*. - В., 1973, SS. 181-200; ею же. *The Problem of Social Formations in Chinese History*. - G. Lewin. *Die ersten fünfzig Jahre*, SS. 259, 266 (1st published, "Marxism Today", 1967 Jan.).

предложенных исследователями графов и обоснованного, аргументированного отказа от остальных. Без выполнения последнего требования наши рассуждения просто переставт быть научными и выходят за пределы рационального мышления. С изменением обстоятельств, углублением наших знаний даже общеизвестные истины приходится иной раз доказывать заново, доказывать новыми способами, приемами — что не равносильно отказу от этих истин. Иначе возникает опасность отставания от общего хода развития науки или, еще хуже⁹, тормозится само развитие знания.

§ 4.

Признание комплексных формаций увеличивает набор возможных графов последовательности формаций, ибо увеличивается количество вершин, связываемых ребрами. Так, возможным становится следующий элементарный граф (допускается переходы от простых формаций к комплексным и наоборот):

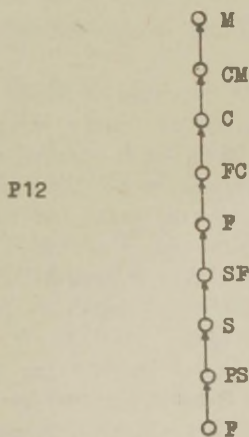

Рис. 15 124

⁹ Конечно, если считать знания благом, как это делают марксисты.

Примером неэлементарного графа, среди вершин которого имеются комплексные формации, является P10:

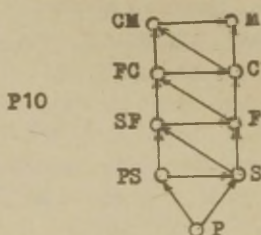

Рис. 16

Поскольку естественно предполагать, что не всякое соединение отдельных формаций в комплексную формацию является стабильным, то стоит ввести некоторые ограничения включения комплексных формаций в составяемые последовательности. Так можно составить следующую систему условий:

1. Допускаются переходы между простыми формациями.
2. Допускаются переходы между комплексными формациями.
3. Допускаются переходы от простой формации к комплексной и наоборот.

4. Части комплексной формации не могут отстоять друг от друга на большее, чем на одно ребро, в графе, вершинами которого являются исключительно простые формации.

5. При переходе от комплексной формации каждая из ее частей может заменяться частью, отстоящей от заменяемой части не более, чем на одно ребро, в графе, вершинами которого обозначаются исключительно простые формации.

6. Замена части комплексной формации происходит по направлению ориентации ребра.

При такой системе условий основой для любой последовательности комплексных формаций служит некоторая последовательность простых и только простых формаций. Граф последовательности с включением комплексных формаций получается путем преобразования графа последовательности простых формаций. Заметим, что иногда чертеж графа для комплексных формаций получаются довольно сложной и в таком

случае он может заменяться матрицей связей $R(a, b)$, где a и b обозначают отдельные формации, а R принимает значения 1 или 0 соответственно при допущении или недопущении перехода. Ориентация в матрице показывается стрелкой. Матрица связей графа, полученного путем преобразования графа P_9 , в соответствии с приведенными условиями и включающая все допустимые вершины, приводится в таблице:

Таблица

→	P	PA	PF	A	AF	AS	F	FS	FC	S	SC	SI	C	CI	CM	I	IM	...	M	
P	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	.0
PA	0	0	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	.0
PF	0	0	0	0	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	.0
A	0	0	0	0	1	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	.0
AF	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	.0
AS	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	.0
F	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	.0
FS	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	.0
FC	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	.0
S	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	0	1	0	0	0	.0
SC	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	.0
SI	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	.0
C	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	.I
CI	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	.I
CM	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	.I
I	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	.I
IM	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	.I
...
M	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	.0

Читателю рекомендуется в качестве упражнения начертить соответствующий граф.

Объяснение последовательности формаций§ I.

Порядок общественно-экономических формаций в марксистской теории формаций рассматривается не как случайный или произвольный, а как необходимый. Соответственно, он может быть научно объяснен при помощи законоформулировок развития, а наличие некоторой отдельной формации подлежит генеративному Н-объяснению.

Основание смены формаций марксисты видят в смене формационной доминанты — способа производства. В самом деле, если способ производства определяет типовые явления в остальных слоях общественной жизни, то смена одного способа производства другим влечет за собой смену типовых явлений во всех прочих слоях общественной жизни. Конечно, замена формации опосредована человеческими действиями, и ссылка на них также необходима. Но в любом случае смена способа производства является необходимым условием смены формации.

Что же вызывает смену способа производства? Как известно, способ производства представляет собой систему из производительных сил и производственных отношений, между которыми существует соответствие. Соответствие это прежде всего следует интерпретировать как совместимость производственных отношений некоторого типа и некоторого уровня производительных сил. Уровень производительных сил мы обычно измеряем^I при помощи производительности труда. Некоторые производственные отношения совместимы с одними значениями величины производительности труда и несовместимы с другими. Графически это изображено на схеме Лб (производственные отношения обозначены кружочком, величины производительности труда или уровня развития производительных сил — точками на линии). Интервал [а, б] назовем

^I Именно — измеряем. Само изменение производительных сил заключается в изменении любого из их составляющих.

интервалом соответствия; все значения уровня производительных сил в пределах интервала соответствия будем считать соответствующими данному уровню производственных отношений.

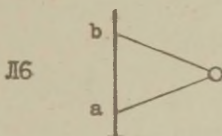

Рис. I7

Следует учесть, что в принципе некоторые значения уровня развития производительных сил могут соответствовать более чем одному типу производственных отношений. Мы не придерживаемся идеи мгновенной смены способов производства. Следовательно, требуется допускать пересечение интервалов соответствия (см. схему Л7):

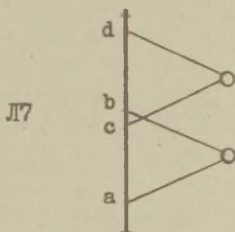

Рис. I8

Повидимому, закон совместимости производственных отношений уровню развития производительных сил может быть распространен и на случаи ступеней формации. Совместимость формационного типа производственных отношений с уровнем развития производительных сил можно тогда рассматривать как композицию совместимостей всех ступенных подтипов производственных отношений данного формационного типа с их соответствующими уровнями развития производительных сил (см., напр., схема Л8).

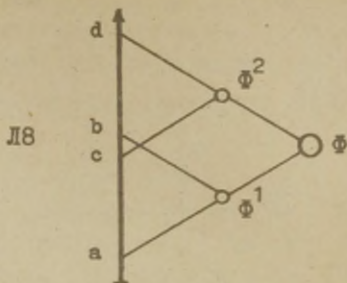

Рис. 19

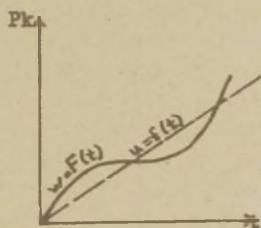
Аналогично строятся изображения совместимости и для надформации.

При допущении комплексных формаций естественно предполагать, что интервал соответствия комплексной формации включает в себя интервалы соответствия каждого из типов производственных отношений, входящих в состав комплексной формации. Но все же требуется дополнительная аргументация для решения вопроса о том, является ли интервал соответствия комплексной формации объединением интервалов соответствий составляющих комплексную формацию типов производственных отношений или только частью такого объединения.

Заметим, что при изучении процессов развития предстало бы значительный интерес измерить расстояние, разницу между крайними точками интервала соответствия. Так, всякие рассуждения о скорости развития бессмысленны, если неизмерима длина пути, пройденной в ходе развития. Представляет также большой интерес вопрос, можно ли теоретически установить значения крайних точек интервала соответствия если не в общем случае, то по крайней мере исходя из теорий для каждой отдельной формации или же эти величины должны быть рассматриваемы как "натуральные" константы, внешние по отношению к теориям.

Соотношения между производительными силами и производственными отношениями не сводятся, конечно, только к отношениям совместимости. Производственные отношения вы-

ступают также в качестве регулятора изменений производительных сил. Поэтому следует различать, с одной стороны, уровень развития производительных сил, достигнутый или могущий быть достигнутым в результате действия только внутренних производительных сил факторов, и, с другой стороны, уровень развития производительных сил, достигнутый с учетом воздействия производственных отношений. На рис. 20 u - уровень развития производительных сил, который может быть достигнут только в результате действия внутренних производительных сил факторов, а w - уровень развития производительных сил, достигнутый как в результате действия внутренних факторов, так и в результате регуляции со стороны производственных отношений.

P_k - производительные силы

Рис. 20

Разница $v = w - u$ измеряет величину и направление воздействия производственных отношений на производительные силы. Если v положительна и возрастает или отрицательна и убывает, то мы говорим, что производственные отношения ускоряют развитие производительных сил. Если же v положительна, но убывает, или отрицательна и возрастает, то речь идет о замедлении развития производительных сил. Если же разница $v = 0$, то, по-видимому, имеет смысл говорить о "нормальном" развитии производительных сил. Заметим, что в содержательном аспекте имеет смысл выделить случай, когда w убывает - участок разрушения и гибели производительных сил, показатель глубочайшего кризиса способа производства.

Следует отметить, что трудности измерения уровня развития огромны; принципиальная возможность представления некоторых данных в строгой форме не означает еще, что искомые данные налицо или что их сравнительно легко добыть.

Целый ряд трудностей связано с величиной u . Дело в том, что u представляет собой только гипотетическую величину, отражающую возможность, но не действительность. Речь идет о внедрении в производство известных достижений технической мысли на данный момент времени и об использовании имеющихся (созданных) на данный момент времени производительных сил. Сроки оформления изобретения и внедрения его в производство не могут совпадать — сперва нужно иметь, что внедрять, а затем нужно затратить известный труд, т.е. существует некоторый объективный, вызванный техническими причинами, но трудно прогнозируемый разрыв во времени от изобретения до его внедрения. Задача фиксации возможного уровня производительных сил — это задача вычисления производительности, если все могущие быть внедренными на данный момент технические средства действительно были бы внедрены, и соответствующие технические средства и приемы производства использовались бы примерно на 95% производственной мощности². Значит, нужно обладать сводом описаний технических изобретений на протяжении известного, долгого (довольно большого) промежутка времени (ведь время внедрения различных нововведений различно) и данными о влиянии указанных нововведений на производительность труда. Задача действительно сложная, даже если бы мы обладали такими данными, — но для более ранних периодов истории соответствующие источники не сохранились, часто даже не возникали.

² Полная нагрузка и перенагрузка производственных мощностей означает отсутствие общественных резервов, работу на износ, не оставляет ресурсов для устранения неожиданных препятствий (напр. стихийных бедствий) и увеличения производства. Увеличение производительности труда в одном хозяйстве, в одной отрасли производства может быть использовано в народном хозяйстве в том случае, если в других отраслях, хозяйствах, потребляющих продукты первого, имеются свободные мощности для расширения производства.

Значительную трудность представляет также измерение реальной производительности труда данного индивидуального общества. Статистика общественного производства возникла, по-видимому, лишь с развитием централизованного феодального государства и стала распространенной с развитием капитализма, да и то расчет производительности труда для какой-либо отрасли представляет даже поныне трудную задачу. Заметим еще, что составление индексов объема производства на исторически большие промежутки времени, в связи с изменением номенклатуры производства, представляет само по себе труднейшую статистическую проблему.

Указанные трудности не всегда сознаются неспециалистами. Но неточность и расплывчатость формулировок историков часто вызывается именно затруднениями в фиксации фактов прошлого, когда люди еще не задавали тех вопросов о современной им действительности, которые задаем мы. Реконструкция сведений возможна лишь иногда, да и то часто можно только выяснить тенденции, но выразить их численно, сказать не просто "больше", а сказать "больше на столько-то единиц измерения" оказывается, особенно по более ранним периодам, невозможным или крайне затруднительным (тем не менее, в настоящее время встречаются даже попытки палеоэкономических расчетов). Приведенные соображения сами по себе не отрицают еще возможности создания в исторической науке эмпирических, а не только реконструктивных исследований как базиса для построения теорий, но указывают на существование серьезных трудностей, зависящих не от личности исследователя, а от объекта исследования.

§ 2.

Формулировка о совместимости уровня развития производительных сил и типа производственных отношений является той законоформулировкой, которая необходима для построения эксплананса объяснения порядка формаций. Ее следует дополнить указанием на следующие условия:

1⁰ имеет место действия людей, приводящие к смене производственных отношений и изменению типов слоев общественной жизни;

2⁰ имеет место направление развития в сторону тех производственных отношений, которые "открывают больше простора развитию производительных сил".

Выражение в кавчыках может быть более строго переформулировано следующим образом:

2А⁰ переход от одного способа производства к другому способу производства происходит в направлении того способа производства, у которого верхняя грань интервала соответствия мажорирует верхнюю грань интервала соответствия наличного способа производства.

Заметим еще, что переход от одного способа производства (и от одной формации) к другому не может происходить в любых условиях, а только на таких участках развития производительных сил, которые совместимы одновременно с несколькими типами производственных отношений. Так, К.Маркс писал:

"Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созревают материальные условия их существования в недрах самого старого общества"³.

На схеме Д9 изображена законоформулировка совместимости для Н-объяснения последовательности Р2:

3

К.Маркс. К критике политической экономии. — Соч., т. I3, стр. 7.

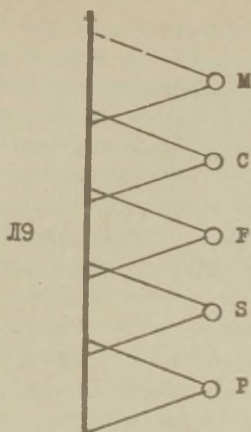

Рис. 21

Для N-объяснения P3 изображение будет аналогичным. Для графа P9 объясняющая законоформулировка может быть изображена как на схеме Л10:

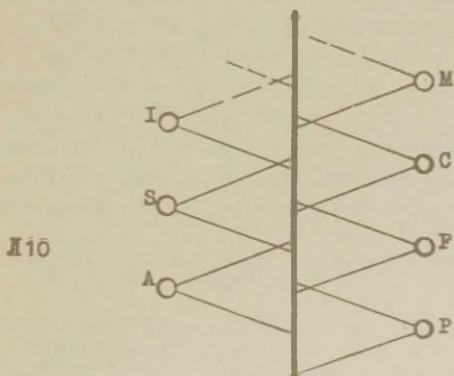

Рис. 22

Из того, что мы отмечаем границы интервала соответствия, еще не следует, что некоторый способ производстве "способен" использовать весь имеющийся в его распоряжении

интервал совместимых значений уровня производительных сил. Возможность такого использования зависит от внутренних законов данной формации, данного способа производства. Так, вполне возможно, что в классическом рабовладении действовал внутренний ограничитель развития, который был способен приостановить развитие⁴. Тогда дальнейшая судьба рабовладения могла зависеть от того, каков был начальный уровень развития производительных сил, при которых в данной стране наступило рабовладение. Если переход к рабовладению совершился рано и, следовательно, приостановка развития наступила рано, то отсутствовал естественный выход к следующей ступени (к вершине, отстоящей от корня по минимальной цепи на одно ребро дальше, чем данная вершина). При допущении неэлементарных графов могло оказаться, что не было выходов и к "параллельной" вершине (к вершине, расстояние до которой от корня по минимальной цепи равно расстоянию до данной вершины)⁵.

Для последовательности Васильева-Стучевского невозможно применение закона совместимости в качестве объясняющего закона смены формаций. Это относится вообще ко всем графикам с "тупиками". Дело в том, что в таких случаях верхнюю грань интервала соответствия тупиковой формации следует поместить бесконечно высоко (или в точке окончания человеческого развития в будущем). Ведь "тупик" в последовательности означает, что хотя развитие продолжается, хотя уровень производительных сил повышается, но смены производственных отношений не происходит. А в законоформулиров-

⁴ См. напр. Е.М.Штаерман, М.К.Трофимова. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971, стр. 299-313.

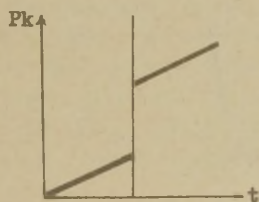
⁵ Показано, что в "азиатской" формации могли иметь место еще более сильные механизмы такого торможения. См. об этом J. Friedman. System, Structure and Contradiction in the Evolution of "Asiatic" Social Formations. N.Y., 1972 (stencil, Columbia Ph.D. thesis).

ке о совместимости утверждается, что если уровень производительных сил повышается, то происходит смена производственных отношений⁶.

По сходным причинам следует отвергнуть леса P4 и P5: могут возникнуть ситуации, в которых одновременно приходится утверждать совместимость и несовместимость одного и того же уровня производительных сил одному и тому же типу производственных отношений. Точно так же является неприемлемым граф P6, ибо аналогичным образом влечет отказ от закона совместимости производственных отношений и производительных сил.

Наконец, вернемся к известной проблеме пропуска формаций. Пропуск формации возможен при условии, что имеются производительные силы, которые соответствуют производственным отношениям, отстоящим от старых более, чем на одно ребро по минимальной цепи в графе, включающем все допустимые типы производственных отношений.

Но уровень развития производительных сил в условиях саморазвития нужно рассматривать как непрерывную величину; по крайней мере, недопустимы прыжки, пропускающие интервал соответствия целой формации как на рис. 23.

P_k — производительные силы

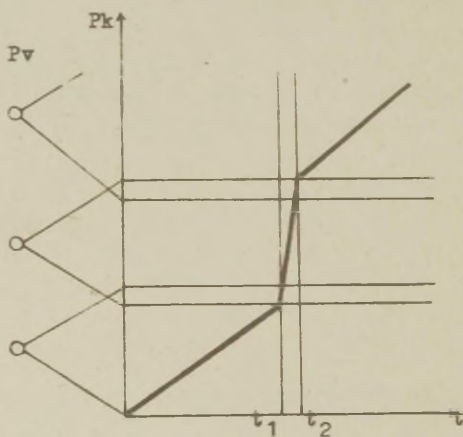
Рис. 23

Ведь новые (более поздние) производительные силы возникают из старых (более ранних) производительных сил, а не из ничего. Другое дело, если мы не имеем дело с саморазвитием, если новые производительные силы внесены в данную популяцию извне. Тогда пропуск формации возможен. Есте-

⁶ Именно "если... то". Если развитие производительных сил не происходит, то смены производственных отношений не будет. Это не то же самое, что "развитие производительных сил происходит, а смены производственных отношений не происходит".

венно, такое внесение, добровольное заимствование или насильственное навязывание должно быть фактически доказано, чтобы в нем видеть причину пропуска формации. Элементарные цепи могут быть сохранены, если удастся доказать, что во всех случаях пропуска формации мы имеем дело с внесением новых производительных сил извне.

Правда, выше указывалось, что формация не возникает мгновенно, хотя и не указывалось, сколько же времени минимально требуется для осуществления смены формаций. Если развитие производительных сил внезапно ускоряется и настолько ускоряется, что за один период возникновения формации уровень производительных сил поднимается на более чем один интервал соответствия, то, согласно введенным ранее предположениям, возникает формация с наиболее высокой производительностью труда (см. рис. 24).

P_k - производительные силы
 P_v - производственные отношения

Рис. 24

Промежуточная формация просто не успевает возникнуть, пока для его существования имеются условия. Опять-таки, наличие такого ускорения должно быть фактически доказано.

Оба рассмотренных варианта пропуска формаций отличаются от пропуска формации, допускаемого неэлементарными графами последовательностей формаций. Любое объяснение пропуска формации должно указать, о каком именно случае идет речь, и, естественно, доказывать свои утверждения.

Г л а в а У I

Проблемы номенклатуры формаций

§ I.

При рассмотрении теории общественно-экономических формаций следует различать проблемы порядка (последовательности) формаций от проблем номенклатуры формаций. Проблемы порядка формаций — это вопросы о том, представляется ли последовательность формаций в форме элементарного или неэлементарного графа, связного или несвязного графа и т.п. На традиционном философском языке можно сказать, что это — вопросы о форме необходимости.

От проблем порядка формаций отличаются проблемы номенклатуры — совокупность вопросов об идентификации, распознавании, различении тех или иных формаций. Одни и те же формации могут быть членами различных последовательностей. Так, формации из знаменитой "пятичленки"¹, в свое время введенной И.В.Сталиным², могут быть упорядочены как в элементарный, так и в неэлементарный граф (ср. P2 и P13 на рис. 25).

¹ Нельзя забывать, что в историографии 1930-х гг. существовали серьезные научные обоснования для принятия "пятичленки", хотя ныне некоторые из них могут быть и спорными.

² См. И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. — И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. II-е, М., 1953, стр. 594. Кстати, сам И. Сталин писал весьма осторожно: "Истории известны пять основных типов производственных отношений". Превращение "пятичленки" в норму произошло в процессе истолковывания этого высказывания в тогдашних условиях, где играли ошутимую роль и внаучные аргументы.

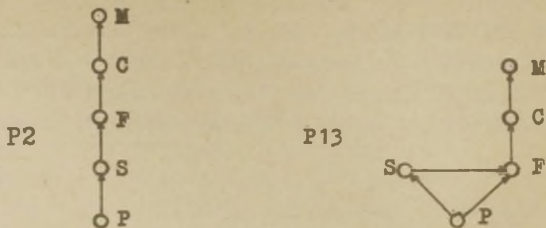

Рис. 25

Следовательно, различие указанных двух классов проблем теории формаций не является упражнением в схоластике, но обладает известной целесообразностью в исследовательском плане. Обоснования, доказательства ответов (решений проблем), которые принадлежат к разным классам проблем, не могут получаться тождественным способом.

Конечно, не всегда форма графа безразлична к номенклатуре. В таких связанных неэлементарных графах, как P8 или P9, существует определенное количество вершин, обозначающих отдельные формации. К каждой из таких вершин должно быть приписано название, а каждое название должно быть развернуто в описание потенциальной формации. С другой стороны, в графах, состоящих из одной или нескольких элементарных цепей, "форма" графа не влияет таким образом на его "содержание".

Последствия некоторого изменения номенклатуры формаций, входящих в определенную последовательность, могут также в зависимости от типа последовательности существенно различаться или существенно не различаться. Рассмотрим для примера, что получится, если мы откажемся от признания азиатской формации в графах P3 и P9. Из P3 получится тогда просто P2, ибо указанные графы различаются только по наличию или отсутствию этой одной-единственной вершины. Из P9 же получается последовательность PII (см. рис. 26).

Р11

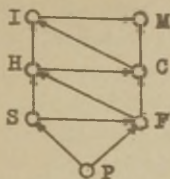

Рис. 26

В Р11 приходится вводить в номенклатуру формаций новую единицу, "параллельную" капитализму, условно обозначаемую Н. Ее можно интерпретировать, скажем, как мелкотоварную³.

Кстати, любую элементарную цепь можно свести до графа, в котором имеется лишь одно ребро и две вершины. Так в сознании людей возникает основание для противопоставления "прошлого" и "настоящего", где оба состояния рассматриваются как имеющие некоторую имманентную им внутреннюю целостность. Данная оппозиция не может, однако, служить доводом в пользу принятия элементарного графа в качестве формы порядка формаций. Дело в том, что подобные взгляды могут возникать и при истинности некоторых неэлементарных графов, напр. графов Р9 или Р11, в котором имеется цепь, среди элементов которого встречаются все вершины графа Р9 (или Р11). У наблюдателя, находящегося внутри, а не вовне наблюдаемого им процесса, — а это имеет силу при наблюдении людьми общественного развития в целом, — возникает "эгоцентрическое", "презентистское" искажение перспективы, связанное с его собственным местонахождением. По отношению к неэлементарной последовательности, мы живем одновременно в одной из реализованных возможностей, а не в нескольких. И

³ Напомним, что при проведении методологического анализа мы в данном случае ничего не говорим о том, какая из приведенных схем является единственно истинной. Мы рассматриваем возможные схемы, причем эвристически выбираем среди них те, в пользу которых могут быть выдвинуты серьезные соображения в пределах исторической науки.

мы судим о мире — как прошлым, так и современным нам — по мерке того практического опыта, который мы как личности имеем.

§ 2.

Что значит — установить наличие одной формации? Как доказать наличие той или иной номенклатурной единицы в теории формаций?

Во-первых, требуется построить теорию и модель (по крайней мере — квазимодель) данной формации. Поскольку формации различаются по способу производства, то данная задача может быть заменена построением теории(модели)способа производства. Теория способа производства должна включать в себя политэкономии для данного способа производства в сочетании с теоретической разработкой взаимосвязи данных производственных отношений с соответствующими производительными силами. В "Капитале" не случайно есть разделы и машинах!

Во-вторых, требуется конфронтация полученной теории с реальностью. Люди могут предлагать разные теории, в том числе и "пустые", т.е. не имеющие референтов в действительности — не имеющие даже сферы применимости. Когда теория вырабатывается для осмысления "настоящего", то его применимость или неприменимость может казаться "очевидной". При теориях общества, конечно, необходимо учитывать, что люди, принадлежащие, скажем, к различным социально-экономическим классам, могут по разному быть заинтересованы в одной и той же теории и поэтому то, что для одних является "очевидной", для других не кажется — и не может казаться — таковой.

И, наконец, должно проводиться сравнение различных теорий и моделей, к которым они относятся. Только такое сравнение устанавливает, имеем ли мы дело с двумя формациями или только с одной. Естественно, в результате сравнения выясняются и черты, общие нескольким формациям. Но зачем сравнивать то, что уже заранее сконструировано различным?

На деле теории не конструируются абсолютно априори. Они создаются исследователями для осмысления известного им материала. А исследователь, знавший Древнюю Бирму, не обязательно знает как исследователь средневековую Фландрию. Разные теории конструируются часто разными исследователями и именно такие теории должны сравниваться в первую очередь при ответе на поставленный вопрос⁴.

Установление номенклатуры формаций — задача исторического исследования. В пределах марксизма не существует никаких общеполитических соображений в пользу строго определенного количества формаций⁵. Теория познания, методология не может тут устанавливать никаких предварительных предписаний. Точно так же делом эмпирического и реконструктивного исследования является установление наличия или отсутствия в действительности теоретически сконструированной формации.

Это не значит, что методологи ничем не могут помочь исследователю-историку. Методологи ведь помогают устанавливать критерии того, что в марксизме называется формацией. И методолог может показать, использует ли исследователь-историк слово "формация" в том смысле, в каком она используется в марксистской теории формаций. С марксизмом, с марксистской теорией формаций совместимо не любое словоупотребление, не любая понятийная сетка!

Рассмотрим для примера концепцию, выдвинутую В.П. Ильичекиным, о том, что между первобытностью и капитализмом имело место лишь одна ("рабско-феодалная") формация. Согласно первому варианту этой концепции все докапиталистические эксплуататорские общества сходны как:

⁴ Второй целью сравнения, конечно, является получение нового знания путем теоретического исследования — знания о различиях формаций (о различиях, вытекающих из различия принятых за основу теории постулатов).

⁵ Попытку дать их предпринял в свое время Б.Ф. Поршнев, которому пришлось для этого превратить зрелого Маркса в правоверного гегельянца. Критику Б.Ф. Поршнева в этом вопросе см. М.А. Селезнев. Социальная революция, стр. 260-261.

1. полунатуральные⁶;
2. основывавшиеся главным образом на личном труде мелких производителей⁷;
3. имевшие в наличии крупное землевладение⁸.

Разница же между рабством и крепостничеством, по ней, состоит прежде всего:

(1) в явном или неявном (замаскированном) характере отношений между непосредственным производителем и собственником средств производства⁹;

(2) в том, что раб отличается от крепостного тем, что последний фактически имеет свое хозяйство, а первый его фактически не имеет¹⁰.

Однако указанные черты не могут считаться достаточными для установления наличия одной и только одной эксплуататорской формации, ибо производственные отношения охарактеризованы недостаточно полно. На самом деле, рассмотрим два типа отношений:

Тип Р: непосредственный производитель передает весь продукт своего труда собственнику^{II} средств производства. Собственник средств производства передает непосредственно производителю необходимый продукт. Товарное производство охватывает как область прибавочного продукта, так и область необходимого продукта (по крайней мере в имевшей значение доле).

⁶ См. В.П.Ильшечкин. Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. М., 1970, на правах рукописи, стр. 93.

⁷ См. там же, стр. 93.

⁸ См. там же, стр. 53, 93.

⁹ См. там же, стр. 101.

¹⁰ См. там же, стр. 11.

^{II} Здесь, как и везде, мы имеем в виду собственника в экономическом смысле, а не в смысле римского права.

Тип Ф: непосредственный производитель передает часть прибавочного продукта (обычно большую часть, зафиксированную до начала производства) собственнику земли и получает взамен в пользование землю. Товарное производство охватывает сферу прибавочного продукта.

Явно, законы ценообразования и некоторые законы воспроизводства при экономиках типа Р и типа Ф различаются. Отличаются и результирующие типы крупного хозяйства. Следовательно, типы Р и Ф являются различными системами производственных отношений. Какова их распространенность, последовательность, имелись ли они в "чистом" виде или только в качестве укладов комплексной формации либо формационно неоднородных обществ — все это не имеет отношения к установлению номенклатуры этих типов¹².

Поскольку "тип Р" намечает собой основные черты модели рабовладельческого хозяйства, а "тип Ф" — феодального (точнее: того, что марксисты обычно называют рабовладельческим и феодальным), то признание различия этих двух типов означает также признание различия соответствующих формаций. Отсутствие в описанной концепции некоторых явно основополагающих черт производственных отношений и приведенный контрпример являются методологическим основанием отвергнуть данную концепцию номенклатуры формаций¹³.

§ 3.

Одной из дискуссионных проблем теории формаций в течение ряда десятилетий была проблема: имелась ли в прошлом в наличии "азиатская" формация, отличающаяся как от античной, так и от феодальной? В данной книге не имеет смысла подробно рассматривать всю эту дискуссию или хотя бы ту ее

¹² В рукописи В.П.Илюшечкина эти проблемные круги не различаются; скорее даже наоборот, смешиваются. См. В.П.Илюшечкин. Цит. соч., стр. 50-52.

¹³ Позднее В.П.Илюшечкин выдвинул новый вариант концепции одной докапиталистической классовой формации, основанный уже на анализе производственных отношений. См. В.П.Илюшечкин. О двух логических системах одноименных категорий в теории общественных формаций. — Тезисы докладов межвузовской научной конференции "Современные проблемы философии истории". Тарту, 1979.

часть, которая происходила в СССР после II мировой войны, поскольку уже создаются соответствующие исследования¹⁴. Нас интересует прежде всего следующий вопрос: противоречит ли признание существования в прошлом азиатской формации (или азиатского способа производства) марксизму?

Как уже указывалось, марксизм не устанавливает точного числа формаций. Это не значит, что в пределах марксизма можно отрицать любые формации. Так, нельзя оставаться марксистом и отрицать наличие капиталистической формации, необходимого перехода от капитализма к коммунизму и возможности коммунистической формации¹⁵. Но относятся ли эти утверждения ко всем формациям?

Конечно, если азиатскую "формацию" выделять не на основании производственных отношений и заменять строгую теорию эклектикой, как это делал К.Виттфогель¹⁶, тогда признание азиатской формации направлено против марксизма¹⁷. Если "формации" выделять, скажем, по формам внеэкономического принуждения, то опять речь идет о попытке поставить на место марксизма какую-либо иную теорию. Но не все сторонники азиатской формации являются сознательными или несознательными антимарксистами. Многие марксисты в капиталистических (Италия, Франция, Великобритания) и в социалистических (ГДР) странах выделяют азиатскую формацию на марксистских основаниях — вплоть до поисков соответствующего уровня производительных сил¹⁸. В капита-

¹⁴ См. напр. К. Weissgerber. Zwischen Urgesellschaft und Kapitalismus. Die Sowjetische Diskussionen über die vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen. II. 1945 - 1973. - "Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift", 16. Jg. Hf. 1; G. Lewin. Die ersten fünfzig Jahre, SS. 10-15.

¹⁵ Данное утверждение не противоречит утверждению, что установление наличия формации — дело эмпирического и реконструктивного исследования. Марксизм — научная теория, следовательно, допускает фактическую проверку.

¹⁶ См. К. А. Wittfogel. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven (Conn.), 1957.

¹⁷ См. напр. Б. В. Андрианов. Концепция К. Виттфогеля "гидравлическое общество" и новые материалы по истории ирригации. — Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1976. В подстрочных примечаниях этой статьи содержится обстоятельная библиография по проблемам, возникшим в связи с положениями Виттфогеля.

тических странах имеются исследователи, для которых концепция азиатской формации является путем перехода к марксизму, а не путем отхода¹⁸.

Автор этих строк не встретил никаких теоретических аргументов, достаточных для утверждения, что сама идея наличия в прошлом особой, "азиатской" формации является антимарксистской. Доказать наличие азиатской формации — это значит доказать наличие прежде всего определенного способа производства, а затем и зависимых от экономики типов социальной жизни. Это — дело эмпирического исследования историков, а не дело методологического спора. Никакие же эмпирические результаты не могут быть отвергаемы сами по себе, как противоречащие марксистской философии (другое дело — истолкование таких результатов). Марксистская философия утверждает объективность истины, объективность фактов (истинность положения не зависит от намерений высказавшего его). Поэтому дискуссия о наличии или отсутствии азиатского способа производства и азиатской формации может вестись внутри марксизма, при условии, что применяются методологически приемлемые критерии различения формаций.

Заметим, что следует отличать вопрос (а) об идентификации некоторого одного индивидуального общества с "азиатской" формацией и вопрос (б) о наличии хотя бы одного индивидуального общества, которое можно было бы идентифицировать как "азиатское". Если мы докажем, (а) что микенское общество в Греции или древнеиндийское общество Южной Индии не были "азиатскими", то этого еще недостаточно для утверждения, (б) что азиатской формации никогда не существовало. Но если мы докажем, что ни одно общество прошлого или настоящего не может быть причислено к азиатской формации, то последняя превращается в лучшем случае в возможную, но не в действительную сущность. Доказывать это можно не только путем просмотра всей истории и поиска черт, присущих азиатской формации, но и путем теоретического рассуждения, ут-

¹⁸ См. напр. G. Bokisch. Voraussetzungen und Anfänge der antiken Produktionsweise im alten Griechenland. — "Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift", 16. Jg. Hf. 2.

¹⁹ См. напр. J. Friedman. Op. cit.

верждающего, что производственные отношения, называемые азиатскими, на деле являют собой случай уже известных производственных отношений, например, феодальных. В зарубежной литературе такой способ доказательства применили Б. Хайнднесс и П. Хэрст. Заметим, что второй аргумент указанных авторов против "азиатской" формации неприемлем: они утверждают, что концепция такой формации немыслима, а раз мы не можем ее мыслить, то ее и нет (или не было)²⁰. Это явно ложное утверждение, к тому же не материалистическое, а идеалистическое.

§ 4.

Попытаемся теперь ответить на вопрос: имеет ли каждый способ производства свои формации? По определениям соответствующих понятий и по основным утверждениям марксизма — имеет. Марксизм, как хорошо известно, утверждает, что политика и идеология отражают способ производства или части последнего. Следовательно, невозможно признавать способ производства и не признавать соответствующую формацию. Единственное допустимое исключение — переходные случаи. Переходным типам общества соответствуют не формации, а революции. Скачок не принадлежит ни к старому, ни к новому качеству.

Все же поставленный вопрос не является праздным. Как известно, марксисты иногда говорят о мелкотоварном способе производства. Но мы обычно не говорим о мелкотоварной формации. В то же время мы ведь не отрицаем, что мелкотоварному производству соответствуют свои политические и идеологические явления. Почему же, в таком случае, нельзя говорить о мелкотоварной формации? Если признается мелкотоварный уклад, необходимо признавать и мелкотоварную формацию.

Правда, мелкотоварное производство — не мелкое производство, а мелкотоварное производство — можно рассматри-

²⁰ См. P. Hindness, P. Q. Hirst. Op. cit., pp. 178 — 220.

вать как характеристику переходного периода. Тогда проблема отпадает²¹.

Мы можем заявлять, что нет и не было и не могло быть обществ, формационно (относительно) чистых и идентифицируемых с мелкотоварным производством. Но это решение не удовлетворительно. Из невозможности существования чего-то иначе, чем в соединении с другим, не следует еще несуществование этого "чего-то". Признавая, что мелкотоварный способ производства существует в индивидуальных обществах только как уклад, и одновременно не признавая его как формацию, мы должны вводить в теорию наряду с формациями (и переходными состояниями - революциями) еще одно основное понятие того же порядка абстракции. Серьезных оснований для этого нет, а марксистская теория при этом ~~изменится~~ больше, чем при признании мелкотоварной формации.

Если мы признаем наличие комплексных формаций или если мы признаем наличие элементарных последовательностей, дело становится проще. В этих случаях необязательно требовать наличия по крайней мере одного общества, относительно "чистого" в формационном отношении и принадлежащего к мелкотоварной формации (это же относится и к проблеме "азиатской" формации). В таком случае формация может быть эмпирически обнаружена только как часть комплексной формации или как уклад в многоукладном обществе. Разумеется, такой эмпирический факт подлежит не только установлению, но и объяснению. Однако установление номенклатуры формаций и, соответственно, выделение некоторой одной формации не зависит от наличия объяснения этого факта, а, наоборот, является предварительным условием такого объяснения: если нечего объяснять, то нельзя создавать и объяснения.

Приведенные рассуждения не требуют еще введения специальной мелкотоварной формации. Так, мелкотоварное производство может рассматриваться не как способ производства, а как способ хозяйствования (понятие "способ производства" в

²¹ Приведенным решением нельзя пользоваться, если не признавать качественной специфики переходных состояний, а также если сводить эту специфику только к многоукладности.

марксизме является строгим термином).

Что такое "способ хозяйствования"? Разъясним это понятие на примерах-образцах. Возьмем фермера, который является полным собственником своей земли, сам трудится на ней, нанимает для этого также работников, а продукты труда продает. Такой фермер получает в условиях капитализма и земельную ренту, и среднюю прибыль, и заработную плату (значения терминов те, которые введены в "Капитале" К.Маркса). Тут мы имеем один способ хозяйствования. А другой способ хозяйствования мы имеем, когда фермер (в условиях капитализма) организует производство на арендованной земле с привлечением наемных работников. Получает он при этом среднюю прибыль. Если рассматривать мелкотоварное производство как способ хозяйствования, тогда проблема в связи с поставленным в начале настоящего параграфа вопросом отпадает. Кстати, для такого подхода имеются достаточные основания.

§ 5.

Выше указывалось, что марксизм не связан с признанием точно определенной численности формаций. Число формаций не зависит и от их длительности. Число формаций зависит от числа возможных способов производства.

Другое дело, что в конечные промежутки человеческой истории количество формаций не может быть бесконечным. Способ производства не может просуществовать мгновенно или в течение бесконечно малого промежутка времени. Количество формаций в конечные промежутки времени является конечным.

Более того, на возникновение способа производства и всей формации требуется известное время. Речь идет о массовых изменениях в вещах и способах поведения людей, о массовых изменениях социальных институтов. Исследованиями сейчас не установлено, каким должно быть это время, какой должна быть длительность переходных периодов. Иногда высказываются интуитивные соображения о "слишком большой" длительности некоторых переходных периодов. Вполне возможно,

что длительность этого периода зависит от характера самой формации, которая возникает. Но средств для решения поставленного вопроса пока нет.

Не имеется пока и средств для решения вопроса о максимальной возможной длительности формации. В экономике некоторых формаций (например, рабовладельческой) могли, может быть, возникать силы, приостанавливающие развитие. Может ли подобная стагнация продолжаться вечно? Более того, экономические тормозы развития могут дополняться административно-политическими и духовными. Могут ли эти тормозы быть эффективными?

Хотя большая длительность существования формационно однородных индивидуальных обществ (измеряемая по шкале физического времени) не служит аргументом о правильности или неправильности рассмотрения таких обществ в качестве одной и только одной формации, она может нас иногда настораживать. Так, практически вся история человечества относится к одной и той же первобытной формации. Основанием обычно служит простая аргументация — наличие общественной собственности на средства производства. Но эта аргументация недостаточна.

Дело в том, что все эксплуататорские общества основаны на частной²² собственности на средства производства. Однако мы их вполне доказанно рассматриваем как различные формации, ибо существуют различные виды частной собственности — различные системы частнособственнических производственных отношений. Критерии выделения надформации недостаточны для выделения отдельной формации.

Чтобы рассматривать всю первобытность не просто как одну надформацию, но и как одну формацию, требуется выяс-

²² Понимаемой в широком, а не в узком смысле. В широком смысле акционерное общество в капиталистической стране — частнособственническое предприятие, хотя в узком смысле оно — форма коллективной собственности. См. Ф. Энгельс. К критике проекта социал-демократической программы 1891 года. — Соч., т. 22, стр. 234.

нить, не было ли в ней различных экономических систем (при сохранении коллективной собственности во всех из них). Как известно, различными авторами в разные годы выделялись различные стадии первобытности²³. Однако серьезно вопрос о формационном единстве при этом не ставился (поскольку не учитывали возможности различных видов коллективной собственности и различия между формацией и надформацией). Конечно, из-за принципиальных затруднений в реконструкции экономики дописьменных обществ, аналоги которых не могут больше наблюдаться учеными прямо, поставленная проблема может оставаться и без решения, особенно без окончательного решения²⁴. Это не означает, что она является псевдопроблемой. Не следует забывать, что производство неолитических земледельцев и скотоводов значительно отличается от производства гоминоидов раннего Олдувая!

Г л а в а VII

Проблемы о теории формаций (вместо заключения)

§ I.

Устарела ли теория общественно-экономических формаций?
Нет, не устарела.

Фактический материал, добытый историками за последние 100 лет, не опроверг марксистскую теорию формаций. Понятие формации не является пустым понятием, все равно, к какому периоду или к какому народу мы обращаемся при изучении истории.

²³ См. напр. Н.А.Бутинов. Первобытнообщинный строй. - Проблемы истории докапиталистических обществ, кн. I. М., 1968, стр. 104-108.

²⁴ Экономика первобытности - новая, возникающая отрасль науки. Примеры рассмотрения ее проблем см. напр. В.М.Массон. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976; М. Sablins. Stone Age Economics. L., 1974.

Более того, в настоящее время допустимость типологий признается также учеными-немарксистами¹. Но если типологии вообще допустимы, то спор может идти только о том, допустима ли данная типология (имеет ли она смысл, целесообразна ли она в процессе познания и т.п.). Формационная типология общества явно допустима как при объяснении развития общества, так и при разъяснении различий разных обществ.

Напомним, что защитник индивидуализации Риккерт отнюдь не отвергал возможности общего, возможности изучения общества "естественнонаучными" методами. Он отвергал целесообразность такого изучения, ибо утверждал, что стоит изучать только индивидуальное - и индивидуальное как ценность. Однако поскольку мир ценностей Риккерта не существует (это он признавал и сам), то он не может быть научно изучаем. Рекомендовать историкам изучать его я никак не могу.

§ 2.

Необходима ли более строгая теория общественно-экономических формаций?

Да, необходима.

За последние 100 лет наука приобрела новые средства формализации². Современная теория формаций и современные теории отдельных формаций должны существовать на современном уровне общенаучного мышления. При этом анализ, проведенный в настоящей части, показал, что существуют даже достаточно простые средства соответствующего уточнения, и что применение этих средств в некоторых случаях существенно уточняет наши утверждения, хотя отнюдь не опровергает старых утверждений теории формаций.

Создание более строгой теории формаций - дело теоретиков истории (все равно, числятся ли они по номенклатуре

¹ См. напр. G.G.S. Murphy, M.G. Mueller. On Making Historical Techniques More Specific. - "History and Theory", vol. VI No. 1.

² Формализация - это не только выражение мыслей знаками математики, логики или кибернетики. Формализация - это также введение точных и строгих рассуждений, соответствующих современным критериям точности и строгости, т.е. использование достижений формализованных дисциплин при современной формулировке содержательных положений.

специальностей историками или философами). Методологи — как методологи — такую теорию создать не могут, ибо из теории познания не следует теория истории. Однако, участие методологов в таком деле может оберегать теоретиков от многих тупиков и облегчить их деятельность хотя бы прояснением задач и предоставлением фонового знания — знания о том, что из себя представляют наилучшие образцы современного профессионального знания о мире.

§ 3.

Может ли теория общественно-экономических формаций объяснить все в истории?

Нет. Она к этому и не стремится.

Теория формаций объясняет определенные изменения в истории и объясняет наличие определенных типов обществ. В этом смысле она является теорией истории и даже очень общей теорией истории. Однако в отличие от натурфилософских (или "социалфилософских") концепций она не стремится объяснить все что угодно.

Так, от теории формаций следует отличать теории отдельных формаций, например, теорию капитализма. Теория каждой отдельной формации предполагает наличие теории формаций, но не сводится к этой теории. Точно так же можно построить теорию надформации. Более того, существуют специфические образования на уровне отдельных обществ и на уровне слоев общественной жизни. Для объяснения событий в них также требуется теории соответствующего уровня. Все они предполагают общую теорию — теорию формаций, — и все они не сводятся к ней. Дальнейшее развитие исторических теорий должно происходить и на этих уровнях — может быть даже прежде всего на этих уровнях. Необходимо только помнить, что все такие "частные" теории, теории, имеющие своим объектом не все человечество и его развитие, — должны быть совместимы с теорией формаций, чтобы принадлежать к марксистским теориям.

SUMMARY

Part I. The Transformation of the Philosophy of History into a Theory of Historical Knowledge

The words "philosophy of history" are used to denote five different kinds of writings. These are (1) universal histories of mankind, (2) theories of society—or of history, (3) discussions of ontological problems about history or society, (4) treatises on history or historical knowledge as values, (5) methodologies of historical research (incl. theories of historical knowledge). The philosophy of history is nonexistent: there are various types of philosophies about history. These types have appeared, existed or co-existed, forming a certain pattern (set out in Fig.1 and Fig.2). That pattern has been determined both by the developments in the study of history and by changes in philosophy itself. For example, the rise of analytic ("critical") philosophy of history is a result of the twentieth-century changes in the manner of philosophizing in English-speaking countries and a result of the changes in historical studies during the last two centuries. And there is yet one more determining factor for the shape of the pattern that has emerged: the socio-economic interests of various classes of human beings in the 19th and 20th-century societies. When Marx made history scientific and Marxists began to claim that history was a science, the opponents of Marx started defending bourgeois respectability by claims that history was not quite a science (Rickert), or not a science at all - but a form of thinking essentially different from both science and art (Collingwood).

The modern non-Marxist theory of historical knowledge has been developed basically by philosophers writing in English. These developments began with the works of R.G. Collingwood and M. Mandelbaum, written in the 1930s. During the 1950s and 1960s explanation and narrative became the two central issues under discussion. It is of

importance to understand that the differences between the proponents and the opponents of the "covering-law thesis" are not entirely in matters of fact (whether "scientific" explanations using "covering laws" are the only forms or the only admissible forms of explanations used or to be used by historians). Those differences presuppose an implicit divergence of paradigms on the nature of philosophizing, held by the logical positivists and by the supporters of linguistic analysis (the covering law thesis can be defended by the latter means, too; but what counts for argument is different in both paradigms).

There has been no such central theme for discussion during the last decade. New issues have been raised (e.g., is historical knowledge akin to knowledge in the applied sciences) and more sophisticated treatments of old issues continue to be published.

The majority of Marxist philosophies of history still belong to the types (2) and (3). But from the mid-1960s onwards the interests of Marxists have been turning towards studying historical cognition with a view to formulating a theory of historical knowledge as a methodology of historical knowledge.

Part II. The Developing Structure of Historical Knowledge

How has modern historiography emerged? There were two preceding stages of development: Graeco-Roman historiography and the European protoscientific historiography of the 15th-18th centuries. During both these stages the aims of producing knowledge and creating cognitively adequate methods of research came into existence. The critical techniques of establishing primary facts had been worked out by the early 19th century, and thereupon scientific historiography came into being. Then the basic problem became what to do after the primary facts had been found out. One set of historians tried to write historical science, another set of them had as their ideal ideologically (politically, aesthetically etc.) coloured portraits of the

human past. The remainder of this book deals chiefly with the writings of the first set.

Is the empirical-theoretical distinction applicable to historiography? Past happenings are unobservable, but for different reasons as compared with the unobservability of microbes and molecules. So the first stage of producing and formulating historical knowledge is to reconstruct the human past as it would have appeared to a historian directly observing the past. Empirical knowledge proceeds to find regularities after the primary descriptions are reconstructed and to re-describe individual events and entities as parts of the regularities. Historical theories are possible only on condition of having some empirical knowledge for the construction of models to which the theories refer. The development of historiography leads first to reconstructive knowledge, and only later to empirical and theoretical knowledge. This provides part of the explanation why empirical and theoretical studies are much less frequent among historical works than reconstructive ones.

What are the changes in the field of research? Traditional historiography was the study of politics and motives for politics (i.e. rational grounds for actions). Government, law (the "state", in Marxist terms) were referred to as background institutions to political actions. From the mid-19th century there has been a trend towards widening the field of research (e.g., in the writings of Marx, Fustel de Coulanges, Burckhardt). Opposition to widening of the field of research was caused not only by factors internal to the old paradigm of historiography, but also by external factors influencing the acceptance of differing paradigmas of historical research and writings by the "public at large". The close commitment of Marxism to studies in economic history and of the "struggle" (conflict) of economic classes (and to theoretical history) led to opposition to those types of historical study by groups opposed to socialism and to the rise of the working class.

The widening field of study led to a change of the reference classes of some historical knowledge: interest turned from the study of personalized referents (individual human beings, individual nations) to non-personalized referents (institutions, social systems), and from the study of governing elites towards the study of all sections of the population. As a result of these developments there has been a change adding the study of "invariant" objects (e.g., socio-economic formations by marxist historians) to the study of "applied" objects ("England", "Caesar").

What are the changes in the build-up of the image of history? Historical knowledge is that of sequences. Traditional historiography dealt with the sequences of events. The trend has been towards establishing the sequences of systems (institutional systems, societal types, etc.). Traditional sequences were also chronological. The trend has been to switch to generative sequences: to find out how events or systems develop out of previous events or systems, how they are generated by preceding events or systems. The sequences themselves can be classified into elementary and non-elementary ones (the elementary sequences can be formalized by means of elementary graphs, whereas the non-elementary ones are those represented by non-elementary graphs).

The traditional reconstructive image of history was built out of descriptions of examples or instances (some examples were intuitively accepted as typical and some were not). However, intuition is no proof, whereas statistics are (this does not preclude giving examples after frequencies and typologies have been established). The evolution of the studies on enclosures in Britain provides an illustration to the above argument.

What are the premises of historical writing in social theory? The use of any language introduces an implicit understanding of the world (consider, for example, the meanings of the terms "nation", "state"). Historians

draw some concepts from other social sciences (economics, sociology). Marxist historiography seems to be the only influential case of historical writings explicitly based on systematic social theories.

Whenever historians write of non-chronological interconnections of events, institutions or systems, they have to refer (implicitly or explicitly) to some theory of society about the influence of the different factors (economics, politics, etc.) upon the subject of the study. Vulgar theories accept only one influencing factor, sophisticated theories allow for more than one factor. In the latter case, weighting of the factors and acceptance or non-acceptance of feed-backs become important considerations. A sophisticated theory may still allow for a dominant factor (the one having the highest weight or setting out a hierarchy of limiting conditions).

M. Postan has pointed out yet another basic premise of historical knowledge. Let us call it the presumption of qualitative difference. Historical knowledge is built up assuming that certain ways of behaviour, sets of values, economic or governmental institutions have been basically different in the past (e.g., the differences between the British Parliament of the 20th century and that of the 14th century). Historical knowledge is formulated relationally to a certain reference system. This reference system is usually a social reality that is contemporary to the historian, or it is a system immediately preceding (or following up) the system under study. The historian's contemporary world is used as a reference system in most cases implicitly. The re-writing of history and changing the image of history because of the change of the reference system do not involve any relativism.

Are values part of historical knowledge? To consider values as part of any knowledge involves abandoning the distinction between knowledge and values. To consider values as a necessary and integral part of historical writing implies the concept of intrinsic values. I cannot

accept intrinsic values, therefore I cannot accept values (evaluations) as a necessary and integral part of all historical writing. This does not exclude the permissibility of making explicit evaluations by historians as human beings in their historical works. And this does not preclude the permissibility of evaluating actions or systems which involve a standard of values different from mine or from that of a historian: re-enacting the thought of an Inquisitor does not mean accepting his thoughts as valuable for myself.

Part III. Procedures of Establishing Historical Knowledge

Professional historians are engaged in cognitive activity. Talking about historical knowledge is meaningful because historians have some procedures of establishing knowledge.

How are cognitive aims set by historians? The usual way to do this is to formulate a theme. Collingwood pointed out the importance of problems (question asking) as a way of setting the aims of historical research. Nevertheless, explicit problem formulations are not frequent in the writings of historians. The latter ought to regret such lack of explicit questioning as one cannot judge the adequacy of knowledge without reference to problem formulations.

To solve problems, historians need evidence. That is found in the "sources". Anything (documents, pottery, etc.) can be a source if it provides evidence for historians. To get the evidence, critical method ("source criticism") was developed. Traditional source criticism was the technique of establishing reconstructive knowledge and of making reconstructive discoveries.

Are problems of acquiring empirical knowledge in history cognitively different from their analogues in other sciences? It seems that there are differences of degree

but not of a kind. For example, mathematics is treated in a lot of quantitative history as a warehouse of concepts or as a set of calculating rules. Such procedures are similar to those used in some other social studies. They are not to be condemned: many historical writings belong typologically to applied research, and to solve applied problems one has to calculate.

Are historical theories different from the theories of other sciences? Historians might use non-historical theories (=theories drawn from the other sciences). Historical theories presuppose historical laws (as distinct from economic, sociological or politological laws) explicitly formulated by historians. To produce the necessary formulations one needs models. Das Kapital contains a certain type of historical theory based on a model (the theory of economic development under capitalism - the theory of the development of capitalism itself). Sometimes theoretical arguments use only models, with no fully developed theories.

The acceptance of historical theories does not depend purely on their adequateness for research purposes. Underlying models for historical theories seem acceptable or non-acceptable to both historians and non-historians because they are somehow involved (are in agreement or are in conflict) with differing basic value attitudes towards society held by different collections of people (e.g., by different economic classes, nations, political groupings). The use of any paradigma involving a theory may in itself seem unacceptable for the upholders of the existing order of society if any and all theories known in that particular society are concerned with (or seem to entail) the necessity of its overthrow.

Theories are used for the "scientific" (Hempelian) explanation of empirical (but not reconstructive) knowledge. The term "historical scientific explanation" is used in this book to designate members of a subset of scientific explanations that is characterized by the presumption of

qualitative difference. For example, let $K = \{K_1, \dots, K_n\}$ be a set of laws for the reference system. Let $D = \{D_1, \dots, D_m\}$ be a set of conditions for the reference system. Let $L = \{L_1, \dots, L_l\}$ be a set of laws for the system under study (e.g., the economics of the 17th century Britain), and let $C = \{C_1, \dots, C_j\}$ be a set of conditions for the system under study. Furthermore, let $A = K \cup L$ and $B = D \cup C$. Then a historical explanation is described by the formula:

$$\frac{\begin{matrix} C_A & K \cup (K \cap L) \\ C_B & D \cup (D \cap C) \end{matrix}}{E}, \quad (3)$$

where $C_X Y$ is a complementary set to the subset Y of the set X . Various examples of different types of historical explanations are described in formulae (4)...(15).

Sometimes historians do not use models but apply quasimodels. The latter are constructions that do not specify the kind of relationships existing between variables. Quasimodels can be used for building typologies, and, thus, for interpreting empirical knowledge.

Part IV. Methodology of Historiography and the Theory of Socio-Economic Formations

The theory of socio-economic formations (SEF) is basic in Marxist historical writing. A SEF is a system consisting of one and only one mode of production and of those institutions in other strata of society that are interconnected and are compatible with that mode of production. The mode of production is dominant in the interaction of these different strata (organised as a feedback system).

It is useful to distinguish subtypes of a SEF; two of the most important of these are stages and modifications. When Lenin introduced the concept of imperialism he used it to denote a stage of the capitalist SEF. When Marxist historians speak about Asian and European feudalism, they refer to certain modifications of the feudal SEF.

Individual societies may belong to one SEF only (then they are formationally homogeneous) or to a number of SEFs. Formationally heterogeneous societies consist of sectors belonging to different SEFs. In some cases these sectors might be so integrated that it becomes rational to use the designation "a complex socio-economic formation" (e.g., the USA before the abolition of slavery).

Formation sequences can be explicated by means of orientated graphs. Different conceptions of SEF sequences are reproduced by different graphs:

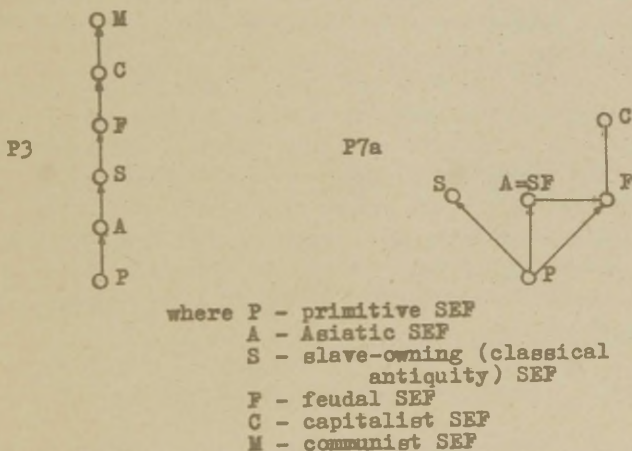

Fig. 27

SEF sequences can be established empirically. They are scientifically explained with reference to the compatibility principle (or compatibility law) between the forces of

production and relations of production. This is a classical case of scientific explanation in history.

Problems of SEF sequences have to be differentiated from the problems of SEF nomenclature ("Which are the particular SEFs that do exist or have existed?"). Discussions about the "Asiatic" SEF have primarily been disputes over nomenclature.

There are two types of questions not to be confused: (1) What is a SEF? (2) Can the society X be identified with a particular SEF or do we have to introduce a new SEF? Question (2) is essentially a question for historians. Question (1) involves methodology essentially because its answer is paradigma dependent (involves reference to the theoretical concept of a SEF and to means of introducing that concept). As SEF is a Marxist concept, the criteria for introducing a particular SEF have to include pointing out its production relations. For example, it is inconsistent to claim to be a Marxist and to claim that some SEFs are based on non-economic forces.

The theory of SEFs explains SEF sequences. It does not explain nor does it pretend to explain everything in history. A theory of a SEF explains institutional types and processes inside a SEF. It might prove to be possible to build theories for SEF stages or even for particular societies. In any case, theories about SEFs are historical and scientific, although it is still possible to use more modern methods than ordinarily employed in formulating those theories.

БИБЛИОГРАФИЯ

В настоящую библиографию включены только те произведения, на которые имеются ссылки в тексте, за исключением библиографических указателей в разделе 2.1. Последние указываются выборочно.

I. Источники

I.1. Произведения классиков марксизма и видных деятелей коммунистического движения^I

- МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Манифест Коммунистической партии. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.4.
- МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Немецкая идеология. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.3.
- МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Святое семейство. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.2.
- МАРКС К. - П.В.Анненкову, 28.12.1846. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.27.
- МАРКС К. - И.Вейдемейеру, 5.03.1852. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.28.
- МАРКС К. Замечания на книгу А.Вагнера "Учебник политической экономии". - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.19.
- МАРКС К. Капитал, тт. I - III. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, тт. 23, 24, 25 ч.I, 25 ч.II.
- МАРКС К. К критике политической экономии. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.13.
- МАРКС К. Морализирующая критика и критицирующая мораль. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.4.
- МАРКС К. Нищета философии. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.4.
- МАРКС К. [Теории прибавочной стоимости]. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.26 ч.III.
- МАРКС К. - Ф.Энгельсу, 2.04.1858. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.29.

^I Для работы о взглядах марксистов, каковой является настоящая монография, труды основоположников и видных представителей марксизма являются важнейшими источниками по марксизму.

ЭНГЕЛЬС Ф. - К.Каутскому, 26.06.1884. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.36.

ЭНГЕЛЬС Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 года. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.22

ЭНГЕЛЬС Ф. Коммунисты и Карл Гейнцен. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.4.

ЛЕНИН В.И. Государство и революция. - В.И.Ленин. Полное собрание сочинений, т.33.

ЛЕНИН В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. (Популярный очерк). - В.И.Ленин. Полное собрание сочинений, т.27.

ЛЕНИН В.И. Развитие капитализма в России. - В.И.Ленин. Полное собрание сочинений, т.3.

ЛЕНИН В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов. - В.И.Ленин. Полное собрание сочинений, т.1.

ПЛЕХАНОВ Г.В. О книге Риккертa. - Г.В.Плеханов. Избранные философские произведения, т.III. М., 1957.

ГРАМШИ А. [Тюремные тетради]. - А.Граммши. Избранные произведения, т.III. М., 1959.

СТАЛИН И. О диалектическом и историческом материализме. - И.Сталин. Вопросы ленинизма, изд.II-е. М., 1953.

1.2. Труды историков об истории

БУТИНОВ Н.А. Первобытнообщинный строй. - Проблемы истории докапиталистических обществ, кн.I, М., 1968.

ВАСИЛЬЕВ Л.С., СТУЧЕВСКИЙ И.А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ. - "Вопросы истории", 1966 № 5.

ГУРЕВИЧ А.Я. Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

ГУТНОВА Е.В. Возникновение английского парламента. М., 1960.

ДЕБИДУР А. Дипломатическая история Европы, тт. I - II. М.-Л., 1947.

ДРУЖИНИН Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т. I, М.-Л., 1946; т. II, М., 1958.

ЖУКОВ Е.М. Некоторые вопросы теории социально-экономических формаций. - Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975.

КОРСУНСКИЙ А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.

КРЫЛОВ В.В. Характерные черты социально-экономических процессов в обществах развивавшихся стран. - "Вопросы философии", 1976 № 9.

- ЛИТАВРИН Г.Г. Рец.: М.А. Заборов. Историография крестовых походов (XV - XIX вв.). - "Вопросы истории", 1973 № 3.
- МАССОН В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- МОГИЛЬНИЦКИЙ Б.Г. Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции. - Труды Томского гос. ун-та, т. 247, вып. 9. Томск, 1974.
- НЕУСЫХИН А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному. - "Вопросы истории", 1967 № 1.
- НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П., ПАШУТО В.Т., ЧЕРЕШНИН Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972.
- ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКАЯ М.П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России. - "История СССР", 1968 № 4.
- ПРОБЛЕМЫ истории докапиталистических обществ, кн. I. М., 1968.
- ПРОБЛЕМЫ социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975.
- РОМАНОВ В.Ф. О социально-экономической основе Российского самодержавия эпохи империализма. - "Вопросы истории", 1976 № 5.
- САМОДУРОВА З.С. Актуальные проблемы ранней истории феодальной формации. - "Вопросы истории", 1966 № 9.
- СЕМЕНОВ В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М.-Л., 1949.
- СЕНЬБОС Ш. Политическая история современной Европы. СПб., 1898.
- ТРОИЦКИЙ С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.
- ХВОСТОВА К.В. Особенности аграрноправовых отношений в Поздней Византии (XIV - XV вв.). М., 1968.
- ШТАЕРМАН Е.М., ТРОФИМОВА М.К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971.
- ARMSTRONG, J.A. Old-Regime Governors: Bureaucratic and Patrimonial Attributes. - "Comparative Studies in Society and History", vol. 14, No. 1.
- BEITRÄGE zur Entstehung des Staates, Hg. J. Herrmann, I. Sellnow. B., 1973.
- BOKISCH, G. Voraussetzungen und Anfänge der antiken Produktionsweise im alten Griechenland. - "Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift", 16. Jg. Hf. 2.
- BUNGE, F.G. von. Geschichtliche Entwicklung des Standesverhältnisse in Liv, Esth- und Curland. Dorpat, 1838.
- BUNGE, F.G. von. Das Herzogthum Estland unter den Königen von Danemark. Gotha, 1877.
- CHARLESWORTH, E.K. The Contribution of Rationalization to Industrial Development in Sweden. - "Economy and History", vol. XII. Lund, 1969.

- DEKMEJIAN, R.H., WYSZOMIRSKI, M.J. Charismatic Leadership in Islam: The Mahdi of Sudan.-"Comparative Studies in Society and History", vol. 14 No. 2.
- FRIEDMAN, J. System, Structure and Contradiction in the Evolution of "Asiatic" Social Formations.N.Y.,1972 (stencil, Columbia Ph.D. thesis).
- KNAPP, G.F. Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland. - "Historische Zeitschrift", Bd.78, 1897.
- LEWIN, G. Die ersten fünfzig Jahre der Song-Dynastie in China. B., 1973.
- LEWIN, G. The Problem of Social Formations in Chinese History. - G.Lewin. Die ersten fünfzig Jahre... B.,1973. (1st published, "Marxism Today", 1967 Jan.).
- LOIT, A. Kampen om feodalrönten I. - Studia Historica Upsaliensia 71. Uppsala, 1975.
- NELL, E.J. Economic Relationships in the Decline of Feudalism. - "History and Theory", vol.VI No.3.
- RANKE, L. Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1495 - 1535. Berlin, 1824.
- RENFREW, C. Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. Harmondsworth (Middlesex), 1976. (1st ed. L., 1973).
- SAHLINS, M. Stone Age Economics. L., 1974.
- SCHREMMER, E. Die Bauernbefreiung in Hohenlohe. Stuttgart, 1963.
- SCHREMMER, E. Standortausweitung der Warenproduktion im langfristigen Wirtschaftswachstum. - "Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte", Bd.59 Nr.1.
- SEYFARTH, W. Die Spätantike als Übergangszeit zwischen zwei Gesellschaftssystemen. -"Zeitschrift für Geschichtswissenschaft", 1967 Hf.2.
- THOMPSON, E.A. Christianity and the Northern Barbarians. - Nottingham Mediaeval Studies, vol.I. Nottingham, 1957.
- TORSTENDAHL, R. Teknologins nytta. Motiveringar för det svenska tekniska utbildningsväsendets framväxt framförda av riksdagsmän och utbildningsadministratörer 1810-1870. - Studia Historica Upsaliensia 66. Uppsala, 1975.
- TOYNBEE, A. J. A study of History. Vols. I - X,N.Y., 1934 - 1954.
- WITTFOGEL, K.A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven (Conn.), 1957.

2. Исследования

2.1. Библиографии

МАТЕРИАЛЫ к библиографии по философии истории. - Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

BIBLIOGRAPHY of Works in the Philosophy of History, 1500 - 1800. - "History and Theory", Beiheft 12.

BIBLIOGRAPHY of Works in the Philosophy of History, 1945 - 1957. - "History and Theory", Beiheft 1.

BIBLIOGRAPHY of Works in the Philosophy of History, 1958 - 1961. - "History and Theory", Beiheft 3.

BIBLIOGRAPHY of Works in the Philosophy of History, 1962 - 1965. - "History and Theory", Beiheft 7.

BIBLIOGRAPHY of Works in the Philosophy of History, 1966 - 1968. - "History and Theory", Beiheft 10.

2.2. Труды об историографии. Прочие исследования

АЛПАТОВ М.А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М.-Л., 1949.

АНДРИАНОВ Б.В. Концепция К. Виттфогеля "гидравлическое общество" и новые материалы по истории ирригации. - Концепции зарубежной этнологии. М., 1976.

АСМУС В.Ф. Маркс и буржуазный историзм. - В.Ф.Асмус. Избранные труды, т. II. М., 1971.

АХМЕДЛИ Дж., СОГОМОНОВ Ю. Об историческом познании. Баку, 1969.

БАРТ М.А. О некоторых предпосылках формализации исторического исследования. - Проблемы всеобщей истории, вып. I. Казань, 1967.

БАРТ М.А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973.

БАРТ М.А. Структурный анализ в историческом исследовании. - "Вопросы философии", 1964 № 10.

БАРТ М.А., ЧЕРНЯК Е.Б. Регион как категория внутренней типологии классово-антагонистических формаций. - Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975.

БЛОК М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973.

БОГОМОЛОВ А.С. Английская буржуазная философия XX века. М., 1973.

БУНГЕ М. Философия физики. М., 1975.

БЫКОВ В.В. Методы науки. М., 1974.

ВАЛЬТ Л.О. Объект, проблема и модель. - Метод моделирования и некоторые философские проблемы истории и методологии естествознания. Таллин, 1975.

ВИТКИН М.А. Восток в философско-исторической концепции К.Маркса и Ф.Энгельса. М., 1972.

ВИХАЛЕММ Р.А. Движение понятия от бытия (непосредственных явлений) к сущности в истории учения о химическом сродства - Уч.зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 212. Тарту, 1968.

ГРУШИН Б.А. Очерки логики исторического исследования. М., 1961.

ГРЯЗНОВ Б.С., ДЫНИН Б.С., НИКИТИН Е.П. Теория и ее объект. М., 1973.

ГУЛЫГА А.В. История как наука. - Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

ГУЛЫГА А.В. Эстетика истории. М., 1974.

ГУРЕВИЧ А.Я. М.Блок и "Апология истории". - М.Блок. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973.

ГУТНОВА Е.В. Историография истории средних веков. М., 1974.

ДАНИЛОВ А.И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой буржуазной историографии конца XIX. - начала XX в. М., 1958.

ДЖИОЕВ О. И. Ред.: Э.И.Кодуа. Философия истории. Критика буржуазных теорий. Тбилиси, 1966; на груз. яз. - "Вопросы философии", 1967 № 11.

ДОБРИЯНОВ В.С. Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М., 1968.

ДРУЖИНИН Н.М. Воспоминания и мысли историка. М., 1967.

ЕГОРОВА В.С., КАРПОВИЧ В.Н. К вопросу о логической структуре рациональных объяснений в истории. - "Философские науки", 1977 № 3.

ЕРОФЕЕВ Н.А. Что такое история. М., 1976.

ЗЕЛЬИН К.К. О методах и перспективах исследования ранней греческой философии. - "Вестник Древней истории", 1972 №2.

ЗИМИН А.А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси. - Источниковедение. М., 1969.

ИВАНОВ В.В. Историческое объяснение как методологическая проблема. - Вопросы историографии всеобщей истории, вып.У. Казань, 1971.

ИВАНОВ Г.М. Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973.

ИВИН А.А. Основания логики оценок. М., 1970.

ИЗРАИТЕЛЬ В.Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975.

ИШОПЕЧКИН В.П. О двух логических системах одноименных категорий в теории общественных формаций. - Тезисы докладов межвузовской научной конференции "Современные проблемы философии истории". Тарту, 1979.

- ИЛЮШЕЧКИН В.П. Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. М., 1970, на правах рукописи.
- ИЛЮШИН В.А. Асинхронность исторического процесса и проблема его периодизации. - Вопросы социологии и общественной психологии, вып. 2. М., 1971.
- ИСТОРИЧЕСКИЙ материализм. М., 1963.
- ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.
- КАЗАРОВА К. Макроэкономика. - А.Пезенти. Очерки политической экономики капитализма, приложение II. М., 1976, т. 2.
- КЕЛЛЕ В., КОВАЛЬЗОН М. Исторический материализм. М., 1962.
- КИССЕЛЬ М.А. Критика философии истории Р. Коллингвуда. - Уч. зап. кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда, вып. 3. Философия. Л., 1961.
- КЛАУС Г. Кибернетика и общество. М., 1967.
- КОЗИН Н.Г. Эмпирический и теоретический уровни исторического познания. - Методологические вопросы науки, вып.3. Саратов, 1975.
- КОН И.С. К спорам о логике исторического объяснения (схема Поппера-Гемпеля и ее критики). - Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
- КОН И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959.
- КОНЦЕПЦИИ зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1976.
- КОСМИНСКИЙ Е.А. Историкография средних веков. М., 1963.
- КРАСАВИН В.П. Марксизм и проблема структуры исторического знания. - Сб. научн. тр. Пермского политехнического ин-та № 59. Пермь, 1971.
- КРАСАВИН В.П. От факта к историческому описанию. - "Философские науки", 1972 № 2.
- КСЕНОПОЛЬ А.-Д. Понятие "ценности" в истории. Киев, 1912.
- КУН Т. Структура научных революций. М., 1975.
- ЛАВРОВСКИЙ В.М. Проблема единства метода исторического и естественнонаучного познания. - Проблемы всеобщей истории, вып. I. Казань, 1967.
- ЛАНГЕ О. Введение в экономическую кибернетику. М., 1968.
- ЛАНГЛУА и СЕНЬБОС. Введение в изучение истории. СПб., 1899.
- ЛОГИКА научного исследования. М., 1965.
- ЛОГИЧЕСКАЯ структура научного знания. М., 1965.
- ЛООНЕ Э.Н. Возможность философии истории. - Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 212. Тарту, 1968.
- ЛООНЕ Э.Н. Возникновение и развитие аналитической философии истории. - "Вопросы философии", 1974 № 6.

- ЛООНЕ Э.Н. Методологические заметки о теории общественно-экономических формаций. - Уч. зап. Тартуского гос.ун-та, вып. 225. Тарту, 1969.
- ЛООНЕ Э.Н. Об уровнях исторического знания и познания. - Уч.зап. Тартуского гос.ун-та, вып.301. Тарту, 1973.
- ЛООНЕ Э.Н.Основные этапы развития структуры познания в исследовании истории. - Уч. зап. Тартуского гос.ун-та, вып. 361. Тарту, 1975.
- ЛООНЕ Э.Н. Проблема исторического объяснения. - "Философские науки", 1975 № 6.
- ЛЯХОВИЧ Е.С. К вопросу о структуре идеала в историческом познании. - Уч.зап. Томского гос. ун-та № 82: Проблемы социальных исследований, вып. 1. Томск, 1971.
- МАМЗИН А.С., РОЖИН В.П.О законах функционирования и законах развития. - "Философские науки", 1965 № 4.
- МЕДУШЕВСКАЯ О.М. Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х - начала 30-х годов. - Источниковедение. М., 1969.
- МИРОНОВ Б.Н., СТЕПАНОВ З.В. История и математика. Л., 1975.
- МИШИН В.И. Марксистская философия истории. - "Вопросы философии", 1965 № 7.
- МОГИЛЬНИЦКИЙ Б.Г.О некоторых тенденциях развития исторической мысли. - Труды Томского гос. ун-та, т. 211. Томск, 1972.
- МУДРАГЕЙ В.И. Концепция "унифицированной науки" в логическом позитивизме. - Позитивизм и наука. М., 1975.
- НЕЧКИНА М.В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974.
- ПАСТУКОВА О.Н. Функции оценочных критериев в исторической науке. Томск, 1974, дисс.канд.
- ПЕЗЕНТИ А. Очерки политической экономики капитализма. М., 1976, тт.1-2.
- ПЕТРОВ Ю.В. Причинность в исторической науке. Томск, 1972.
- ПОРК А.А. Нарратив как проблема методологии исторической науки. - Уч.зап. Тартуского гос.ун-та, вып.361.Тарту, 1975.
- ПРОБЛЕМЫ логики научного познания. М., 1964.
- РАКИТОВ А.И.К вопросу о структуре исторического исследования. - Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
- РАКИТОВ А.И. О природе эмпирического знания. - Логическая структура научного знания. М., 1965.
- РОЖИН В.П. Исторический материализм - всеобщая методология общественных наук. - Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968.
- РЫБАКОВ Б.А. Общественные науки в СССР и современность. - "Вопросы истории", 1968 № 9.
- СААР Г.П. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1950.
- САФРОНОВ Б.Г. М.М.Ковалевский как социолог. М., 1960.
- СЕЛЕЗНЕВ М.А. Социальная революция. М., 1971.

- СЕМЕНОВ Ю.И. Категория "социальный организм" и ее значение для исторической науки. - "Вопросы истории", 1966 № 8.
- СМИРНОВ В.А. Уровни знания и этапы процесса познания. - Проблемы логики научного знания. М., 1964.
- СМИРНОВ В.П. Об изучении новейшей истории во Франции. - "Вопросы истории", 1974 № 5.
- СТЕБАНОВ Н. Теория и метод в общественных науках. М., 1967.
- ТОПОЛЬСКИЙ Е.О роли внеисточникового знания в историческом исследовании. - "Вопросы философии", 1973 № 5.
- ТРАПЕЗНИКОВ С.П. Развитие общественных наук и повышение их роли в коммунистическом строительстве. - "Вопросы философии", 1967 № II.
- УВАРОВ А.И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973.
- УТЧЕНКО С.Л. Глазами историка. М., 1966.
- ФИЛОСОФСКИЕ проблемы исторической науки. М., 1969.
- ХВОСТОВА К.В. Методологические проблемы применения математических методов в исторических исследованиях. - "Вопросы истории", 1975 № II.
- ХМЫЛЕВ П.Н. Проблема актуальности в историческом познании. - Труды Томского гос. ун-та, т.173. Томск, 1964.
- ЦАПКОВСКИЙ З. Проблемы, вопросы и общие принципы их постановки. - "Вопросы философии", 1968 № I.
- ЧЕСНОКОВ Д.И. Исторический материализм. М., 1964.
- ШЫРЫЕВ В.С. Некоторые вопросы логико-методологического анализа отношения теоретического и эмпирического уровней научного знания. - Проблемы логики научного знания. М., 1964.
- ШТАЕРМАН Е.М. К проблеме структурного анализа в истории. - "Вопросы истории", 1968 № 6.
- ЯЦУНСКИЙ В.К. Историческая география. М., 1955.
- ANDERLE, O. F. A Plea for Theoretical History. - "History and Theory", vol. IV No. 1.
- ASHCRAFT, R. Marx and Weber on Liberalism as Bourgeois Ideology. - "Comparative Studies in Society and History", vol. 14 No. 2.
- BÄTZE, G. Die logische Struktur der Wirtschaftsstufen. Meisenheim an Glan, 1962.
- BARZUN, G. Clio and the Doctors: Psycho-history, quantohistory & history. Chicago & London, 1974.
- BERKHOFER, R.F. A Behavioral Approach to Historical Analysis. N.Y. - L., 1969.
- BERNHEIM, E. Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1903.
- BESSON, W. Historismus. - Das Fischer Lexicon. Geschichte. Frankfurt am Main, 1961.

- BLAKE, R.M., DUCASSE, S.J., MADDEN, E.H. *Theories of Scientific Method: The Renaissance through the Nineteenth Century*. Seattle (Wash.), 1960.
- BLINKOFF, M. *The Influence of Charles A. Beard upon American Historiography*. Buffalo (N.Y.), 1936.
- BOBINSKA, C. *Historiker und historische Wahrheit*. B., 1967.
- BOLLHAGEN, P. *Soziologie und Geschichte*. B., 1966.
- BRAYBROOKE, D. *Refinements of Culture in Large-Scale History*. - "History and Theory", Beiheft 9.
- BRUCE, I.A.F. *Theopompus and Classical Greek Historiography*. - "History and Theory", vol. IX No. 1.
- BUNGE, M. *Arten und Kriterien wissenschaftlicher Gesetze. - Der Gesetzesbegriff in der Philosophie und den Einzelwissenschaften*, Hg. G.Kröber. B., 1968.
- BURY, J.B. *The Ancient Greek Historians*. N.Y., 1958 (1st ed. 1908).
- CARR, E.H. *What Is History?* L., 1961.
- CARRAGHAN, G.J. *A Guide to Historical Method*. Chicago, 1948.
- CLIMO, T.A., HOWELLS, P.G.A. *Possible Worlds in Historical Explanation*. - "History and Theory", vol. XIV No. 1.
- COHEN, M.R. *The Meaning of Human History*. LaSalle (Ill.), 1961.
- COLLINGWOOD, R.G. *The Idea of History*. L., 1966 (1st ed. 1946).
- COLLINS, A.W. *Explanation and Causality*. - "Mind", vol. 75, No. 300.
- CROCE, B. *Theorie und Geschichte der Historiographie*. Tübingen, 1930.
- CROCE, B. *Ueber die sogenannten Wert-Urteile*. - "Logos", Bd. I, Nr. 1.
- DANTO, A.C. *Analytical Philosophy of History*. L., 1965.
- DONAGAN, A. *Historical Explanation: The Popper-Hempel Theory Reconsidered*. - "History and Theory", vol. IV No. 1.
- DOVRING, F. *History as a Social Science*. The Hague, 1960.
- DRAY, W.H. [Comments on Mandelbaum on Narrative]. - "History and Theory", vol. VIII No. 2.
- DRAY, W.H. "Explaining What" in History. - *Theories of History*. Glencoe (Ill.), 1959.
- DRAY, W. *Laws and Explanation in History*. L., 1957.
- DRAY, W.H. *Philosophy of History*. Englewood Cliffs (N.J.), 1964.
- EINFÜHRUNG in das Studium Geschichte, Hg. W. Eckermann, H. Mohr. B., 1966.
- ELY, R.G. [Comments on Mandelbaum on Narrative]. - "History and Theory", vol. VIII No. 2.
- FAIN, H. *Between Philosophy and History*. Princeton (N.J.), 1970.

- FIEDLER, F. Einheitswissenschaft oder Einheit der Wissenschaft? B., 1971.
- FLINT, R. La philosophie l'histoire en France. P., 1878.
- FOGEL, R.W. Historiography and Retrospective Econometrics. - "History and Theory", vol. IX No. 3.
- FRANKEL, Ch. Explanation and Interpretation in History. - Theories of History. Glencoe (Ill.), 1959.
- GALLIE, W. Philosophy and Historical Understanding. N.Y., 1964.
- GARDINER, P. The Nature of Historical Explanation. L., 1952.
- GESCHICHTSBEWUSSTSEIN und sozialistische Gesellschaft. B., 1970.
- GROSS, D. The New History: A Note of Reappraisal. - "History and Theory", vol. XIII No. 1.
- GRUNDMANN, H. Geschichtsschreibung im Mittelalter. Göttingen, 1961.
- GRUNER, R. [Comments on Mandelbaum on Narrative]. - "History and Theory", vol. VIII No. 2.
- GRUNER, S.M. Political Historiography in Restoration France. - "History and Theory", vol. VIII No. 3.
- GUNNARSON, G. A Study in the Historiography of Prices. - "Economy and History", vol. XIX:2. Lund, 1976.
- HEGEL, G.W.F. Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte I. Bd. I: Die Vernunft in der Geschichte, Hg. J. Hoffmeister. B., 1968 (Lizenzausgabe, unveränderter Nachdruck der 5. Auflage von 1955).
- HEMPEL, C.G. Aspects of Scientific Explanation. N.Y.-L., 1965.
- HERKLESS, J.R. Meinecke and the Ranke-Burkhardt Problem. - "History and Theory", vol. IX No. 3.
- HINDNESS, B., HIRST, P.Q. Pre-Capitalist Modes of Production. L., 1977 (1st ed. 1975).
- HISTORICA. Studien zum geschichtlichen Denken und Forschen. Wien, 1965.
- HOLLIS, M., NELL, E.J. Rational Economic Man: A Philosophical Critique of Neo-Classical Economics. Cambridge, 1975.
- IGGERS, G.G. The Decline of the Classical National Tradition of German Historiography. - "History and Theory", vol. VI No. 3.
- IGGERS, G.G. Deutsche Geschichtswissenschaft. München, 1971.
- IGGERS, G.G. New Directions in European Historiography. Middletown (Conn.), 1975.
- IGGERS, G.G. Rev.: M.C. Brands. Historisme als Ideologie. - "History and Theory", vol. VI No. 1.
- JANIK, L.G. Lorenzo Valla: The Primacy of Rhetoric and the De-Moralization of History. - "History and Theory", vol. XII No. 4.

- KARLMAN, R. Evidencing Historical Classifications. - *Studia Historica Upsaliensia* 80. Uppsala, 1976.
- KAUFHOLD, K.H. Wirtschafts-geschichte und ökonomische Theorien. - *Geschichte heute*. Positionen, Tendenzen, Problemen, Hg. G.Schulz. Göttingen, 1973.
- KLAUS, G. Die Macht des Wortes. B., 1964.
- KLAUS, G., SCHULZE, H. Sinn, Gesetz, Fortschritt in der Geschichte. B., 1967.
- KLEMPF, A. Die Säkularisierung der universalhistorischen Auffassung. Göttingen, 1960.
- LANE, F. C. Menschliche Geschichte und Naturgeschichte. - *Historica*. Wien, 1965.
- LIEBEL, H.P. Philosophical Idealism in The *Historische Zeitschrift*, 1859-1914. - "History and Theory", vol.III No.3.
- LOESER, F. Interrogativlogik. B., 1968.
- LOONE, E. Marksism ja aksioloogia. - *Ajalooline materialism*. Tallinn, 1977.
- LŪSIS, K. Empīriskā un teorētiskā attiecību problēma vēstures zināšanās. - *Известия АН Латвийской ССР*, 1976 № 6 (349).
- McCLELLAND, P.D. Causal Explanation and Model Building in History, Economics, and the New Economic History. Ithaca (N.Y.) - London, 1975.
- MANDELBAUM, M. Historical Explanation: The Problem of 'Covering Laws'. - "History and Theory", vol.I No. 3.
- MANDELBAUM, M. History, Man & Reason. Baltimore-London, 1971.
- MANDELBAUM, M. A Note on History as Narrative. - "History and Theory", vol. VI No.3.
- MANDELBAUM, M. The Problem of Historical Knowledge. N.Y., 1938.
- MARROU, H.-I. De la connaissance historique. P., 1954.
- MARTIN, J.R. Another Look at the Doctrine of Verstehen. - "British Journal of the Philosophy of Science", vol. 20 No. 1.
- MARTIN, J.R. Explaining, Understanding, Teaching. N.Y., 1970.
- MARTIN, M. Rev.: M.Postal. Fact and Relevance. - "Philosophy of Science", vol. 39 No. 4.
- MEILAND, J.W. The Historical Relativism of Charles A. Beard. - "History and Theory", vol. XII No. 4.
- MEILAND, J.W. Scepticism and Historical Knowledge. N.Y., 1965.
- MOMIGLIANO, A. Tradition and the Classical Historian. - "History and Theory", vol. XI No.3.
- MURPHEY, M.G. Our Knowledge of the Historical Past. Indianapolis - New York, 1973.
- MURPHY, G.S. On Counterfactual Propositions. - "History and Theory", Beiheft 9.

- MURPHY, G.S., MUELLER, M.G. On Making Historical Techniques More Specific. - "History and Theory", vol.VI No. 1.
- NADEL, G.H. Philosophy of History before Historicism. - "History and Theory", vol.III No. 3.
- NAESS, A. The Pluralist and Possibilist Aspect of the Scientific Enterprise. Oslo - London, 1972.
- NAGEL, E. The Structure of Science. L., 1974 (1st ed. 1961).
- NORDENFELT, L. Explanation of Human Actions. Uppsala, 1974.
- PASSMORE, J. Explanation in Everyday Life, in Science, and in History. - "History and Theory", vol.II No. 2.
- PASSMORE, J. Rev.: M.Mandelbaum. History, Man, and Reason. - "History and Theory", vol.XII No.4.
- PASSMORE, J. Rev.: M.White. Foundations of Historical Knowledge. - "The Journal of Philosophy", vol.63 No.17.
- PERINBAM, B. M. Homo Africanus: Antiquus or Oeconomicus? Some Interpretations of African Economic History. - "Comparative Studies in Society and History", vol.19 No.2.
- PHILOSOPHY and History, ed. S.Hook. N.Y., 1963.
- PLUMB, J.H. Rev.: F.Braudel. Capitalism and Material Life. - "New Statesman", 15.06.1973.
- POPPER, K.R. The Poverty of Historicism. Boston, 1957.
- POSTAN, M.M. Fact and Relevance: Essays on Historical Method. Cambridge, 1971.
- PRICE, J. Recent Quantitative Work in History: A Survey of the Main Trends. - "History and Theory", Beiheft 9.
- The PROBLEM of Civilizations. Report of the First Synopsis Conference. The Hague, 1964.
- RICKERT, H. Vom Begriff der Philosophie. - "Logos", Bd. I Nr. 1.
- RICKERT, H. Die Grenzen der Naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Tübingen, 1921.
- RICKERT, H. Urteil und Urteilen. - "Logos", Bd. III Nr. 2.
- ROBINSON, J.H. The New History. N.Y.-L., 1965 (Reprint of the 1912 edition).
- RYDING, E. The Concept "Cause" as Used in Historical Explanation. Lund, 1965.
- SALMON, J. H. M. Rev.: F.Braudel. Écrits sur l'histoire. - "History and Theory", vol. X No. 3.
- SCHIEBEL, J. Changing the Unchangeable. - "Studies in Soviet Thought", vol.VII No. 4.
- SCHIEDER, T. Geschichte als Wissenschaft. München-Wien, 1968.
- SCHLEICHER, H. Die bürgerliche deutsche Geschichtsschreibung der Weimarer Republik. B., 1975.
- SÈVE, L. Analyses marxistes de l'aliénation. - Philosophie et religion. P., 1974.

- SKOP, A.L. The Primacy of Domestic Politics: Eckart Kehr and the Intellectual Development of Charles A. Beard. - "History and Theory", vol. XIII No. 2.
- SMITH, P. The Historian and History. N.Y., 1964.
- SONNTAG, K. Das geschichtliche Bewusstsein des Schülers. Erfurt, 1932.
- STERN, A. Philosophy of History and The Problem of Values. The Hague, 1962.
- STIEHLER, G. Geschichte und Verantwortung. Zur Frage der Alternativen in der gesellschaftlichen Entwicklung. B., 1972.
- SUPPE, F. "What's Wrong with the Received View on the Structure of Scientific Theories?" - "Philosophy of Science", vol. 39 No. 1.
- SWEET, P. L. The Historical Writing of Heinrich von Srbik. - "History and Theory", vol. IX No. 1.
- THEORIES of History, ed. P. Gardiner. Glencoe (Ill.), 1959.
- THOLPSEN, T.R. Historical Thinking. N.Y., 1967.
- TODD, W. History as Applied Science: A Philosophical Study. Detroit, 1972.
- TOPOLSKI, J. Lévi-Strauss and Marx on History. - "History and Theory", vol. XII No. 2.
- TOPOLSKI, J. Metodologia historii. Warszawa, 1968.
- TOPOLSKI, J. Świat bez historii. Warszawa, 1972.
- TOPOLSKI, J. Von der idiographischen zur theoretischen Agargeschichte. - Studia historica in honorem Hans Kruus. Tallinn, 1971.
- TORSTENDAHL, R. Historia som vetenskap. Stockholm, 1971.
- TROELTSCH, E. Der Historismus und seine Probleme. Tübingen, 1922.
- TOULMIN, S. The Philosophy of Science. L., 1967 (1st ed. 1953).
- WALSH, W.H. An Introduction to Philosophy of History. L., 1967 (1st ed. 1951).
- WALSH, W.H. Knowledge in Its Social Setting. - "Mind", vol. 80 No. 319.
- WALSH, W.H. Rev.: R.F. Berkhofer. A Behavioral Approach to Historical Analysis. - "History and Theory", vol. X No. 2.
- WATKINS, W.H. Rev.: W. Gallie. Philosophy and Historical Understanding. - "Mind", vol. 74 No. 295.
- WEISSGERBER, K. Zwischen Urgeellschaft und Kapitalismus. Die Sowjetische Diskussionen über die vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen. II. 1945-1973. - "Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift", 16. Jg. Hf. 1.
- WHITE, H.V. Foucault Decoded: Notes from Underground. - "History and Theory", vol. XII No. 1.
- WHITE, M. Foundations of Historical Knowledge. N.Y.-L., 1965.

- WHITE, M. The Logic of Historical Narration. - Philosophy and History. N.Y., 1963.
- WHITE, M. Historical Explanation. - Theories of History. Glencoe (Ill.), 1959.
- WHITELEY, C.H. Rev.: H.Pain. Between Philosophy and History. - "Mind", vol. 81 No. 323.
- WITTRAM, R. Anspruch und Fragwürdigkeit der Geschichte. Göttingen, 1969.
- WITTRAM, R. Das Interesse an der Geschichte. Göttingen, 1963.
- WITTRAM, R. Zukunft in der Geschichte. Göttingen, 1966.
- ZELENY, J. Die Wissenschaftslogik bei Marx und "Das Kapital". B., 1968.

Тартуский государственный университет.

Ээро Николаевич Л о о н е.

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ.

На русском языке.

Художник-оформитель С. Стерн.

Редактор П. Ярве.

Художественный редактор С. Стерн.

Технический редактор А. Мериранд.

ИБ № 2444.

Подписано в печать 16.XI.79. МВ 07752.

Формат бум. 60x84/16. Бумага печатная № 1.

Печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 15,78. Тираж 1000.

Заказ № 26. Цена 1 руб. Заказное.

Издательство "Ээсти раамат", 200090, Таллин, Цяруское шоссе, 10.

Ротапринт Тартуского государственного университета, 202400,

Тарту, ул. Пялсона, 14.

I рyб.-